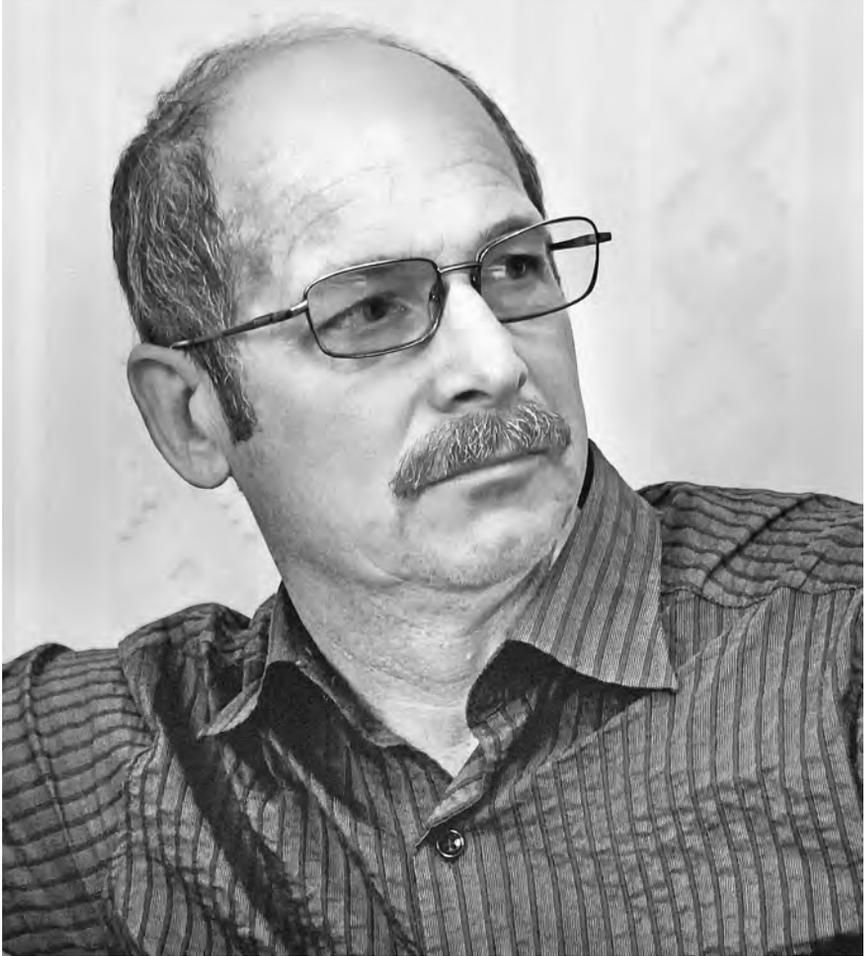

БИБЛИОТЕКА «ПИСАТЕЛИ-ЗЕМЛЯКИ»

Жить надо ради того,
За что можно умереть.

Иван Ильин

Николай Александров

Я встретил себя

Болотное
2020

ББК
А46

Проект администрации
Болотнинского района
Новосибирской области

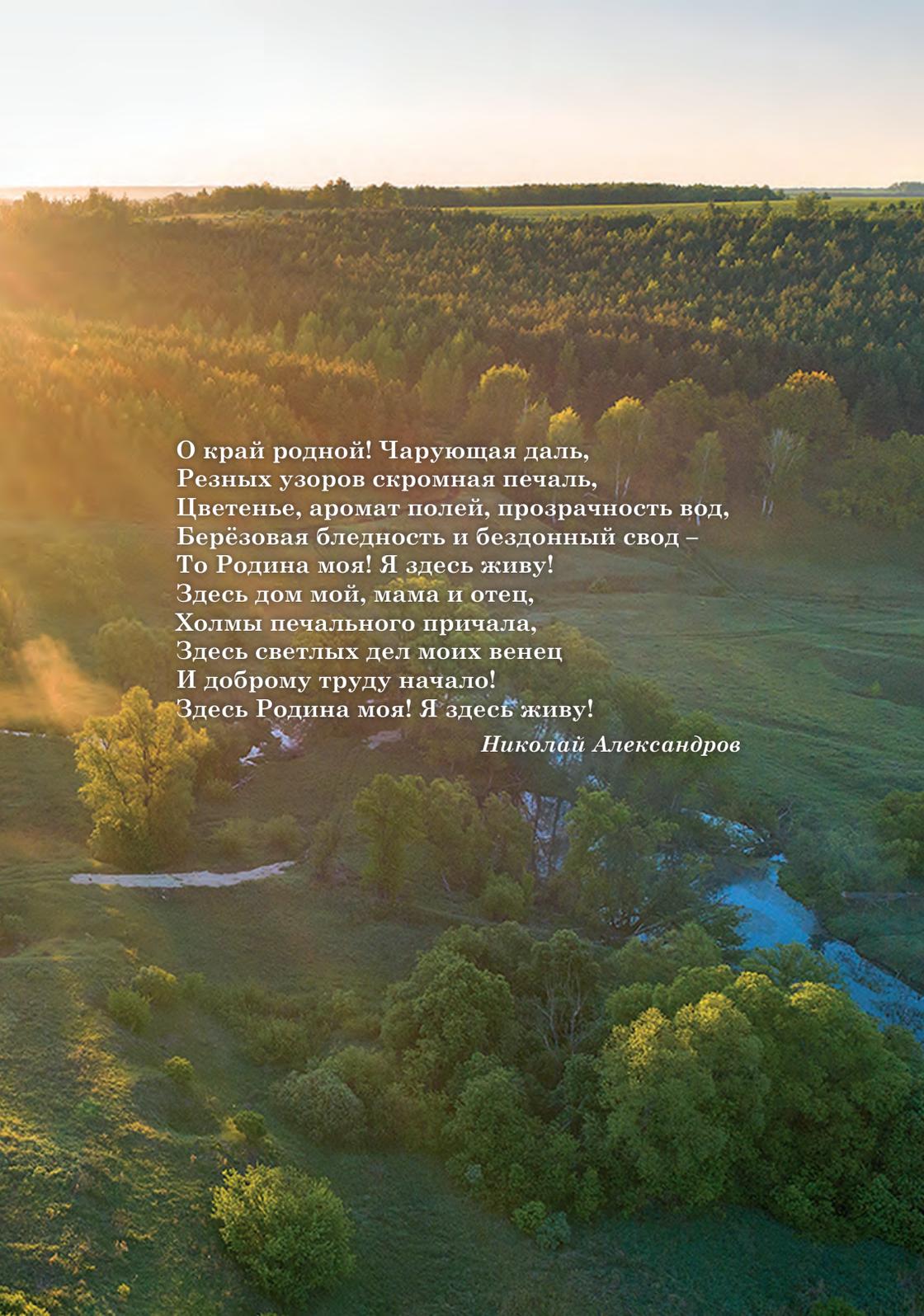
Александров Н. А.

А46 Я встретил себя. – Новосибирск : Издательский Дом «Историческое наследие Сибири», 2020. – 344 с. : ил. – (Библиотека «Писатели-земляки»).

Книга писателя-публициста, лауреата всероссийских и международных премий Николая Александровича Александрова знакомит читателей с прозаическими и публицистическими произведениями, связанными с Болотнинским районом Новосибирской области.

ISBN 5-8402-0100-6

© Администрация Болотнинского района
Новосибирской области, 2020
© Александров Н.А., 2020

О край родной! Чарующая даль,
Резных узоров скромная печаль,
Цветенье, аромат полей, прозрачность вод,
Берёзовая бледность и бездонный свод –
То Родина моя! Я здесь живу!
Здесь дом мой, мама и отец,
Холмы печального причала,
Здесь светлых дел моих венец
И доброму труду начало!
Здесь Родина моя! Я здесь живу!

Николай Александров

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я родился ранним утром 2 октября 1955 года в родильном отделении Болотнинской райбольницы на улице Комитетской. И ничего бы в этом событии не было примечательного, кроме личной заинтересованности, если бы, спустя лет пятнадцать, я легкомысленно не признался маме, что помню, как я рождался. Мама поперхнулась холодным чаем, внимательно глянула на меня:

– Ты знаешь, сынок, раньше я думала, что ты отменный лгун, и тебе нередко за это попадало, пока я не поняла, что это не ложь, а твои фантазии. Но, Коленька, меру и в фантазиях надо знать.

И тогда я начал рисовать на листке внутренние пределы и коридоры родильного отделения, потом палату, где со мной лежала мама, расположение кроватей и окон. Мама сидела с широко распахнутыми глазами и отказывалась верить очевидному и беспощадному сходству своей памяти.

– Ты там был! – догадалась мама. – И теперь морочишь мне голову!

– Да, был, мама, рожал вместе с тобой! Ты о чём? Кто бы пустил меня в родильное отделение? А знаешь, почему я заплакал, когда родился? Мне было душно, я задыхался, от обиды и от страха я заплакал. Наверное, именно поэтому всю жизнь боюсь нехватки воздуха. А потом акушерка взяла меня за ручку и ножку и показала тебе.

Мама сидела в полуобморочном состоянии и сухими губами произнесла:

– Врач приподняла тебя, держа за ручку и ножку, и сказала: «Смотри, какой пионерчик родился!»

Вот такая история.

В Болотном мы жили на улице Линеинной, 3, в квартире под номером 4, на втором этаже. Это была чудесная постройка для железнодорожного персонала, и поныне хорошо сохранившаяся. У нас на втором этаже была большая русская печь с полатями, под нами на первом этаже такая же – одна печь стояла на другой, представляете эту машину кирпича! Одна духовка выходила в коридор, и из неё по всей зиме торчали чьи-нибудь валенки. А в зале круглая финская печь, покрытая чёрным металлом и одним боком выпирающая сквозь стену в детскую комнату. В просторном дворе – люк выгребной ямы и детская площадка, сооружённая нашими родителями, ведь в нашем четырёхквартирном доме жило семь детей.

А самая большая тайна скрывалась на тёмном и пыльном чердаке с двумя окнами на фронтонах: там хранились коробки с бумагами, трухлявая и сломанная мебель, всякие старые вещи, с которыми мы охотно и затейливо играли. Мне жаль, что нынешние дети лишены той свободы передвижения по улицам, чердакам, а главное, у них нет тёплой печи, на которой вкусно пахло овчинным тулупом, жареной картошкой с чесночком.

В первый класс я пошёл с восьми лет, потому что октябрьских в школу уже не принимали. Законы в те времена были умными и исполнялись строго. Наверное, папа мог бы договориться со школой, он работал следователем в милиции, но мама его остановила, а позже призналась мне, сказав, что я был совершенно бестолков и не годен для учёбы. За последующий год, по словам мамы, я сильно изменился, посерьёзnel и пошёл в школу уже осознанно.

Но и в школу я попал не сразу, а с приключениями. Мама была на смене, она работала дежурным по вокзалу станции Болотной, папа тоже на работе, а потому, отпросившись на часок, мама прибежала со станции домой, благо совсем рядом – двести метров, нарвала в своём пышно цветущем садике гладиолусов, сунула мне этот букет, и мы помчались на линейку. Ранец за спиной беспощадно про-

сил о бережном передвижении, тревожно брякая карандашами в деревянном пенале. Букет казался мне противным, потому что я стеснялся и ненароком опустил его вниз головой, за что тут же получил увесистую затрещину от скорой на расправу мамы.

Во дворе железнодорожной школы № 23 было очень многолюдно и даже тесно, но мама нашла плотную стайку моих одноклассников, я неловко вручил букет, кому было приказано, и после слов: «Вот, Коля, это твоя учительница, держись за ней, а я побежала на работу», – мама растворилась в сторону железнодорожного вокзала. Скоро залиvisto заголосил колокольчик, призывающий всех на урок. И все дружной и плотной массой ринулись в школу. Я же благополучно потерялся. Когда все расселись по классам, я остался стоять один с просторным фойе огромной школы, вертелся по сторонам, побрякивая назойливым пеналом в ранце за спиной. В классах началась переключка, это слышалось из-за всех дверей. Потом меня кто-то долго водил по классам, наконец-то нашли мою учительницу, и всё наладилось.

В школе мне очень понравилось, особенно – одна девочка, звали её Рая Дворовенко. Я влюбился. Мало кто помнит, а я помню совершенно точно, не менее точно и в подробностях, не только как я родился, но и то, как я и когда я первый раз влюбился – 1 сентября 1963 года!

Потом была жизнь, как у всех, – трудная и весёлая, радостная и трагическая. Умер дед мой и покоится на болотнинском кладбище, на том, что у Западного переезда, там и сестра моя старшая, двенадцатилетняя, – умерла от порока сердца. И будто что-то проросло через моё сердце, зацепилось за родную землю, уже – навсегда, до самого последнего срока.

Учился я хорошо, но когда после третьего класса моего отца перевели на работу в Новосибирск, то все изменилось в худшую сторону. Я закончил с тройками школу № 22, сейчас это лицей № 22 «Надежда Сибири» – школу, которая,

на моё счастье, давала очень качественное образование даже троечникам! Так что, троечники, не теряйте надежду на счастливое будущее!

В Болотное я вернулся в 1975 году молодым специалистом и возглавил районный комитет по физической культуре и спорту при Болотнинском райисполкоме. А дальше, уже в 1982 году, за строптивость и неуправляемый характер партийная власть изгнала меня из района и, казалось, уже навсегда.

Но ошиблись они, через тридцать пять лет я вновь в Болотном – теперь уже для того, чтобы создать книги по истории родного края и выпустить книги писателей-земляков. Одна из них моя книга – «Я встретил себя». Эта книга – об интересных событиях и удивительных людях нашего района, крутых, сильных и своенравных – таких, какими и должны быть самостоятельные и независимые люди. И о себе, потому что недавно я понял, что никогда не уезжал из родного края... Сам-то уезжал, а душа теплилась здесь, на русской печке, пахнувшей тёплым белёным кирпичом и парным хлебом.

Николай Александров

ЧЕЛОВЕК БУДУЩЕГО

Писать об Александрове Николае Александровиче легко и в то же время трудно, потому что он само противоречие. Легко, потому что добр и живёт открыто, что называется, для людей, но в то же время требователен не только к себе, но и к окружающим. Мягкий и тактичный, и тут же категоричен и бескомпромиссен относительно любой неправды, особенно если это касается власти – в нём обнаруживается отсутствие какой-либо политкорректности. Редко встретишь человека с таким тонким юмором и самоиронией, и с необузданной работоспособностью, которая подчиняет себе всё окружающее. Живёт вроде бы и открыто, но личные проблемы старается скрыть. Как-то я ему посочувствовала, на что он с оптимистической ноткой в голосе ответил: «В бедствии рождается здоровая человеческая сила», а потом подумал и добавил: «Видишь ли, Оля, жизнь – это испытание, счастливая трудность».

Противоречивое чувство меня не покидает и теперь, мне трудно понять, когда он организован и как он организован, потому что иногда кажется, что у него всё в кучу, но позже выясняется, что всё было сделано в срок. Как отличить суету от продуманного плана, и есть ли он, этот план, у Александрова? Я до сих пор затрудняюсь сказать однозначно, но выходят книги, такого качества и такой толщины, по его же словам, которыми «быка можно свалить с ног», что понимаешь – без плана, жёсткой самоорганизации и дисциплины такие книги создать невозможно.

Но всё по порядку. Первое знакомство с Николаем Александровичем состоялось в центральной районной библиотеке. Быстрым шагом в аудиторию вошёл мужчина неопределённого возраста, можно сказать, в расцвете сил, спортивного телосложения. Было очевидно, что оратор

он опытный, потому что с первой же минуты расположил к себе участников семинара. Смешно было наблюдать, как время от времени Александров менял очки (из-за особенности зрения менял одни на другие). И когда в очередной раз хотел зачитать текст, не обнаружил нужных, улыбнулся:

– Не те глаза обул!

И пока все соображали, как можно «обуть очки», он нашёл потерю. А я поняла, что он использовал неловкую ситуацию, превратив её в разрядку для уставших слушателей. Однако говорил лаконично, в каждое слово вкладывал глубокий смысл, скорее, мудрость жизни, которую приобретают только те люди, которым пришлось много думать и пережить. Но с особым азартом Николай Александрович рассказывал о предстоящей совместной с нами реализации нового проекта – создании «Народной летописи Болотнинского района». Запомнились его слова, что он мечтает получить такую книгу, которую бы «с интересом прочитал даже троечник, а прочитав, был готов защищать свою родину».

Позже произошло знакомство с творчеством писателя Александрова. Говорят, что ничего случайного не происходит, наверное, это правда, потому что прочтение книги «Тайна счастливой жизни» совпало с моей личной трагедией – смертельно заболела подруга. В рассказе «Клоун» я нашла ту нравственную поддержку, которая помогла мне пережить смерть близкого человека и осознать, что «...смерть надо воспринимать как часть жизни». И ещё: «Да, смерть сильнее жизни, но любовь сильнее смерти!»

Когда читала рассказы Александрова, то не было и тени сомнения в том, что всё, о чём он пишет, и всё, что происходит с героями рассказов, он так или иначе пережил сам. И ещё: его рассказы не могут не затрагивать души людей, будь то взрослые или дети, потому что они о главном, о вечных ценностях – о дружбе, милосердии, доброте, любви. А созданная им библиотека «Мудрые дети» – неоценимая помощь в работе учителям, воспитателям и родителям.

Его методику использую и я на авторском спецкурсе «Грамматика нравственности» для 6–7-х классов.

Каждый раз, когда во время чтения или прослушивания аудиокниги с рассказами Николая Александровича слышу смех или вижу слёзы на глазах детей, а в конце занятия – детскую просветлённую благодарность, я в такие моменты мысленно благодарю автора.

В одном рассказе мальчик возит тележку с коробом по городу, над которым давно не вставало солнце, и будит людей, выкрикивая одну и ту же фразу: «Солнечный лучик! Солнечный лучик!». Этот мальчик мне чем-то напоминает самого Александра – его непревзойдённым упорством и желанием жить.

Реализацией проекта «Народная летопись» Николай Александрович был просто одержим. Он всё-таки очень хороший организатор: всё кипело, вертелось и работало вокруг проекта. Любой вопрос Александров решал мгновенно, как любят говорить мужчины, «в одно касание». Звонил, ехал по всем сельским администрациям, занимался поиском информации, респондентов, фотоматериала, и при этом очень много писал сам. Понятно, что он был не один, половина администрации района работала на «Летопись». Всем работы хватило, а кому-то и с лихвой досталось.

Он придирчиво относился к каждой строчке текста, фотографии, запятой, его требовательность иногда граничила с упрямым занудством. Честно сказать, мы премного натерпелись от него, иногда даже плакали. Но что подкупает в Александрове – это искренность и беспощадность к себе в первую очередь, именно поэтому невольно нанесённая им обида быстро забывалась. Иногда он рассылал нам свои статьи и просил высказать наше мнение. Замечания слушал внимательно, спорил, иногда соглашался и правил, а то и полностью переписывал собственные тексты, что случалось, правда, крайне редко. Мы не понимали, зачем ему это нужно, а он потом открыл тайну: сказал, что объём текстов большой, а сроки поджимают, и нет времени, чтобы

дать тексту «отлежаться», в этой ситуации выручало мнение других. Скажу откровенно, мы его не очень-то жалели, всё говорили как на духу, даже немного с добавочкой. Не то чтобы мстили, но помнили и его заботу.

Однажды я не сдала вовремя свой текст, он позвонил и начал меня «строить», я сослалась на занятость – семья, работа, и вообще настроение не то, не до творчества мне было в тот момент.

– Оля, – благодушно и совсем по-отечески вздохнул Александров, – для волшебного пенделя у меня нет ни силы, ни времени, сам сижу в родильне. Так что иди и пиши! Завтра твой текст должен пойти в вёрстку.

Позитив получен, я поняла, что Александров сам вечно «беременный», и у него тоже семья и настроение, и планы, а тут ещё каждый лезет со своими проблемами, а то и капризами.

Знаю, что за три года Александров проехал с семинарами по всем районам и городам Новосибирской области, и его семинары посетило более трёх тысяч учителей. Кроме того, в Кольвани, где он живёт, ежегодно проводит конкурс ораторов среди школьников. Однажды Александров пригласил к себе домой тех, кто много работал над «Летописью». Мы увидели, как он живёт: правильно живёт, трудами. Но, глядя на его большое хозяйство, на один вопрос я так и не нашла ответа: когда же он успевает писать? И я же не утерпела и задала ему этот вопрос, а он ответил:

– По Маяковскому: «Землю попашем, попишем стихи».

Недалеко от его дома заброшенный лог, который он мечтает превратить в ореховый парк и посадить в нём маньчжурский орех и кедр. Я спросила:

– Александров, тебе что, больше всех надо?

Он посмотрел на меня и вдруг очень серьёзно ответил, будто сердце распахнул:

– Настоящее создаёт будущее. Понимаешь? Мы сегодня закладываем это будущее. Если бы наши родители

огромным и жертвенным трудом не создали тот военно-экономический щит, который они создали, нас бы уже не было. Они думали о нас, о своём будущем и жили будущим.

– Александров, ты всегда всё усложняешь, надо жить здесь и сейчас! Радоваться и наслаждаться этой жизнью!

– Именно так! И это счастье – жить! Но, видишь ли, Оля, если народ не живёт будущим – он умирает, это закон природы. А законы нарушать нельзя. Тебе, может, и не нравится зима, но она есть, и нравится она тебе или нет, это не важно, но с морозами приходится считаться, если ты собираешься, конечно, жить в собственной и свободной стране.

И я поняла, что Александрова нет среди нас – он среди наших детей и внуков, и тех, кто ещё не родился, он в будущем. Это удивительно! Он здесь, но жить будет потом!

Презентация книги «Народная летопись» стала настоящим событием к 95-летию Болотнинского района для всех его жителей. Когда дали слово Александрову, он выразил признательность всем участникам проекта. Нашёл слова для каждого, поблагодарил всех авторов за колоссальную работу, проведённую в сжатые для такого объёмного проекта сроки, и в заключение сказал:

– Много сделано. Но главное – качество и новизна, мы разработали и реализовали новый жанр художественно-краеведческой литературы, нашу книгу будет интересно читать детям! Нет другой такой книги в России, и никогда ещё не было, мы – первые, значит, мы стали полезны сразу всей стране!

А потом, когда председатель райсовета Олег Валерьевич Королёв начал говорить добрые слова в адрес Николая Александровича, тот непринуждённо и как-то незаметно нейтрализовал внимание к себе и перевёл разговор на другую тему. И я опять подумала, что Александров всё-таки мастер манипуляции, я давно его в этом подозревала.

Время от времени мы забегаем в Краеведческий музей. Мы – это те, у кого в процессе создания книги о Болотнин-

ском районе заполнился душевный вакуум светом сотворчества, одной целью и общим делом, которое приносит пользу в первую очередь нам самим и, конечно, другим людям. Много болтаем и смеёмся, вспоминаем Александрова, что называется, перемываем ему косточки. А недавно пришли к единому мнению, что он вовсе и не крутой, а просто наивный романтик, который считает, что обязан спасать всех и каждого, что в ответе за всё, что происходит у нас в стране. Он искренне верит, что каждый из нас в ответе перед будущим. Вот, наверное, почему, когда думаю о нём, невольно вспоминаю мальчика из рассказа, который тянет за собой тележку с коробом, в котором до времени спрятался свет будущего, и упорно пытается разбудить людей, выкрикивая: «Солнечный лучик! Солнечный лучик!».

В заключительной статье к «Народной летописи» Александров написал удивительные слова, которые я запомнила, наверное, навсегда: «Понимаете, как это важно – отдать самую сильную и верную любовь, всю, без остатка, Родине!» И я опять почувствовала где-то под сердцем щемящую тоску и вместе с этим испытала чувство радости, что есть люди, способные вот так бескорыстно, беззаветно любить своё дело, свою Родину, отдавать всего себя «без остатка». В этом весь Александров! И мы такие же, как он, мы все в одном строю, потому что любовь к Родине нас объединила, и мы, и каждый из нас в своём городе, селе или деревне напоминает людям, что солнце светит только тем, кто хочет жить – жить счастливо, и мы всё делаем для того, чтобы наше солнце светило вечно.

*Ольга Елгина,
учитель истории и обществознания
Корниловской средней школы,
учитель высшей категории*

«ОЛИМПИЙСКИЙ ЧЕМПИОН»

Новосибирское бюро международного молодёжного туризма «Спутник» формировало группы для поездки представителей от районов НСО на XXII летние Олимпийские игры, которые проходили с 19 июля по 3 августа 1980 года в четырёх городах Советского Союза (главная арена находилась, конечно, в Москве).

В то время я работала первым секретарём Болотнинского райкома ВЛКСМ (Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодёжи) и была назначена руководителем одной из групп. В её состав входили передовики производства, новаторы, общественные активисты, творческие люди из разных районов и городов нашей области. За хорошую работу и высокие показатели наших спортсменов на областных сельских играх бесплатную путёвку получил наш земляк, председатель Болотнинского спорткомитета – Николай Александров, активный член РК ВЛКСМ.

Каждый день Олимпиады был наполнен очень яркими, интересными мероприятиями – не только спортивными соревнованиями, но и встречами с другими делегациями в Интерклубе, экскурсиями по городу и многими другими.

Неизгладимое впечатление на нас произвели финальные старты наших легкоатлетов. Мы стали свидетелями побед нашего земляка Виктора Маркина на дистанциях 400 и 800 метров!

Но самое сильное впечатление мы получили, конечно, от церемонии закрытия Олимпиады, на которой мы присутствовали вместе с Николаем. Огромный олимпийский мишка, символ советской Олимпиады, взмывающий в небо над стадионом в Лужниках, и песня в исполнении Льва Лещенко, Татьяны Анциферовой и ВИА «Пламя», не могли

оставить нас равнодушными к происходящему на большой арене. Все сидевшие на трибунах стадиона сквозь слёзы махали вслед улетающему мишке, ревели девчонки нашей группы, плакали даже иностранцы, так трогательна была финальная часть закрытия Олимпиады.

Но не только болельщиками и наблюдателями были мы на этом замечательном мероприятии. Для туристов организаторы Олимпиады проводили соревнования-забеги на «олимпийскую милю» длиной 1980 метров. Старты проходили в парке Вернадского, недалеко от станции метро проспект Вернадского». От нашей группы принимали участие несколько человек, в том числе и Николай. Скажу прямо, ему не очень-то хотелось бежать почти два километра, и он слегка сомневался: я, мол, не бегал уже года два, и формы у меня нет, я что, в брюках побегу?

У меня же были свои доводы: кому же ещё бежать, как не спортсмену?

Но когда мы пришли на старт, я поняла беспокойство Николая. В числе стартовавших были люди в спортивной форме, по виду настоящие бегуны, перед стартом они разминались, как завзятые спортсмены. Впрочем, основная масса пришедших на старт была очень похожа на отступающих французов в 1812 году. Одеты они были не лучше Николая, кто в чём.

Каково же было моё удивление, когда Николай перед стартом втиснулся в первый ряд бегущих! Он что-то им сказал и застегнул ворот рубашки.

Раздался выстрел, и вся огромная масса участников забега рванула по аллее парка, зрители отступили на газон, пропуская бегущих. Николай ушёл со старта первым! Он промчался мимо меня, громко стуча по асфальту каблучками лакированных туфель.

Я, как руководитель одной из групп, принимающей старт, стояла среди организаторов «олимпийской мили» – сотрудников Московского БММТ «Спутник» и членов судейской коллегии. Через несколько минут, завершая

первый круг, промчалась вся орава бегунов. К моему удивлению, первым бежал Николай! Он бежал с отрывом метра два, чуть прогнувшись и сильно работая руками, рубашка бабочкой летала за спиной, а за ним, преследуя рысью, гнались легкоатлеты в кроссовках, спортивных майках и атласных трусах.

– Это что за чудо такое? – спросил кто-то из изумлённых организаторов.

– Это наши, – ответила я, – из Новосибирской области.

– Сибиряк... – ответил судья, но уже уважительно и даже с почтением. – Не удержаться вашему парню, за ним чертановские бегут.

– Посмотрим, – ответила я, и в ту минуту мне очень захотелось, чтобы Николай победил, вот непременно сейчас важно было утереть всем зазнайкам нос, не дать обойти себя этим чертям чертановским! – Мы тоже не лыком шиты, – ответила я судье, – мы тоже из Болотного.

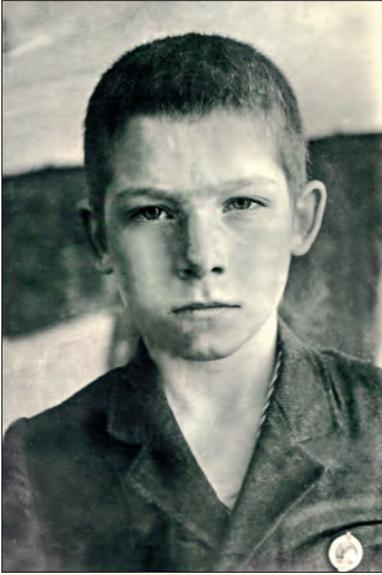
Николай не подвёл! Он первым коснулся финишной ленточки, пробежал по инерции несколько метров и растянулся на газоне...

Потом была церемония награждения, пьедестал почёта и золотая медаль победителя «олимпийской мили».

Николай стоял бледный и счастливый, а на следующее утро мы поехали покупать ему новые ботинки.

Вот такая история об «олимпийском чемпионе» из Болотного.

Галина Голошевская

Николай. 1966 год

**Николай и сестра Неля
заглянули к отцу в кабинет. 1965 год**

**Николай.
1972 год**

На литературном фестивале. Облбиблиотека (НГОНБ), Новосибирск, 2012 год

Москва, Дворец съездов. В первом ряду Марина Ганичева и Сергей Котьяло, во втором ряду справа – председатель Союза писателей России В. Ганичев

**Всемирный русский народный собор, Москва, Дворец съездов.
Слева направо: В. Лазуткин, Н. Александров, В. Распутин, С. Распутина**

**Слева направо: Н.А. Александров, министр культуры НСО В.И. Кузин
и директор НГОНБ С.А. Тарасова**

На фестивале в Красноярске с М. Тарковским

**Вручение Государственной премии Новосибирской области.
Слева направо: А. Шимкив, Н. Александров, А. Травников. 2019 год**

Рассказы

из детства

Я ВСТРЕТИЛ СЕБЯ

С поворотом ключа в хлипких дверях дачного домика закрывался ещё один год жизни и прятался в тайник памяти, а ключ в целлофановом пакетице – под домик. Всё по-хозяйски прибрано и аккуратно уложено на участке с надеждой, что никто не влезет, не взломает, не найдёт, не украдёт.

Знакомая, остывшая и потому, наверное, неприветливая, тропинка от пролома в заборе дачного кооператива по тополиным тёмным посадкам вдоль железнодорожной насыпи выводит на ровный асфальт платформы полустанка.

Электропоезд уже слышно, но я знаю, что прибудет он минут через пять, с оглашенным свистом и на полном ходу, с вечным желанием проскочить мимо; завизжат тормоза, обожжёт нос железной гарью, и состав застынет, клацнув короткими автосцепками. Мне давно знаком норов электрички, и я, опытный пассажир, всегда оказываюсь напротив шипящих вакуумными насосами дверей, потом – четыре заплёванные окурками железные ступеньки, грохот расхлябанных роликов дверей из тамбура в вагон и жёсткая, неудобная скамейка.

Мой любимый вагон – второй, потому что в демисезонье экономные машинисты отапливают только первые два вагона. Я люблю шестую лавку по правой стороне, и если она вдруг занята, томлюсь на другой всю дорогу. Сегодня мне повезло – «моя» лавка свободна, только мальчик сидит и смотрит в окно.

– Позвольте? – спросил я у мальчика и сел напротив него.

– Да, – ответил тот и взглянул на меня голубыми глазами.

Я удивился, потому что на меня смотрели до боли знакомые глаза. Потом я привычно расположился, прежде закинув свой упругий рюкзак на полку над головой, опять посмотрел на мальчика, пытаюсь вспомнить, где я видел эти глаза. И вдруг понял, что это мои глаза. Я ещё раз глянул и обомлел: напротив меня сидел я, да – я, но не теперешний, а когда ещё был двенадцатилетним мальчишкой. Я не поверил своим глазам.

– Юноша, – спросил я, – вас зовут Колей?

Мальчик удивлённо посмотрел на меня и кивнул:

– Да.

– Ты едешь с дачи, ты только что спрятал лопаты и грабли в дровах, а ключ от домика завернул в целлофановый пакет... Нет, так теперь не говорят, это я в своём детстве заворачивал ключ в целлофан, а ты, верно, завернул его в полиэтиленовый пакет и подсунул под дом.

Он с тревогой посмотрел на меня и обернулся на пассажиров в вагоне.

– Не волнуйся, я хороший человек, я сам только что спрятал ключи в щели между фундаментом и домом, и меня тоже зовут Колей, ну, может быть, дядей Колей или даже дедой Колей.

Мальчик ещё раз внимательно посмотрел на меня и смущённо отвернулся к окну. А за окном мелькали прозрачные ветви деревьев и потемневшие от дождей деревенские низкие дома с покосившимися заборами и грязными дворами.

Когда-то, очень давно, я, как и этот юный Коля, ездил в электричке на дачу. Я чувствовал всю полноту власти и самостоятельности на наших четырёх сотках, уже тогда я планировал заботы на лето, и мне нравилось восхищение соседей моим трудолюбием и хозяйственностью. Мы жили бедно, мы жили трудно, но мы жили весело и с удивительным и не проходящим ожиданием счастья.

Глядя на знакомое лицо, я знал, что этот маленький человек очень стесняется своего крупного носа, боится дев-

чонок, но втайне всегда влюблён. Я знал, что он мечтателен, наивен и честен.

Я вспомнил, каким светлым и чистым ребёнком я был. Наивность моя и доверчивость не знали пределов. Я так любил людей, отчётливо помню это состояние души и ощущение, что вокруг меня все такие хорошие, добрые и умные люди. И не менее отчётливо помню то время, когда вдруг пришло понимание необходимости бороться за место на земле, за свой клочок неба над головой. И я променял всё небо на этот клочок. С такой оголтелой настойчивостью и энергией я приспособливал себя к окружающему миру, что и не заметил, как изуродовал себя. Я научился лгать, изворачиваться, подстергать и ненавидеть, научился быть вероломным и рачительным. Я окончил большую школу, но теперь я понимаю, ясно и жестоко понимаю, что учил не те предметы.

Я сидел молча и понуро, изредка поднимал глаза и украдкой глядел на юного соседа-себя. Я не мог и предположить, что когда-нибудь встречу себя совсем юного, я оказался не готов к этой встрече. Что сказать, как предупредить, как оградить этого маленького Колю от бед и несчастий? Как в двух словах рассказать, что такое жизнь и почему она такая тяжёлая? Я не знал, как рассказать, и потому сидел и молчал. Трусливо молчал, потому что боялся, что этот мальчик сам испугается моих рассказов о жизни, не поверит и подумает, что только сумасшедший может рассказывать о сумасшедшей жизни, и убежит. Но вдруг я сообразил и торопливо снял с полки свой рюкзак, развязал горловину и в многочисленном ворохе вещей нашёл тонкую книжечку.

– Возьми, прочитай. Это я написал. Посмотри, открой обложку, там есть моя фотография.

Мальчик принял книжку и посмотрел на моё фото.

– И мы когда-то были рысаками, – пошутил я, оправдывая свои морщины и лысину.

– Спасибо. Это правда вы написали?

– Я, честное слово. Николай, я очень старался, когда писал её. Я писал её о себе, но то, о чём там написано, касается и тебя лично. Поверь мне. Ты поймёшь это, пусть не сейчас, пусть через несколько лет, но ты обязательно поймёшь. Я буду очень рад, если она поможет тебе. Ты её только не потеряй, хотя бы до времени...

Электропоезд медленно вполз на конечную станцию. Мы поднялись с жёстких скамеек и побрели к выходу. Двери впустили сырой холодный воздух улицы. Коля спрыгнул со ступенек вагона первым и, обернувшись, крикнул:

– До свиданья!

Я махнул ему рукой и, кажется, захотел остановить его. Потом долго стоял, наблюдая, как он быстро удаляется прочь. От меня уходил я сам, и теперь уже – в вечное будущее.

«Терпи, сынок, – думал я, – терпи, у тебя впереди ещё целая жизнь – непрожитая жизнь».

Я утёр онемевшее от напряжения лицо. Что мне радостного было в ней, в этой неустроенной и запутанной жизни? – Ничего! Сколько страданий и горя? Гора! Так почему же так щемит сердце и тоскливо сжимается грудь? Почему жаль, что она осталась позади? И я вдруг понял, я понял, что должен был сказать и о чём предупредить. Я должен был сказать, что главное в жизни – это любовь! Да, конечно, и без сомнения – главное – это любовь! Но ведь чтобы он поверил мне, я должен был рассказать ему, что такое любовь. И что я стал вдруг и сразу счастливым человеком, когда понял, что такое любовь.

А как за несколько минут рассказать, что любовь – это искренняя доброта, бескорыстная щедрость и горячее милосердие; любви не бывает, если твоё сердце не полнится осмысленным состраданием и твои поступки не полны разумной, полезной помощью людям и созидательным трудом, а чувства твои должны гореть ярко и радостно вечной надеждой на лучшее. И особенно ярко, когда кругом тьма! Понимаешь ли,

сынок! Понимаешь ли, особая честь и радость – гореть именно в крошечной и беспощадной темноте! Если бы ты только знал, сколько безупречного и ясного восторга я испытываю нынче в осознанном труде, наполненном надеждой на лучшее!

Любовь не ищет выгоды и не торгуется, она бескорытна! Любовь – и только любовь – есть смысл жизни, только ради неё и стоит жить. Вот на чём держится человечность и чем наполняется человеческое достоинство – любовью!

Я смотрел на опустевший перрон, на асфальте которого остывали мои следы. Смотрел и думал, думал вдогонку ушедшему себе: Коля, Коленька, сынок! Удастся ли тебе уберечь свою чистую душу от горя и бед? Трудно. Попробуйся, может, у тебя получится, у меня не получилось. Я жил, страдал и часто мучился, потому что делал не то и не так, потому что понял смысл истинного счастья, когда стал стариком, но я успел-таки стать счастливым человеком! Ты молод, ты совсем ещё юн, тебе так много дано – целая и не прожитая жизнь! Жизнь, которую целиком и полностью ты можешь прожить радостно и счастливо, если поймёшь, что сила и ценность её – в любви, в твоей готовности служить высокому и непостижимому. А понять это и просто, и трудно. И дело не в том, в какое время ты живёшь, где живёшь и кто рядом, кто твой друг и какая власть над тобой, главное дело в том, для чего ты живёшь. Понимаешь ли, не оборачиваясь ни на кого, знать, для чего именно ты живёшь! Конечно, не последнее дело – кто у власти и кто рядом с тобой, и когда счастье твоего бытия родилось и живёт в твоей душе; а более того, когда это торжество забилося, застучало в твоей груди равнодушным сердцем.

Настойчиво зарабатывай деньги, упорно делай карьеру, радуйся славе и творческим успехам, потому что все эти материальные блага позволят тебе совершить много добрых дел и послужить вечности, потому что любовь нет-

ленна, она и есть – вечность! Вот что стало теперь смыслом моей жизни.

Сегодня я встретил самого себя. И что я сделал, чем помог? Подарил книжку? Какая наивность! Мне кажется, что наивность – это единственное, что осталось у меня с детства, от меня самого, настоящего. Но ведь я должен оставить что-нибудь для будущего. Я так хочу, чтобы люди жили счастливой жизнью! И я подарил книгу. Утешит ли это меня и оправдает ли многие годы, прошедшие в поиске смысла собственного бытия? Не знаю, а теперь это и не важно. Но так хочется, если бы вы только знали, как хочется, чтобы моё прошлое примирилось с моим настоящим и моё детское наивное счастье соединилось со счастливой судьбой старика!

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Туманная сырость сменилась косым снежным дождём: крупные хлопья скатывались вниз, расчерчивая всё видимое пространство, и исчезали, едва касаясь земли. Устроившись на сеновале, Генка разглядывал обледеневшие ветви яблони. Ему было жалко их за покорную беззащитность. Не поворачивая головы в сторону друга, устроившегося рядом, он спросил:

– Слышь, Лёх!

– Чё?

– А как думаешь, деревья зимой умирают или просто спят, как медведи?

Лёшка авторитетно засопел:

– Фиг их знает, может, мрут, а может, так стоят.

Они замолчали. Генка выглянул в окно и попытался посадить на ладонь какую-нибудь сытую зазевавшуюся снежинку.

– Слышь, Лёх, – обернулся Генка.

– Чё? – устало отозвался тот.

– А на что снег походит, думал?

– Фиг его знает, на сахар, наверное.

– Иногда и на мороженое, да?

– На мороженое? – Лёшка приподнял голову и посмотрел на друга. – Редко.

– А на то, что около ОРСа продавали по десять копеек, помнишь?

– На него чаще, – сглотнул слюну Лёшка. – И ещё на апельсины.

– С чего бы? – удивился Генка. – Апельсин жёлтый, снег белый...

– Зато вкусный, апельсин-то, – назидательно пояснил Лёха.

– Вкусный, это факт, – согласился Генка и вспомнил апельсин, каким его угощала соседка тётя Стеша. Он тогда с вожделением очистил яркий диковинный плод и съел его, сначала по дольке, а потом уже по полдольчки, по кусочку, а кожуру надёжно припрятал в карман: руки ещё долго хранили терпкий аромат, а когда корочки подвяли, он спрятался за сарай и догрыз их до самой цедры. Генке на мгновение померещилось, что уличная прохлада вдруг запахла апельсинами. Лёшка, словно расслышав этот запах, заёрзал, вздохнул и принялся грызть травинку.

У Лёхи Лаптева была неровная, но яркая биография: вот уже второй год он крепко держался за парту 4-го «А» класса, нещадно матерился, дрался на переменах и достаточно ловко срывал уроки. Отчего вдруг опрятный и покладистый ученик 2-го «В» класса Генка Ракитин связался с Лёшкой, никто не понимал. Однако все пацаны к этой дружбе относились с уважением.

Лёшка неожиданно приподнялся, взгляделся в самый тёмный угол сеновала и спросил:

– Геша, а правду говорят, что Манька помрёт?

– Не знаю точно, но говорят, что помрёт, – задумался Генка, вспомнив о сестре.

Маша много дней провела в больнице, но на прошлой неделе её неожиданно привезли обратно. И в доме воцарилась насторожённая тишина. По комнатам ходили и шептались незнакомые люди. Печь стояла остывшей и, казалось, пахло лекарствами. К обеду соседка тётя Стеша приносила холодные щи, Генка съедал несколько ложек и сбегал на улицу, где его ждал Лёшка, у которого всегда можно было разжиться куском хлеба и колбасы. Где Лёшка добывал колбасу, Генка не знал. Однако, по его словам, на мясокомбинате, на который работало полпосёлка, колбасы была прорва. В самом посёлке колбасу не продавали, а вывозили специальным поездом в Москву. Генка, кстати, гордился тем, что москвичи едят поселковую колбасу, и никак не мог

понять, отчего взрослые без конца ругают какого-то «преда» и поселковый совет.

Генка попытался выбраться из своего лежбища.

– Тише ты, – рассердился Лёшка, заслоняясь ладонью от поднявшейся сеной пыли.

– Слышь, Лёх...

– Чё?

– Ты мне друг?

– Ну.

– Откуда у тебя колбаса?

– А-а... – многозначительно ответил Лёшка и сплюнул сквозь зубы, и, словно беседуя с кем-то посторонним, спросил: – А ты пойдёшь колбасу тырить?

Генка прищурился и с азартом посмотрел другу в глаза.

– А вправду возьмёшь?

– А ты вправду пойдёшь?

– Пойду, а когда?

– Можно сегодня, можно потом.

– Ну, ясно, сегодня, – с трудом сдерживая восторг, прошептал Генка.

За сараем хлопнула калитка. Мальчишки насторожились и выглянули в окно. В огороде появилась тётя Стеша.

– Гена-а-а... – позвала она.

– Чё, тётя Стеш? – отозвался Генка.

От неожиданности женщина вздрогнула, невнятно ругнулась и наспех окрестила рот.

– А-а, вот вы где! Давай сюда, мать кличет. И этот басурманин с тобой? А, чёрт бесстыжий, а ну ступай по своим...

Лёшка выпрыгнул из окна и неспешно пошёл прочь. У калитки тётя Стеша вдруг остановилась, внимательно оглядела Генку и отряхнула с его шапки соломинки.

– Ты уж к Машеньке поласковее будь, Геночка, сам понимаешь. – Она поглядела куда-то вдаль и вздохнула. – Помоги ей, Господи.

Генка прошёл в дом, разделся и направился в комнату родителей. Пахло лекарствами и горечью. Маша сидела на кровати, подложив под спину подушки, она прикрыла одеялом исхудавшие плечи и попыталась улыбнуться.

– Здравствуй, Гена.

– Здравствуйте, – ответил Генка и посмотрел на отца, как бы ища помощи или подсказки.

– Ну, ты что, отвык, – отец приобнял Генку за плечи и попытался рассмеяться. – Ты что, Геша, подойди к сестре, Мария ждала тебя столько.

Генка настороженно присел на краешек кровати и занялся подсохшими мозолями на грязной ладошке.

– Ген, я всё хотела тебя спросить, – Маша коснулась его руки. – Ты наш секретик не трогал?

– Даже не касался, – ответил Генка и посмотрел на дверь.

– А ты что загадал тогда, скажешь? – попросила Маша.

– Кажись, пилотку солдатскую, как у дяди Саши, – видела?

– А я, знаешь, что загадала?

Генка пожал плечами.

– Я загадала, чтобы Лёшкины родители перестали пить навсегда.

– Фигня эти загадки, они вчера опять нажрались, – оживился Генка.

– Тебе Лёшка сам сказал или ты подслушал?

– Сам сказал, а ещё он говорил...

– Что я скоро умру, правда? – и она со спокойной надеждой посмотрела ему в глаза.

– Да.

– А он смеялся при этом?

– Что ты говоришь, доченька, – отец поднялся и зачем-то закрыл форточку.

– Нет, папочка, нет, – Маша ещё плотнее закуталась в одеяло. – И ты, Геночка, ты передай своему Лёшке, пусть он не смеётся и не ругается больше. А ты сам, сам учись

хорошо и не обижай хотя бы маму, и учти, мне оттуда всё будет хорошо видно.

Отец не выдержал, вытолкал Генку из комнаты и позвал врача. «Господи, Господи», – замолился кто-то на кухне. Генка остался один, равнодушно отодвинутый от происходящего. Мимо прошёл врач, задел его, извинился, взял его за плечи и поставил к вешалке, как какую-нибудь ненужную вещицу. Следом появилась тётя Стеша, и Генка попытался поймать её за рукав.

– Тётъ Стеша, а Маша оживает?

– Господи, ну что ты говоришь-то?

– Тётъ Стешенька, ну, она не умрёт, не умрёт? – Генка уткнулся ей в живот. – А умирают – это как – насовсем?

– Ну что ты, сердешный, ну пойди к Лёшке, тот, поди, заждался, иди.

А Лёшка действительно ждал в условленном месте. Они молча, по-деловому пожали друг другу руки.

– Отпустили? – спросил Лёшка и циркнул под ноги.

– Сам ушёл.

– Как Манька? – сдержанно спросил Лёшка.

– Помирать собирается. Передавала, чтобы ты не маялся.

– Ага, понятно, сам придумал.

– Зуб даю, так и велела: накажи Лёшке, чтобы не ругался.

– Врёшь! – Лёшка развернулся и зашагал в сторону мясокомбината.

Посёлок ещё не спал. Во многих домах горели огни. А в самом конце улицы догуливала свадьба. Вскоре они оказались на окраине села, пробрались к бетонной стене мясокомбината и притаились в кустах.

– Лёха, чё дальше? – Генка осторожно выглянул из кустов.

– Тихо ты, спугнёшь, ждём теперь, – Лёшка прижал его голову к земле.

– Кого?

– Будешь молчать – увидишь!

– Ну, ты толком объясни! – разозлился Генка.

– Смена уже кончилась, щас полезут.

Генка ничего не понял совсем, оробел и притих. Лёшка сидел на корточках и с азартом слушал тишину, пока не нашёл в ней шелест насторожённых шагов. Над бетонным забором появилась чья-то голова.

– Кто это, дядя Игнат, что ли? – обрадовался Генка.

– Тише ты, молчи!

Голова скоро исчезла, и на её месте появился мешок, который кто-то перебросил через забор и уронил в траву.

– Всё, Игнат через проходную пошёл, быстро, у нас пять минут.

Лёшка бесшумными кошачьими прыжками добрался до забора и принялся шуршать в потёмках в поисках мешка. Генка, подражая другу, опустился на колени и, перебирая влажную листву, пополз к забору. От страха и азарта он на какой-то миг позабыл, для чего ползает по сырой земле, но вдруг наткнулся на ещё тёплый брезентовый мешок.

– Есть, Лёха, сюда!

Генка с жадностью вцепился в мешок, точно гончая в зайца, и потащил его в сторону кустов. Лёшка подхватил свободный угол, и они помчались что есть духу прочь. Страх гнал их всё дальше и дальше...

– Ну, всё, всё, – остановившись, прохрипел Лёшка, – хорош бегать.

Они понадёжней перехватили мешок и уже ровным и насторожённым шагом пошли по посёлку.

– Геш! А ты мастак, с тобой дело пойдёт! – Лёшка неожиданно решился на похвалу.

– Я испугался сильно, – сознался Генка.

– Это ничего, обвыкнешь, первый бой всегда репой пахнет.

– Лёшка, как ты думаешь, дед Игнат тибрил или просто домой нёс?

– Ага, ему премиальные колбасой выписали.
– Ну, и как же он теперь?
– Ничё, ещё выпишут, не своё добро, не жалко.
– А если узнает про нас?
– Про тебя не знаю, а мне костей не собрать – убьёт.
Генка остановился и прислушался к улице.
– А вдруг он нас ищет?
– Ищет-свищет – не пахни. – Лёшка решительно сплюнул, дёрнул за мешок и они пошли дальше.

На другой день Генка вернулся из школы и ещё издали заметил открытые настежь ворота и красную крышку гроба, прислонённую к стене дома. На крыльце сидел Лёшка, подле стоял мешок с колбасой.

– Здорово! – сказал Лёшка и показал на мешок. – Твоя доля.

– А это зачем? – Генка потрогал тряпочку на гробовой крышке, словно подозревая, что Лёха прихватил её где-то по дороге для хозяйства, под картошку.

– Манька померла, вот зачем. Какой ты непонятливый. – Лёха разозлился.

– А мать что?

– Ничего. У гроба сидит, слезы не проронила. Тоже непонятливая. Бабы, и те говорят, что непорядок своё дитя не жалеть.

Лёха выругался и с какой-то предельной обидой сплюнул.

– Все вы тут малахольные.

– А это ты зачем приволок? – Генка пнул ногой по мешку.

– Это на поминки. Я ведь на Маньке жениться хотел, почти шурин тебе, не чужой вроде. – Лёшка с притворной нежностью поправил воротничок на Генкином пальто и показал на мешок. – Берись, схоронить нужно где-то.

Они занесли мешок в дом и спрятали его в углу за вешалкой под старыми пальто и, не раздеваясь, прошли в комнату, посреди которой на лавочках стоял гроб. Маша лежала под белой простыней, а накрахмаленный плато-

чек с васильками отчётливо оттенял пергаментный тон её лица, казалось, что сами складочки на платке и на белье намного естественнее и живее той полуулыбки, что застыла у неё на губах. В какой-то момент, ещё до того как пройти в комнату, Генка надеялся каким-то хитрым уголком своей души, что вся эта история ещё может обернуться шуткой, что Маша вдруг, посреди общего отчаяния, поднимется из своего гробика и рассмеётся; но теперь, вглядываясь в её чужое, едва знакомое лицо, он всё яснее понимал, что её больше нет. Она ушла или спряталась, а вместо неё осталось что-то и нечто совсем другое, и такое, что никто вокруг не понимает, как с этим быть, что ему говорить, что делать и как возле него ходить. И теперь он не удивился, теперь он понял, отчего мать сидит возле гроба, возле самого изголовья, совершенно отрешённая и растерянная, с лицом ровно таким же, как у покойницы, словно пытаясь разгадать, что это и что теперь с этим делать.

Люди входили и выходили, но она ни разу не повернула к ним головы, она даже не слышала их, и они ничего не могли ей подсказать. Генка знал, что ему тоже нечего ей подсказать, и не то чтобы подсказать, а просто что-нибудь сказать. Он понял, что ему неловко стоять посреди общего безделья и безмолвия, и вышел на кухню. Лёха пошёл за ним. Тётя Стеша рассадил их по стульям, точно пластилиновых мальчиков, и налила по тарелке щей.

– Поешьте спокойно и гуляйте на улице, – сказала она.

И вдруг эти щи, с нежной масляной плёночкой, показали единственно разумным и предельно рассудочным предметом во всём доме, и очень постыдным, и он заплакал. Лёха достал из-за пазухи полкруга колбасы, разломил его с таким сытным треском и протянул Генке:

– Заешь и терпи, видишь, я тоже не в себе.

Хоронили в воскресенье. Всю ночь и утро валил снег. «Покров», – говорили довольные люди, разглядывая снег, будто в этом слове таилась какая-то тайна.

В кузове старенького грузовика стоял гроб, забросанный еловыми ветками. Возле него на табуретках устроились мама и папа. Грузовичок затрясся, заскрежетал и нехотя тронулся в сторону кладбища. Бабки тревожно и дружно заголосили, словно соперничая с надсадным воем двигателя, и принялись бросать ветки под ноги идущим вослед. Генке вдруг захотелось поднять одну из них с ароматными шишечками, но отец грубо одёрнул его, а навстречу из домов выходили люди, снимали шапки и крестились.

Кладбище встретило тишиной, которая вдруг поглотила всё, что до этого шумело и двигалось: и надсадный гул грузовика, и вой старух, и шум шагов. Яма была готова: свежую глину вокруг могилки растоптали большими сапогами, и теперь она походила на безобразную пасть чудовища. Гроб поставили на табуретки, открыли крышку. Генке вновь захотелось отвернуться от беспомощности и бессмысленности происходящего, в котором взрослые люди существовали и действовали, точно отчуждённые механизмы.

– Поди простись с сестрой, – приобняла Генку тётя Стеша.

Генка не знал, как прощаются, остановился у гроба и, стараясь не глядеть на Машу, с недоумением обернулся в сторону тёти Стеши.

– Лоб целуй, целуй лоб, – прошептала она.

Генка решительно нагнулся и с осторожностью и гадливостью коснулся губами холодного и чуждого предмета, и, не оглядываясь по сторонам, постарался как можно дальше отойти от могилы. Отчётливый стук молотка поднял птиц над кладбищем, и Генка отчего-то с завистью посмотрел им вослед.

Люди с кладбища шли молча, отделённые и независимые друг от друга, и такими же отделёнными и непричастными группами собрались во дворе. В комнате были расставлены столы с едой и водкой. Генку посадили и поставили перед ним тарелку с горстью кутьи и блинами. Места за столами всем не хватило, и потому люди спешно вы-

пивали, закусывали и уходили покурить во двор, а их места занимали вновь прибывшие, ели неохотно и равнодушно, вышивали молча, а редкие живые разговоры, вдруг возникшие где-нибудь в углу, так же вдруг прерывались и тонули в общем оцепенении и неловкости. Генка попытался спрятаться от этого механического мира в детской, но там, точно на вокзале, пахло хлоркой и мокрой одеждой, наваленной на кроватях, и тогда он вспомнил про колбасу. Ему показалось, что такая диковинная и вкуснейшая редкость способна обрушить всеобщее недоумение и вернуть застолье к привычному и живому ходу. Он добыл из тёмного угла мешок, потащил его в комнату и поставил возле матери.

– Мам, – с надеждой сказал он, развязав мешок, – мам, это вам на поминки. – И Генка выложил на стол круг колбасы.

Люди притихли.

– Что это? – отстранённо спросила мать.

– Как что? Колбаса. Людей порадовать.

Мать с недоумением взяла круг колбасы и вдруг прокусила его зубами, и жалобно завывла. А Генка не испугался, он крепко обнял её и заплакал вместе с нею.

ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ

А посёлок наш, скажу прямо, неухоженным был – просто А-страсть. В то время моего детства, впрочем, грязищей на улицах не только мы славились. Время послевоенное, понятно, что во время войны все средства шли на фронт, а потом лет десять вся страна восстанавливала ту часть Отечества нашего, которая под немцами была. Так что денег поселковая власть ни в войну, ни после войны долго не видала.

И была у нас центральная площадь. В те далёкие годы моего детства на эту площадь сколько камня и щебня ни валили, всё тонуло, одна грязь да зыбь под ногами. С одной стороны площади – гостиница одноэтажная, с другой – погребок пивной, а за ним – улица в сторону железнодорожного вокзала. А вот перед вокзалом были тротуары, деревянные, такие сейчас мало кто вспомнит. Мы по этим тротуарам на самокатах гоняли. Какое это было удовольствие – по деревянным плахам жужжать подшипниками, главное, чтобы в щель колёсико не залетело. А если залетит, то всё: и колени, и нос обдерёшь. Носы – это ладно бы, но вот штаны рвались – это беда. Мы тогда все в шароварах бегали. За порванные шаровары полагалась дома порка. Кстати, очень неудобная одежда, всё время то за какой-нибудь угол цапанёшь, то забор помешает, а главными врагами шаровар были гвозди. Короче, пороли нас часто.

На вокзале было чисто, всё зеленоватым отсевом засыпано и тщательно прометено. Как-никак лицо посёлка. «Лицо» было всегда вымыто, выбрито и с румянцем. Рядом с вокзалом, вдоль линии – товарная контора, а за нею туалет. Туалет необычный для наших мест – благоустроенный, с кабинками. Но в кабинках, так и по сию пору, дверки с оторванными щеколдами.

Апрель в наших местах – это конкретный и уже бесповоротный месяц весны. Март – он и вашим, и нашим, а апрель – свой парень. С апрелем и грязь глыбилась, но по утрам ещё можно было по промёрзшему пройти, а вечером всё – только вплавь, и не факт, что сапоги выручат.

В тот день я к маме на станцию прибежал из школы, это был последний день учёбы перед весенними каникулами. Любил я к маме на работу заглядывать. Во-первых, рядом, во-вторых, у неё бутерброд с колбасой. В багажном я уже не раз бывал и нравилось мне рассматривать стеллаж с потерянными вещами. Чего здесь только не было: и саквояж кожаный с металлическим замком, и сумки, и чемоданы, и даже пальто. Но больше всего привлекала меня трость с гладкой светло-коричневой ручкой. Мама работала дежурным по вокзалу, а тут что-то случилось, и она замещала товарного кассира тётю Любу.

Я наслаждался бутербродом с редким для нашего времени деликатесом, когда в контору заглянул дед Моисей – сторож с поселкового кладбища. Высокий, слегка сутулый, ручищи огромные, нос бугристый, в оспинках.

– Доброго здоровья, Надежда Ивановна, – дед Моисей снял шапку.

– А, деда, заходи, – пригласила мама. – Какими судьбами?

– На почту, да вот решил к тебе заглянуть.

– Пишет кто?

– Я написать хочу.

– Так ты не умеешь.

– А вот Миколка твой умеет. Я ему продиктую.

– Скучно на кладбище? Жениться бы тебе.

– Да ещё бы, на десятом десятке. Мне и так скучать некогда, считай, каждый день по покойнику, редко два, а ещё реже, когда никого.

– Старики мрут?

– Фронтовики в основном. Калеки. Кто без ног, кто без рук. И старики, конечно.

– С праздником тебя, деда.
– А какой праздник?
– Живёшь оторванным и не знаешь, сегодня первое апреля – никому не веря!

– Ну, это вы уже празднуйте, пока молодые.
– Деда, – подскочил я, – а я сегодня пятёрку получил!
– Молодец, Микола. А я вот и писать-то не умею.
– Первое апреля! Первое апреля – никому не веря! – закричал я, радостный, что обманул дедушку. – А у нас ка-никулы!

– Да, – рассеянно ответил дед, – а я подумал, что ты и впрямь пятёрку получил.

– Слушай, деда, – позвала мама, – из гостиницы звонили, там у них пассажир с багажом, а грузчик у нас сегодня не вышел на работу. Может, ты сходишь? Глядишь, рубль-два заработаешь.

– Рубль, а может, и два, говоришь, – дед задумался. – Ну, а что, в руках унесу или тележка нужна?

– Тележка, деда, только на тележке, багажа, говорит много.

– Ну, если с тележкой, то, может, и два рубля даст, – вслух подумал дед. – Ну и лады. А вернусь, Миколка, ты дождись, мы с тобой письмо напишем.

Дед взял тележку и ушёл в гостиницу.

– Коля, может, домой пойдёшь? – позвала мама. – Я письмо деду сама черкану.

– Нет, мама, я здесь поиграю.

– Ну, как хочешь, но только ничего не бери.

Я и не собирался брать ничего, кроме трости. Тем более я её уже и раньше брал. Она была лёгкая, на мягком копытце и с резной ручкой. Вся ручка гладкая, а вот самый кончик её был вырезан в форме змеиной головы. Я ставил трость, наваливался на неё животом и пытался удержать равновесие. Я мог часами забавляться этой удивительно красивой тростью.

Хлопнула входная дверь, я быстро засунул трость на место и побежал к выходу. Вернулась товарный кассир тётя Люба.

– Надя, ты понимаешь, меня обманули!

– Как обманули?

– Сказали, что у меня дом горит. Вот я и побежала, только начальнику станции ключи от конторы бросила, и бегом. Я думала, у меня разрыв сердца будет! У меня же там Ленка с Ольгой водится! Ну, думала, только бы дети не сгорели! Прибегаю, а они на меня смотрят и понять ничего не могут! Ты понимаешь, какие люди-то есть бессердечные! Да разве можно так шутить!

Ты что, Надя, побледнела-то вся? Ты ли так пошутила надо мной?

– Люба, – прошептала мама, – я деда Моисея в гостиницу отправила за багажом.

– И что? Он уже не раз ходил. Так и что?

– Да никакого багажа там нету. Это я так, разыграть решила, с первым апреля поздравить.

– Надежда, да как же ты? Там же по Моховому не пройти. А на улице вообще всё развезло. Он с тележкой?

Мать кивнула.

– О, беда-то, ему же за девяносто лет! Он же надорвётся! Беги давай, выручай!

– Он давно ушёл. Люба, стыд-то какой...

Открылась дверь. Сначала въехала грязная тележка, потом вошёл и дед Моисей.

– Тележку сама помоешь, – сказал он и вышел вон.

Письмо мы с ним так и не написали.

Недавно я позвонил маме.

– Мама, привет. А я о тебе рассказ написал, «Первое апреля» называется.

– О чём, сынок? Ты говори погромче, а то у нас связь плохая.

– Помнишь, как ты деда Моисея отправила в гостиницу за багажом? Разыграла на первое апреля.

– Помню, сынок, ещё как помню. До сих пор плачу и прощения прошу.

– Да что уж ты так-то, больше сорока лет прошло.

– Время прошло много, а как вспомню, поверишь ли, сердце холодеет и слёзы сами льются. Ты хорошо сделал, что написал. Может, люди, которые прочитают, добрее будут. И ещё напиши, чтобы особенно к старикам. Мы ведь такие уязвимые.

– Знаешь, мам, а я хорошо помню этот случай, и как ты плакала, когда дед Моисей ушёл. Ты ещё говорила: «Почему он меня не отругал, почему молча ушёл! Лучше бы ударил, мне бы легче стало». Я запомнил, потому что никак не мог понять, что от взбучки человеку может стать легче. Ты не плачь. Если так до сих пор душа болит, то Моисей простил уже, он же видит твоё чистое сердце. И себя прости, отпусти боль, не держи в сердце.

– Хорошо, сынок, не буду. Успокоил ты меня, спасибо. И за рассказ спасибо.

ДВА ПЯТНЫШКА

Мы ехали с отцом на электропоезде, возвращались из Новосибирска. Была ранняя весна, снег сошёл, но тепло капризничало и никак не хотело обосноваться в наших краях. Мне было приятно сидеть на тёплом сиденье около окна и наблюдать, как тень пантографа бежала рядом с вагоном; на поворотах она пряталась, а потом вдруг выскакивала откуда-то из-под колёс, будто играя со мною в прятки, и вновь уверенно и ровно струилась по жухлой, серой и неумытой траве. Уже два года, как железную дорогу в Болотное электрифицировали, из стальных проводов упругий пантограф сосал электрические силы, и новенькие тёплые вагоны с весёлым перестуком мчали нас по звонким рельсам.

Я уже основательно насладился весенним однообразием, соседями-пассажирами и бездумно и равнодушно смотрел в оконную даль. Отец сидел напротив, он тоже устал, под расстёгнутой курткой виднелась военная гимнастёрка, которой он сильно дорожил и надевал только по особым парадным случаям, она изрядно выцвела, но ещё хранила ровность воротничка, умело скрывала подмышечную отпотелость и два тёмных пятнышка от боевых наград над правым нагрудным карманом.

Поезд вдруг сменил привычную и азартную прыть на ровный ход, медленно пополз, лениво поскрипывая колёсными парами, а скоро совсем встал. Я огляделся. С одной стороны вагона – крутой косогор уходил выше взгляда куда-то вверх, а справа – обрыв в лог, глубокий и страшный, до самых берёз. Коричневая кромка насыпи казалась куском серого хлеба, местами прихваченного зелёной плесенью от чуть проклюнувшейся травы.

Люди оживились, женщина с ребёнком на руках, что сидела подле меня, недовольно, с ярко выраженным деревенским говорком спросила:

– Чёй-то мы встали?

– Восьмитысячник, – пояснил отец, – крутой подъём, впереди, видимо, грузовой поезд. Это привычное тут дело, от Чебулы до Чахлово тяжело грузовикам. Минут десять, и поедем.

За окном чёрствая шерсть прошлогодней травы, скукота, и вдруг я увидел две ямы – неглубокие, они виделись как два тёмных пятна под самым склоном, их будто специально вырубил когда-то в дёрне. Но зачем ямы в столь неприметном и глухом месте?

– Пац, смотри, – и я показал вниз, под железнодорожную насыпь. – Это ямы?

– Нет, сынок, это могилы, – ответил отец.

– Чаво енто? Могилы? – удивилась соседка с грудным ребёнком на руках. Она привстала и с любопытством взглянула в окно.

– Говорят, в Гражданскую наши красные партизаны здесь состав с белочехами пустили под откос, – пояснил отец. – В одной могиле рядовые, а в другой офицеры. А земля на могилах со временем просела.

– Вона как, – тревожно вздохнула женщина, прикрыла белым уголком пелёнки лицо спящего малыша, – значаца, дзеся люди схоронены. Страсть-то кака.

А я смотрел на могилы и с гордостью думал: молодцы наши красные партизаны, накостыляли белочехам! И поделом им, нечего было против нас выступать. И за отца гордился, который воевал с фашистами, – и немцам наша Красная армия тоже накостыляла по полной.

Вот так я всё запомнил: и тот день, и тот случай, и ещё своё непонимание, зачем отец снял два геройских ордена, от которых только тёмные пятнышки и остались на полинялой гимнастёрке.

Прошли годы, прошло много лет, отец умер и похоронен под красной звездой, как участник и победитель в великой войне. Но вдруг и зачем-то вспомнил я эти братские могилы и слова простой деревенской женщины: «Значица, здесь люди схоронень».

Та женщина пожалела погибших людей. И я жалею, но теперь знаю, что красные партизаны не просто по прихоти какой эшелон под откос пустили: Чехословацкий мятеж стал одной из причин начала кровавой Гражданской войны 1918–1922 годов в России, которая в итоге унесла жизни более 8 миллионов человек. Чехословацкий корпус – это более 40 тысяч человек, и на всём пути от Пензы до Владивостока они безнаказанно глумились над людьми. Народная память сохранила эти факты истории. Нет точных данных о количестве расстрелянных красноармейцев и истерзанных женщин, выброшенных потом из вагонов эшелона в снег умирать, но известно, что белочехам потребовалось 58 крупных пароходов, чтобы вывезти всё награбленное из России.

Вот такая она жестокая вещь – историческая правда.

КУЛАЧНЫЕ БОИ

С чего повелось и когда привязалась эта зараза, никто не помнит, но разделилась Болотная на залоговских – это те, кто за Лоханкой жил, там, где школа № 4, залинейных – понятно, что за линией, и учились они в школе № 21, и центральных – с центром молодёжи в школе № 2. И не только школьники, но и молодёжь постарше принимала активное участие в беспричинных массовых драках. Зайти на чужую территорию даже среди бела дня – это значит схлопотать по сопатке. Помню, мать меня за линию отправила, забрать у знакомых старую морковку для наших поросят, так по мосту я ещё шёл, а когда ступил на залинейную землю, помчался так, что и ветер бы меня не догнал!..

Кстати сказать, железнодорожники Болотную делили по-своему на две части: Чётный и Нечётный Парк. Иногда залинейную часть называли Чётный Парк, потому что отстроилась та часть, вблизи которой формировались поезда на Новосибирск, они все имели чётные номера, а Нечётный Парк – это микрорайон в противоположном направлении, ближе к школе-интернату № 16.

Итак, я ступил на опасную землю Чётного Парка.

Я и пяти минут не был на залинейной земле, но на обратном бегу около моста через железнодорожные пути меня уже ждали. Я обречённо подошёл и опустил на землю мешковину с морковкой.

– Слышь, Старшой, это Варламов, – сказал один из пацанов и тонко сплюнул сквозь зубы. Видимо, он не хотел драться. – Я его знаю, слышь, Старшой.

А Старшой будто и не слышал.

– Ну, чё ты здесь забыл? – начал заводиться он.

– У него отец в милиции работает, – попытался заступиться третий пацан, и у меня родилась надежда на мирный исход товарищеской встречи.

– Ну так это меняет дело, – развёл руками Старшой, – бить будем долго и больно.

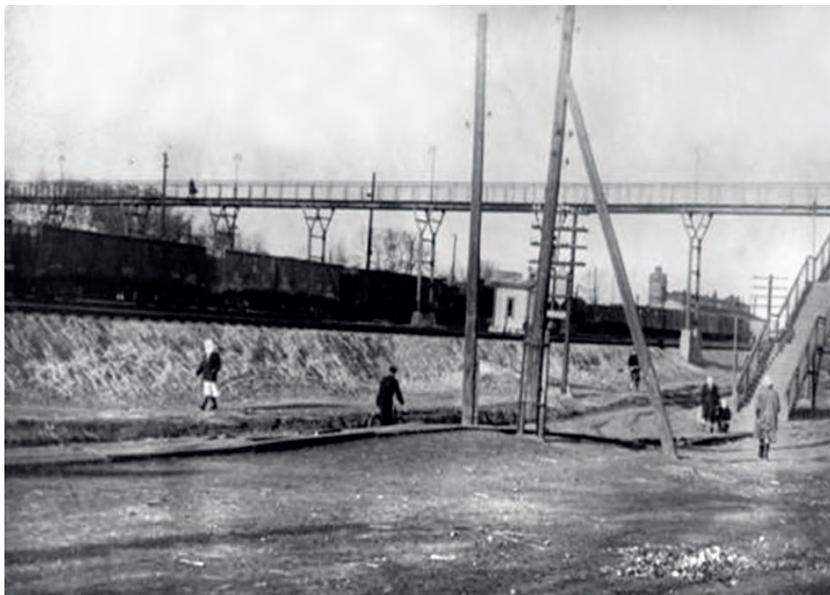
Меня спасла поездная бригада, возвратившаяся из поездки и шагающая из подменного пункта на мост.

– Что, парень, проблемы? – с пониманием спросил мужчина в форменной фуражке железнодорожника и с шарманкой* в руке.

Я обречённо молчал. Даже сейчас, в столь патовой ситуации, жаловаться было делом крайней низости.

– Ну, пошли, – машинист подхватил мой мешок, и мы зашагали по ступеням переходного моста.

* Шарманка – небольшой чемоданчик, в котором машинисты и помощники машинистов носили личные вещи, необходимые в поездке.

Место товарищеской встречи

– Лады, мы ещё встретимся, появишься только здесь! – Старшой погрозил мне кулаком.

За линию и в залоговскую сторону я с тех пор старался даже и не смотреть.

Нет точной статистики, сколько погибло мальчишек в массовых драках: залоговские против центральных, центральные против залинейных, залинейные против залоговских. Бывало, до двухсот человек участвовало в неистовых, бессмысленных и кровавых побоищах. Что значили и что такое были кулачные бои молодых парней, я не знаю. Возможно, отголоски ссыльного прошлого или разгула безнаказанного бандитизма, который расцвёл во время войны? Не знаю, но без кастета или финки на улицу выйти считалось просто безрассудным. Больше тридцати лет милиция прилагала максимум усилий, но расписывалась в собственном бессилии, кулачные бои прочно вошли в болотнинский беспокойный быт. Десятки изувеченных жизней, десятки жизней, начатых с зоны, – но усмирить эту стихию, преодолеть авторитетом власти авторитет криминальных главарей в ту пору не мог никто. Удалось это молодому высокому, улыбчивому лейтенанту – следователю уголовного розыска районной милиции Андрею Ведерникову, который окончил Омскую школу милиции и вернулся на родину для несения службы. Это случилось в далёком 1978 году.

Недавно я пытался расспросить того лейтенанта, а теперь генерал-лейтенанта Ведерникова Андрея Павловича о кулачных боях на улицах Болотного, но тот только улыбался. Однако, хочу заметить, в процессе разговора он называл фамилии главарей и зачинщиков, даты и детали, которые запоминаются только в особых случаях. Значит, всё помнит, надеюсь, что когда-нибудь он откликнется на мою просьбу и напишет, как же это ему удалось примирить залоговских, центральных и залинейных?..

ЛЯГУШКА

Говорят, там, внизу лога, меж кочек и камышей, течёт маленькая речка Болотная. А может, и правда, она ещё жива и не погибла среди кочек, как казалось издалека.

В эти места теперь редко заходили люди, новая дорога на Дивинку пролегла наверху за лесом, вдоль железной дороги, там слышался шум машин и перестук колёс вагонов, а здесь царила раскалённая на солнце тишина.

Генка шагал вдоль дороги в закатанных до колен штанах, рубашку он давно снял и накинул на голову, так что воротник охватил лоб, а лёгкая материя прилипла к влажным плечам и спине. Было тоскливо-жарко, казалось, зной комарино звенел в онемевшем от духоты воздухе. Хотелось пить.

Перед тем как покинуть узкую поляну, где паслась комолая корова Зорька, мать напоила его водой из четвертной бутылки, в которой зимой хранился самогон. Вода была тёплой и противной от сохранившегося чуть уловимого запаха сивухи. Генка теперь жалел, что не напился вдосталь. Но уже было хорошо то, что здесь на солнцепёке не было комара, только крохотные белые бабочки, будто высохшие лепестки полевой ромашки, изредка взлетали над пожухлой травой, но тут же исчезали, оцепенев на тонких цветочных стебельках.

Жажда поманила к болотной сырости. Под ногами пугающе заволновалась земля, хлюпнула вода и приятно обожгла холодом серые от дорожной пыли ступни. Дальше идти было опасно, Генка остановился, боязливо осмотрел кочки и рогатины высохшего кустарника. Но любопытство и желание напиться из невидимой речки победило страх, и он сделал шаг, и ещё шаг, теперь казалось, что земля пульсирует под ногами от каждого удара сердца.

Мохнатая кочка со сбитой набекрень растительностью, на которую собирался наступить Генка, вдруг зашипела, забулькала, разбрызгивая ядовитые слюни, и утянула свою голову в рыжую муть.

– Лешак! – завопил Генка и кинулся обратно.

На берегу он упал в траву и со страхом оглядел тихое и мёртвое болото. Но теперь-то он уже точно знал, что оно не мёртвое, как казалось, а живое, оно только прикрылось сонной тишиной, чтобы обмануть и погубить.

Испуг постепенно отступил, но идти дальше не хотелось, жара забрала последние силы, лежать было несравненно лучше. Генка оглядел голубое без единого облачка небо, перевернулся на живот и увидел яму – чёрная вода была дном этого колодца, похожего на глубокий след слона. Он заглянул внутрь – пахло сыростью и прохладой, опустил руку, чтобы зачерпнуть воды, но что-то живое метнулось в сторону, взволновав гладь маленького подземного озера.

– Змея, – прошептал Генка, но не отпрянул, а пригляделся к темноте. Он даже обрадовался: значит, он не один на этой земле, где лило душным потоком солнце, а тишина наваливалась на плечи и прижимала к земле.

– У-у-у! – прогудел он в тёмную яму, цепenea от собственного глухого и незнакомого голоса.

Большая лягушка испуганно бултыхнулась и замерла у края чёрного зеркала. Генка просунул в колодец всю голову и протяжно, как ему казалось, по-волшебному, позвал:

– Лягу-у-ушка-а-а!

Он поймал её и, раскачивая на ладони, подул на испуганные круглые, как бусины, глаза.

– Боишься, глупая? Плыви, – он вдруг замер и напряжённо осмотрел колодец. – Слышь, а может, ты сюда упала? А? Может, тебя спасти надо?

Как поступить, Генка не знал: спасти её или оставить – вдруг это её дом? Раздумывая над этим, он опустил пальцы в прохладную тёмную воду. Лягушка подплыла к руке и уткнулась в неё своим тупым носом.

– Дрессированная! – удивился Генка, но тут же понял, что она просит о помощи. Обрадованный, он взял её под пухлое брюшко и поднял наверх.

Два паренька стояли напротив, их появление было столь неожиданным, что Генка вздрогнул.

– Живой, – огорчился тот, что был повыше.

Генка промолчал, прижимая к груди спасённого лягушонка.

Второй – рыжий, опёрся на большую гладкую палку, радостно заговорил:

– А мы думали, что ты дохлый. Смотрим, головы нет, одна ж...па! Под Варламовкой мужику рысь голову отъела, слышал?

– Нет, рыси нет, у меня вот... – Лягушка почувствовала свободу и прыгнула на колени.

– А ну, покажь, – Рыжий ловко поймал её и, подняв за одну лапку, стал разглядывать. – От них бородавки бывают, это вредная лягушка. Её казнить надо. – Он откинул палку и пошёл к одинокой придорожной берёзе.

– Как казнить? – не понял Генка.

– Щас увидишь, – ответил Рыжий и обратился к своему товарищу. – Как будем? Как Гитлера или как Геббельса?

Про Гитлера Генка знал много. Он знал, что Гитлер враг, что он фашист, страшный фашист, который сжигает на кострах маленьких детей. Про Гитлера пели всякие матерщинные песенки. Генка тоже пел, правда, очень маленькую:

Внимание! Внимание!
 Говорит Германия!
 Сегодня под мостом
 Поймали Гитлера с хвостом!

Гитлера с хвостом Генка никак не мог представить, но видел его в кино: тощего, со злыми глазами, в рогатой каске, с огромным мечом в руке. Генка ненавидел его и боялся.

Высокий пацан похлопал себя по карманам и спросил:

– Спички есть?

– Нет. – Генке стало приятно, что его, как взрослого, спрашивают про спички, будто и вправду они могли быть у него. Знать бы заранее, он бы обязательно взял спички с собой; там, дома, на печной складке лежит несколько коробков, зимою мать каждое утро берёт оттуда спички и растапливает печь.

– Спичек нет! – крикнул Высокий. – Давай как Геббельса!

Мальчики подошли к берёзе. Рыжий отыскал на стволе сухой сучок и начал насаживать на него лягушонка.

– Зачем вы?! Ей же больно!

– Геббельсов на кол всегда садют.

Лягушка квакнула и удивлённо выпучила глаза.

– Не надо!..

– Катись, – оттолкнул Генку Высокий.

– Не надо! – Генка вцепился в руку пацана.

Но тот высвободился, повернул Генку и наладил ему пинка:

– Вали! Пока самого на кол не посадили!

Генка бежал по серой колее дороги, горячая дорожная рыхлая пыль обжигала пятки. Он бежал, задыхаясь тёплым воздухом, а перед глазами мельтешили вытаращенные глаза-бусинки.

– А может, она жила там? – шептал Генка, сглатывая слёзы. – А может, там дом лягушачий был, может, у неё там детки маленькие остались! А кто их теперь кормить будет?!

Генкина голова закружилась, подступила тошнота, силы ушли в серую пыль, и Генка прилёг на пыльную обочину.

На окраине Болотного в глубоком грязном овраге, заваленном мусором, отходами и хламом, жил ручеёк, который рождался под каменным забором мясокомбината. Если вдруг начинал дуть восточный ветер, то всё Болотное сразу же вспоминало о существовании овражного сто-

ка – зловоние плотно накрывало весь посёлок. Но в Сибири восточный ветер редкость, и потому местные власти не очень спешили ссориться с директором мясокомбината. И только в дни затяжных восточных ветров председатель горсовета отправлял рассерженное письмо в адрес мясокомбината. Но пока почта переваривала заказное письмо, ветер успевал сменить направление, и отходчивое сердце «преда» уже не ждало ответного письма. Всё заканчивалось мирными переговорами по телефону и обещаниями «исправить положение». Мясокомбинат продолжал вырабатывать колбасную продукцию и рождать тихий вонючий ручеек.

Овражный сток кто-то в шутку назвал речкой Мясихой, и скоро все жители посёлка были уверены, что такая речка действительно существует, а некоторые даже пытались найти её на географической карте. Но Мясиха стекала в другой ручей, а тот в речку Болотную. Там, где через Мясиху было переброшено несколько плах, электросети установили опору с похожим на тарелку светильником. Впрочем, такими тарелками-фонарями украсили все улицы города, отчего тут же родилась шутка, что, мол, Болотное офонарело. Но этот столб у переправы через ручей был единственным – к нему забыли бросить электропровод. Скоро одинокий, забытый столб стал излюбленным местом сбора местных пацанов. У мальчишек появилась новая увлекательная игра – кидать на меткость по светильнику. Камни летали с утра до вечера, и скоро куча щебня была раскидана ровным слоем вокруг столба. Кто только не пытал свою меткость, даже мужики, однажды собравшиеся на берегу Мясихи выпить литр «калымной» водки, ввязались в соревнование с местными пацанами – и проиграли.

Когда Генка перебрался по гнилым доскам через ручей, несколько мальчишек лениво обстреливали плафон. Камни пролетали мимо и, не задев светильника, утопали

в грязном ручье. Генка с минуту наблюдал, потом подобрал камень и что есть силы бросил вверх. Камень грохнул по измятой тарелке. Пацаны обиделись и обступили незваного гостя.

– По морде хочешь? У нас, может, соревнование!

– А это твой столб, что ли? – огрызнулся Генка и понял, что его собираются бить. – А у меня отец в милиции работает!

Мальчишки, подступившие было к нему, остановились в растерянности: с милицией они связываться не хотели.

– А! Да он ещё и ментовский! Они моего дядьку в тюрьму затырили!

Генку били и за дядьку, и за столб, и за то, что заняться больше было нечем. Его били незло, из-за жары, наверное, потом раскачали и бросили в Мясиху, отчего Генка совершенно озверел, вскочил и, утопая в вонючей жиже, побежал за обидчиками.

Домой Генка приплёлся совершенно уставший, грязь подсохла и отваливалась ломкими кусками. Он разделся на улице, бросил штаны на крыльцо и только теперь вспомнил, что рубашка осталась у лягушиного подземного озера.

Кухонный пол, где он устроил баню, скоро походил на большую лужу. Отворилась дверь, и на пороге появилась соседка тётя Стеша.

– Фу! Чайво его случилось? – поморщилась она, глядя на Генку. – В дерьмо ступил али в сортир свалился?

– В Мясиху. Мать за хлебом отправила, а я в Мясиху упал.

– Ну, а я и чую, что прёт, как от дохлого. А залил-то всё!

Тётя Стеша прошла в кухню, поправила косынку, которую сроду не снимала, и, налив в таз свежей воды, сказала:

– А ну, лягушка, давай пособилю, – и, не дожидаясь согласия, вцепилась в Генкины кудри.

– А лягушка сдохла, наверное, – вслух подумал Генка.
 – От воды ещё никто не сдыхал, – деловито заметила тётя Стеша и плюхнула его голову в таз.

– А она и не от воды! Её как Геббельса...
 – Чаво?! Слышь, а ты чаво синюшный? Подрался, что ли?
 – Я знаешь как!.. – Генка показал мыльный кулак. – Тётя Стеша, а Гитлеров сжигают, да?

– Ну, ты, чё льёшь-то?! Чё льёшь!

Генка отвернулся и уже больше ничего не спрашивал.

Кожа горела, будто её скоблили, как пол в предпраздничный день. Вместо испорченных штанов на ногах развевались шаровары, которые мать купила ему в «уценёнке» на вырост, а рубашку Генка решил не надевать – и так жарко.

В кожаной сумке, которая прилипла к горячей Генкиной спине, каталось несколько малосольных огурцов, там же прижался завёрнутый в полотенце хлеб, в уголок поставлена бутылка с молоком, горлышко которой Генка заткнул плотной газетной пробкой.

Генка уже наверняка знал, что от матери попадёт. «Тебя только за смертью посылать, – скажет она и обязательно потом добавит: – Горе ты моё».

Но вот она, окраина, там, за угловым забором, столб, плафон и единственный мосток – прогнившие плахи. Он прокрался вдоль забора и затаился в больших лопухах. Выбирать не приходилось, и он, выломав штакетину, кинулся к мосткам.

– А-а-а!!! – истошно заорал он, размахивая палкой, изрыгая из груди то ли угрозу, то ли отчаяние.

Несколько мальчишек у столба перестали кидать камни, расступились, удивлённо рассматривая орущего Генку. А Генка, задохнувшийся от собственного крика, промчался мимо, перескочил по чавкающим плахам через Мясиху и обернулся. У столба стояли пацаны, которых он никогда раньше не видел. Ещё секунду он рассматривал их разину-

тые рты, потом бросил шпакетину, поправил сумку и зашагал прочь.

Разбивая пятками плотную, как цементный порошок, пыль, он всё вспоминал свой смелый рывок на переправе через ручей и улыбался. Неожидано встал как вкопанный: там, за поворотом, лохматая берёза и лягушка на ней! Там глаза-бусины! Он кинулся в сторону, к лесу. Через верхние колки он мог обойти это проклятое место.

Сначала склон был пологим, затем, после крутого подъёма, начался лес, где трава была высокой и зелёной – сюда не проникал солнечный жар. Генка задыхался, но всё бежал, ему всюду казалась лягушка: то в траве, то вдруг две каплины на стволе дерева оживали и следили за ним, то ему казалось, что она скачет за ним по пятам и вот сейчас прыгнет на ногу. Он бежал уже долго, а дороги всё не было, и склон, и лес стали незнакомыми, в высоком папоротнике стояли большие потемневшие шапки старых грибов.

Генка устал, он устал бежать, смотреть, бояться, он понял, что заблудился. Он заплакал громко, навзрыд. Сумка отяжелела и начала цепляться за кусты. Ему вдруг подумалось, что вот сейчас появится рысь и отъест ему голову.

– Ге-е-ена-а-а! Ге-е-ена-а-а! – услышал он голос матери и побежал на него.

Кусты, деревья, трава суетились перед глазами, но вот знакомая поляна, Зорька с отяжелевшими боками и пухлым выменем, равнодушная, вечно жующая Зорька!

– Гена! Что случилось? Почему ты плачешь? Ты ушибся? Синяк?

Обрадованный, счастливый, Генка кинулся к матери и обнял её.

– А почему от тебя так пахнет?

– Я в Мясиху упал...

– Вот беда-то, и ты плачешь?

Генка не ответил, а только ещё сильнее прижался к матери.

– Эх, горе моё луковое, ничего, успокойся, – мать задумчиво погладила его вихрастые волосы и, чтобы отвлечь его от тяжёлых дум, сказала: – Скоро поедешь к бабушке в деревню. Хочешь к бабушке?

Генка мотнул головой:

– Сапоги отец обещал для охоты... Да! В деревню! На охоту! Я, бац-бац, охотником стану!

ПАМЯТНИК

Речка шумно пенилась на частых порогах, бежала за поворот и скрывалась в непролазной чашобе тайги. Небольшая деревушка, кажется, прилегла на крутом берегу, чтобы передохнуть, напиться таёжной силы, да так и осталась лежать, пригревшись на солнышке, глядя на окружающий её покой подслеповатыми окнами крепких, будто гранитных, домов.

Генка, с губами, посиневшими от долгого купания, вскарабкался на пологий валун и прижался к нагретому камню. Он притих, глядя в прозрачную воду на изумрудную россыпь мелких камней, дышал водяной свежестью и дивился, как быстро сохнут влажные пятна на сером граните.

Чуть поодаль женщины полоскали, выжимали и складывали в «поленницы» на плоские валуны туго скрученное бельё. Лет десять назад они и стирали на этих валунах, но вот сбылась их мечта – в сельмаг привезли стиральные машины. Но полоскать приходилось на речке. Правда, власти грозились вскоре провести в деревню водопровод и заставить женщин навсегда забыть эти походы с тазами белья на шумливую речку, разговоры-пересуды и ломоту пальцев от ледяной таёжной воды. Триста лет здесь, на берегу реки, бабы обсуждали новости, сплетничали, ругались и мирились. Бабье многоголосье и смех река уносила в тайгу, может быть, поэтому вниз по течению охота у мужиков и не ладилась. Здесь же бегали детишки, гоняли одуревших от страха мальков, купались, визжали и брызгались речным серебром.

– Генка, – позвал кто-то из пацанов, – твой отец приехал!

Генка обернулся. У обрыва, неподалёку от дома деда Титова, стоял отец в светлой соломенной шляпе и с рюкзаком в руке. Женщины на мгновение перестали заниматься бельём, тоже посмотрели на берег.

– Стройный мужчина, – сказала высокая женщина. Она бросила выжатую тряпку в таз. – Ох, бабоньки, и любила бы я его!

– Тебе что, наших мужиков мало?

– Да что ваши? Матерщинники, а этот культурный.

– Тихо ты, мальчонка его тут.

Генка смутился и отвернулся.

– Вот этот? Ой ты, худоба. Ну, я бы такого рожать не стала, я бы такого высмолила!..

Генке стало обидно и за отца, и за себя, он спрыгнул с валуна и помчался к дому. Отец стоял возле ворот, курил, на скамейке рядом с палисадником сидел дед Титов.

– Папа! Папа! А на тебе бабы жениться хотят! – взволнованно пожаловался Генка, подбегая к отцу.

Дед Титов хохотнул, почесал худую грудь, довольный, и сказал:

– Это они могут, это у них зараз.

– Как отдыхается, сынок?

– Хорошо. А ты мне сапоги купил?

– Сапоги? Ах да, сапоги... Денег пока нет.

Генка помрачнел, но молча вслед за отцом вошёл во двор.

Баба Ева сидела и чистила лук. Дед Титов смастерил для неё табурет, низенький и широкий, с дополнительной распоркой для прочности. Баба Ева очень любила этот табурет; когда она садилась на него, то он исчезал под её юбками так, что невозможно было различить, на чём она всё-таки утвердилась.

Располневшая, малоподвижная женщина, она никогда не ругалась с соседками, да и с дедом бы не ругалась, если бы тот не «задурил». А задурил дед ровно год назад, после празднования Дня Победы – перестал от-

давать пенсию. Первые месяцы баба Ева смеялась над ним, потом насупилась. Так продолжалось ещё несколько месяцев, и, видимо, ничего бы не изменилось, если бы недавно Генка не нашёл рисунки, из которых сделалось ясным, что дед Титов собирается устанавливать себе памятник. Просмотрев листки, баба Ева позвала деда Титова и дала ему «генеральное сражение». Дед Титов отмолчался, но денег так и не дал. И в тот же день перед ним на обеденном столе поставили пустую тарелку. Генка, с аппетитом поглощавший наваристые щи, даже поперхнулся и не смог более проглотить ни ложечки. Дед Титов сидел перед пустой тарелкой, прокашлялся и достал из нагрудного кармана десять рублей. Довольная итогами своего марш-броска, баба Ева поспешила налить ему глубокую чашку с увесистым говяжьим мослом. Но бабке не довелось торжествовать по поводу окончательного сокрушения супротивника – на ужин дед Титов не явился. Не пришёл он и утром, и к обеду тоже не показался, а перебрался со своим скарбом в дровяной сарайчик и даже приготовил себе нехитрую ополченскую похлёбочку. Баба Ева сначала плакала, а потом потребовала от деда Титова развода.

Постепенно страсти утихли. Супруги изредка переговаривались, дед иногда кредитовал старуху десяткой и исчезал в своём убежище.

Так уж случилось, что, отвоевав верой и правдой все четыре года Великой Отечественной, дед вернулся домой без ранений, контузий и без наград. Вот такая военная судьба: ходил в атаки, мёрз в окопах, дошёл до Белграда, а наград не получил. В День Победы собирались деревенские ветераны около правления, в проплевших и полинялых гимнастёрках с яркими орденами и медалями на груди, рассказывали школьникам о войне, хвастались, смеялись, а пуще всего красовались блеском наград. Юбилейная медаль деда Титова поблёскивала как укор его военной судьбе. Он тоже пытался рассказывать школьникам о днях

войны, но те, глядя на одинокую награду на его впалой груди, слушали невнимательно. Обиделся дед. Обиделся так, что покой потерял, и извёлся бы, да вдруг пришла ему мысль увековечить себя в памятнике. Он и глыбу гранитную нашёл, и эскизы подготовил, оставалось только найти скульптора, но денег не хватало. И дед принялся откладывать с пенсии.

– Здравствуйте, мама, – поздоровался отец, перевернул пустое ведро и присел напротив бабы Евы. – Как Генка, не балует?

– Генка-то не балует, а вот вы с дедом ему сапоги обещали? А охоту? Обещали?! – услышал Генка грозный голос бабы Евы и спрятался за углом дома.

– Понимаете, мама, забыл я, закурился. Ремонт. В следующий раз, как сюда поеду, обязательно куплю.

Генка не расслышал, что ответила баба Ева на слова отца, но скоро её голос зазвучал громко и отчётливо:

– Памятник! Впроголодь живёт и нас мучает! Ты хоть с ним поговори как мужчина с женщиной. Титов тоже обещал мальчонке сапоги, а теперь хвостом виляет, всё боится, что на памятник не хватит, совсем с ума спятил!

Генка увидел, как, резко толкнув калитку, со двора выскочил дед, за ним появился отец. Дед проковылял за угол дома и скрылся в узком деревенском переулке, а отец остановился у палисадника и закурил.

От реки по крутому берегу поднимались бабы с бельём в круглых тазах.

– Здравствуйте, – поздоровались женщины с отцом.

– Здравствуйте, – ответил он и вынул изо рта сигаретку.

– Здравствуйте, пожалуйста, – улыбнулась женщина, которая ещё недавно восхищалась Генкиным отцом. – На рыбалку или так, погостить?

Отошедшие бабы громко рассмеялись:

– Вы осторожней, унесёт она вас прямо в тазу с бельём!

Женщина, не смущаясь, стояла напротив отца и улыбалась. Обеспокоенный Генка подбежал к отцу и встал рядом.

– Ваш? – спросила она, пытаясь погладить Генкину голову. – Да не съем я твоего папку, не съем! – Она повернулась и быстро пошла прочь, и только подол юбки нервно заплескался от скорого шага.

Отец внимательно посмотрел вслед уходящей женщине, щёлкнул Генку по лбу и выкинул сигаретку. Генка обиделся и покраснел.

– Ну, пошли во двор, – позвал отец.

Следом во двор вошёл дед с ведром свежевыкопанной картошки.

– Что долго-то? – недовольная, спросила баба Ева.

Дед молча поставил ведро и, вынув из кармана деньги, положил на стол.

– И это всё?! А на сапоги?

– На неделе схожу в магазин.

– Не надо идти, он сам сбегает, ты денег дай!

– На неделе схожу, сказал.

Дед развернулся и поспешил в огород.

– Ах, сатана! Опять обманул! Пошли!

– Куда? – удивился Генка.

– На охоту!

– Как? Без сапог?!

– Без сапог!

– С тобой?

– Со мной, внучек, со мной! – баба Ева сняла передник, швырнула его на кухонный табурет и, тяжело ступая, неуклюже заспешила в дом переодеваться.

– Баба, а как же салат, котлеты?!

– Котлеты с собой возьмём!

– Папа что, есть не будет?

– Папа? Папа – гусь ещё тот, сам приготовит, не маленький!

Генка ринулся в дом и вытащил из плотной темноты платяльного шкафа тяжёлое ружьё.

Через пять минут сборы были закончены: баба Ева в плаще и тапочках, в тёплой шали на плечах и с хозяй-

ственной сумкой, в которой скрылись котлеты и пирог, вышла во двор, где её уже ждал Генка с дедовским ружьём на плече.

– Патроны взял? – деловито спросила баба Ева, надела на седую голову белую кепку, оглядела двор и скомандовала: – Вперёд!

Они вышли со двора и направились в сторону леса.

– Куда это вы? – неуверенно спросил отец, повстречавшийся им по дороге.

– На охоту! – гордо ответила баба Ева.

Дойдя до крайней избы, баба Ева сказала:

– Ты сходи, но ненадолго. Тут с краю поохотишься – и домой. Я-то не дойду, какая охота с моими ногами. Я к бамам зайду, поболтаю.

Генка понимающе мотнул головой.

– Гена, а может, ружьё ты мне оставишь?

– А как же охотиться? – оторопел Генка.

– Конечно, конечно, – смутилась баба Ева.

– Баба, да ты не беспокойся, я умею стрелять! Честное слово!

Не теряя более ни минуты, Генка заспешил в лес. Высокие сосны, неодобрительно покачиваясь, следили за ним. Генка насторожился, заспешил обратно и, выбежав на берег реки, уже больше не помышлял о таёжных дебрях. Он дошёл до широкого разводья, которое примыкало к небольшой лесной поляне, и решил охотиться здесь.

Очистив от шишек и сучьев место под сосной, он лёг, приспособив ружьё на упор, зарядил его и несколько раз прицелился по сучьям засохшей берёзы.

Он напряжённо лежал в ожидании какой-нибудь дичи, время текло, дичь не появлялась, и Генка не заметил, как уснул. И приснилось ему, будто стоит в палисаднике у дома деда Титова гранитный постамент. Толпа сельчан собралась на улице. Причёсанный дед Титов прощается с бабой Евой, медленно поднимается по деревянной лестнице на площадку гранитной глыбы, и вдруг его фигура каме-

неет. Баба Ева уносит лестницу, а многоликая толпа украшает пьедестал с окаменевшим дедом Титовым круглыми венками и букетами цветов.

...Небрежно брошенное ружьё валялось во мху. Генка вынул из ствола патрон и заглянул в дуло – оно не просматривалось, грязь плотно залепила его внутренность. Расстроенный, он отломил сухую ветку и начал пробивать засорившийся ствол. Сначала дело шло туго, но когда из дула вывалился первый, затем второй и третий комок плотно скрученных купюр, ветка легко вытолкнула оставшиеся деньги.

Генка с минуту рассматривал смятые комки денег, затем оглядел округу, как бы призывая обступившие его сосны в свидетели, что он не делал ничего дурного, и вдруг понял: «Памятник! Это деньги на памятник!»

Он торопливо скрутил деньги, засунул их в ствол, проталкивая вглубь сухой веточкой, собрал разбросанные вещи и зашагал домой.

Ещё издали, на подходе к дому, он увидел деда Титова, тот сторбленно сидел на низенькой скамеечке у ворот и биозоруко глядел вдаль.

– Дед! – закричал Генка и кинулся к дому бегом. – Деда!

– Живой, – всхлипывал дед Титов и, прижав к себе, гладил Генкину голову. – Не стрельнул...

– Я хотел, но там деньги!

– Господь милостив. Разорвало бы ружьишко. И всё, и нет внучка. А зачем мне всё без внучка-то...

– Дед, – зашептал Генка, – я деньги обратно положил, на памятник...

ПИМИКИ

Дед Моисей давно поселился на кладбище в старенькой, но уютной избе. Он в точности не помнил, сколько времени прошло от того срока, но хорошо помнил тот день, в который решил, что здесь ему будет спокойней и интересней. Перетащил в сторожку нехитрый скарб и обосновался в ней, что называется, до конца, до самого последнего срока. И сострогал себе домовину, крепкую, покладистую и узкую, с расчётом на то, чтобы люди не мучились по зиме с могилою.

С того самого дня простой и непривлекательный труд кладбищенского сторожа приобрёл для деда Моисея смысл, значение и даже значимость. Он почувствовал себя не просто сторожем, но даже стражем на грани между да и нет, на грани между жизнью и смертью.

Ежедневно к часу дня открывал дед Моисей высокие и неподатливые ворота, сжигал накопившийся мусор, прибирал могилки, правда, за отдельную плату – словом, хозяйствовал рачительно и покорно. Люди скоро привыкли к нему, к его высокой и слегка сутулой осанке, к запущенной бороде и сухому кашлю, который, точно птичий зов, всегда раздавался из самых неожиданных уголков кладбища. А с какой-то поры они перестали отличать его от общего кладбищенского потустороннего уклада. И деду Моисею льстило подобное настроение. В нём слышался привкус вечности, такой же нетленности, какую он замечал в кованых металлических крестах.

На праздники, особенно на Пасху, на кладбище былолюдно. Дед ходил от компании до компании, договаривался на предмет кому и что необходимо поправить на могилках, угощался, слушал воспоминания о покойных и сам любил добавить что-нибудь задумчивое: вот, дескать, как получа-

ется, после человека добро остаётся. А зла, стало быть, уже не видно. Значит, получается, что зло в суе только водится, а на кладбище для него уже места нет, вот.

В прошлом году на Пасху, ближе к вечеру, когда почти все разошлись по домам, дед Моисей повстречал мальчонку, собиравшего на могилках конфеты и яйца.

– Что ж ты, шпанёнок, творишь-то, людей не стыдишься, – дед сжал его ухо крепкими натёртыми пальцами. – А ну, складывай всё, где взял.

– На фига покойнику конфеты? Добро только переводить. – Мальчишка с сожалением ссыпал добычу на могилу.

– А тебе зачем, нехристь, – рассердился дед, – своих, что ли, мало?

– А если их вовсе нет, тогда что? – Мальчишка сплюнул сквозь зубы и с раздражением посмотрел на деда, точно приготовился к драке.

– Коли так, моих возьми, – Моисей протянул ему пару конфет и яичко.

– Опаньки, – пацан рассмеялся, – сам натаскал полные карманы, а мне, значит, нельзя.

– Дура! – затрясся от негодования дед. – Мне люди дали, угостили, значит.

– А мне, значит, покойнички не пожалели, – мальчишка уверенно поглядел на деда и потянулся к могилке.

– Не балуй, кому сказал! – Моисей наконец опомнился и потащил мальчонку к себе в сторожку. – Ты чей, парень?

– Лаптев я, – сказал Лёшка, готовый к ответу и вызову.

– Ну, Лаптев так Лаптев, – согласился дед. – Фамилия известная. А что так напрягся?

– Ничего. А ты чего так удивился?

– Вовсе нет, – пожал плечами дед. – Родителей не выбирают, родителей любят. – И провёл в сторожку.

Лёшка Лаптев уже второй год пытался одолеть программу четвёртого класса, без усердия и стыда перед одноклассниками. Ему даже нравилось его особое положение и то, что его побаиваются и завидуют тому, что он сумел преодо-

леть детский страх, какой многих держит за учебниками, а не подле вольных удовольствий.

Лёшкины родители пили без меры и даже с каким-то отточенным и упорядоченным смыслом, за которым стояла непроходящая обида на жизнь, на людей, друг на друга. Мать только осенью узнала, что Лёшку оставили на второй год. Крайне удивилась, покричала для остратки и ушла в магазин за успокоительным. Лаптеву-старшему было проще – он вообще не помнил, в каком классе учиться его сын.

Работал Лаптев на элеваторе, числился в сторожах и носил постоянную запылённую шинель с зелёными петлицами и фуражку с надтреснутым козырьком и незагорелым пятнышком на околыше, оставшимся как воспоминание об утерянной кокарде. В своё время он женился на Вере, бойкой девчонке из школы счетоводов, обожавшей всякого рода общественную деятельность и самую возможность иметь среди людей авторитет и одновременно – право морального суда над ними. Однако женился Сашка скорее для факта, даже за-ради шанса иметь более устойчивое и уверенное положение в обществе. Положение это очень быстро приелось, и он предпочёл ему компанию всегда приветливых собутыльников. Вера с комсомольским азартом принялась бороться с пороком и даже решила родить Лёшку. Но однажды вдруг посмотрела на сына внимательно, на его тонкие лопушистые уши, в точности отражавшие облик и характер отца, поняла что-то безнадежное для себя и тоже запила.

Лёшкины родители обосновались каждый в своей компании, старались не встречаться лишней раз друг с другом. Лёшка боялся чужого мнения о своих родителях, оно казалось ему несправедливым, он сторонился даже жалости соседей, она виделась ему навязчивой и намекающей на то, с чем он не согласен и не хочет соглашаться. А в ответ на неосторожные остроты одногодков он дрался жестоко и с наслаждением.

Дед Моисей никогда не поминал Лёшкиных родителей худым словом и с уважением относился к той злости, с ка-

кой Лёшка защищал их от людских пересудов. Не сразу, но как-то скоро и незаметно Лёшке сделалось уютно с дедом. Он прибегал к нему после школы, угощался щами или жареной картошкой, после с деловым и нарочитым видом раскладывал на столе учебники и привычно таращился в окно. Дед кряхтел в углу, а то и с пониманием обустроивал свет над Лёшкиным столом.

Однажды после обстоятельного ужина, когда вьюга особенно настойчиво подвывала в тёплую печную трубу, Лёшка решился и вовсе никуда не уходит от деда и собрал себе ночлег.

И, углядев Лёшкины заботы, дед сдвинул очки на нос:

– Не растомляйся, домой ещё идти, родители, поди, ждут.

Лёшка поспешно собрался и с каким-то наслаждением и пониманием собственной значимости выскочил на улицу. Он пробирался в дом по заснеженной кашнице, и ему было тепло и щекотно от благодарности. Тогда же, по дороге, он нечаянно подумал, что Моисей для него есть не кто другой, как какой-нибудь незаконнорождённый дед, и даже решил, что так оно и есть, во всяком случае – так должно быть.

Сегодня дед Моисей ожидал Лёшку с особым нетерпением. Даже чай не мог попить со вкусом и, что называется, с душой – обжигался, как мальчишка, брызгал наливкой на клеёнку, протирал запотевшее оконное стёклышко и поглядывал то на тропинку, то на кровать, где под тряпочкой были спрятаны новые пимики для Лёшки. Прежние давно утратили своё непосредственное назначение и скорее напоминали условную формальность, нежели обувь: собирали снег всеми дырочками, раскисали, а утром черствели и натирали ноги до крови. Приметив такое безобразие, дед втихую собрался с духом и «денюшкой» и сходил в магазин. Долго ходил возле нужных полок, возил очки по носу, словно стараясь заглянуть в самую душу товару, наконец выбрал достойную пару и по возвращении принялся доводить

её до ума. Размял под колодочку, с тем, чтобы и в простом носке было способно бегать, по-особому, по-фартовому завернул голенища и даже положил на них цветной ниткой узор – скупой, немного неровный, но нежный и мужественный одновременно. Подшил пятку, подошву и закрепил носок. Полюбовался совершённой работой, запеленал пимики в тряпочку и осторожно положил их на кровать, точно притихшее дитя. Наконец прибежал Лёшка, с шумом, растирая уши, разделся, согрел ладони подле самовара и с жадностью набросился на чай. Дед с какой-то нарочитой и спокойной тщательностью разглядывал снег за окошком и улыбался.

– Да, видать, холодно совсем стало, – вдруг рассудил он.

– Терпимо, – отмахнулся Лёшка и захрустел карамелькой.

– Терпимо, да долго не стерпишь, – дед вновь сосредоточенно поглядел на сугробы. – Да, точно, холодно стало.

– Ну, – согласился Лёшка.

– Му, что мычишь, как телок. Холодно. А до Нового года ещё далеко.

– Ну...

– Вот тебе и му, далеко. А ходить-то не в чем.

– Кому? – не понял Лёшка.

– Яму. Телку мому, – рассмеялся дед и щёлкнул Лёху по носу. – Ты вот что. Я там, на кровати, тебе пимики приготовил. Но, чур, с прицелом. На Новый год, значит.

– Мне, что ли?! – Лёшка в два прыжка оказался возле кровати, нашёл пимики, примерил обновку и даже сплясал что-то навроде «яблочка». – Ну деда! Ну ты человек, а! Сммотри, как родные. И голенища завернул и подшил!

Лёшка обнял деда Моисея и пощекотал носом у него в бороде:

– А тебе, знаешь, – прошептал Лёшка, – я тебе на комбинате колбасы натырю, целый мешок!

– Не моги. Даже не думай, – дед погрозил заскорузлым пальцем. – Я пимики не крал и ты сам всё делай.

– Сам, сам, – расстроился Лёшка. – Ну, чё я могу-то для тебя сделать-то?!

– Вот. Именно, – дед менторским пальцем постучал его по лбу. – Вот иди, что покажу.

Он почистил стекло и указал Лёшке на кладбищенские сугробы:

– Вот видишь тот крест, голубенький. Видишь?

– Ну, вижу, крест, и что?

– Не скажи. Во-первых, красивый, а во-вторых, – вечный. Сделаешь мне такой же.

– Ну ты, дед, даёшь! – Лёшка удивился прихотливости старческого ума и даже рассердился. – Как же я тебе такое сделаю? Он же железный.

– Вот именно, – успокоил его дед. – Вырастешь. Выучишься. Станешь кузнецом. Настоящим кузнецом, каких нынче уже не сыщешь. И деда уважишь, и сам не пропадёшь. Понял?

Лёшка мотнул головой и улыбнулся дедовым причудам.

– Эх, кабы взаправду стать кузнецом, да только трудно тебя понять-то, из могилы креста не видать будет!

– Увижу. Ну и ладно, пойдём чай пить. Потом всё поймёшь, когда посерьёзнеешь.

Дед потрепал Лёшкины вихры и занялся чаем.

Домой Лёшка вернулся поздним вечером. Осторожно веником смахнул снег с пимиков, заботливо утёр их тряпичей и устроил возле кровати, но не в ногах, а ближе к изголовью. Точно два чёрных щенка-близнеца, они прижались друг к другу и повернули в сторону хозяина свои преданные и чуть вздёрнутые носики. Лёшка погладил их с нежностью и поуютней угнездился под старым ватным одеялом. В полудрёме он вспоминал деда Моисея, пимики, и в полудрёме замечтался о летней рыбалке, стараясь разглядеть на сонной воде насторожённо подрагивающий поплавок. Но скоро его разбудил какой-то треск и яркий свет, который он со сна принял за фару подходящей к берегу моторки. В комнате

возле комода стоял отец, в шинели и всклокоченной ушанке, и ножом пытался взломать ящик, в котором среди белья мать привыкла закладывать деньги. Древняя и крепко сработанная мебель не поддавалась. Отец покачнулся, отступил и, в досаде пнув ногой по комоду, разглядел на кровати проснувшегося Лёшку.

– Трёха есть? – спросил он, разглядывая сына прищуренным глазом.

– Нету.

– А найти сможешь? – в голосе отца слышалась надежда и мольба.

– Не смогу, – Лёшка забрался под одеяло.

– Должна же где-то быть трёха-то, – пробормотал Лаптев, сосредоточенно оглядывая комнату, пока не заметил возле кровати пимики. Нагнулся за ними, покачиваясь, повнимательнее разглядел товар и припрятал его за пазуху.

– Папаня, ты это... – Лёшка встал на колени прямо на кровати. – Папаня, мне дед Мосей купил, это моё.

– Твоё, твоё, успокойся, – отец уложил его на подушку. – Спи спокойно. Так надо. Утром принесу. Спи.

Лёшка на полминуты поверил отцу и даже попытался укрыться одеялом, но тут же вскочил, торопясь и падая, натянул штаны, рубашку, накинул пальто, шапку, сунул ноги в просторные мамкины калоши, поскользнулся на крыльце, подбежал к калитке по едва заметной, но привычной тропинке. Калоши мешались, норовя увязнуть в снегу, но Лёшка упрямо бежал за отцом. Он разглядел его на улице, когда тот оказался под неровным светом дрожащего фонаря.

– Папа! Папка, подожди! – Лёшка поперхнулся морозным воздухом и остановился.

Лаптев обернулся, навострённая и кривая тень от его фигуры, словно секундная стрелка, пробежала световой круг.

– Домой! Я же сказал, что утром принесу! – сказал он и исчез в темноте.

Дед Моисей лежал в кровати и занимался чтением толстого романа, когда вдруг прослышал настойчивый и в то же время умоляющий стук – сначала в дверь, а потом в промёрзлое окошко. Он степенно поднялся, перекрестился, залез в обрезанные валенки, накинул тулуп и вышел на крыльцо. Лёшка немедля ткнулся ему в живот и, бодаясь словно телок, затащил его в сторожку.

– Дед, дед, – задыхался он, – отец валенки забрал. Я не хотел. Я не давал. А он забрал!

– Вот дурень шебутной. Что забрал-то, – дед даже успел улыбнуться, прежде чем заметил, что у Лёшки на ногах отнюдь не пимики, а зачерствелые и просторные калоши, заросшие снежной коростой до колена.

– Вот, твою маменьку и папеньку, и всю вашу родню на все четыре стороны, вот дурень-то! – Дед обернул Лёшку тулупом и бросил на кровать.

Он попытался растереть его ступни настойкой, потом одеколоном, но они только почернели, сделались липкими, неподатливыми и завоняли каким-то посторонним запахом навроде формалина.

Больница долго не отвечала, наконец трубка зашипела и спросила уставшим голосом:

– Приёмная слушает, что у вас?

– Так мальчонка, ноги отморозил, – удивился дед, не понимая, что ещё нужно сказать, чтобы этот голос перестал шипеть и задумался.

– Машины нет. В деревнях по экстренной. Везите сами или ждите до утра, – голос сделался совершенно утомлённым и безразличным.

Дед завернул притихшего и сдержанно стонущего Лёшку в одеяло, привязал к санкам и потащил к больнице.

Дальше приёмной его не впустили, он до утра то сидел на деревянном диванчике, то стоял на крыльце, пытался курить, кашлял и всё бил себя кулаком куда-то под сердце:

– Нужно было до Нового года потерпеть. Нужно было до Нового года терпеть, дурень старый.

На третий день деда пропустили в палату. Лёшка лежал бледный под отчётливо пожелтелым одеялом и встретил его извиняющейся гримаской.

– Дед, а мне ноги зачем-то отрезали, – тайным шёпотом пожаловался он.

– Ничего. Ничего. – Дед в растерянности оглянулся, не понимая, куда было бы возможно пристроить гранат, чья надменная краска не вязалась с больничной бледностью и желтизной. – Ничего. Ноги поболят и отрастут. Прогресс нынче такой – всё растёт. Главное, чтобы душа не обиделась, вот что главное. – Он вложил плод в Лёшкины ладошки и занялся порядком на тумбочке.

Несколько лет назад мне довелось побывать по делам в местечке, недалёком от моего родного посёлка. Встречи не складывались, партнёры морочили мне голову, я взял паузу и решил съездить на родину. Места изменились до неузнаваемости, я проехал по посёлку и с любопытством повернул в сторону кладбища. Сторожка стояла на прежнем месте и даже хранила прежний обветшалый, но нетленный вид. Разве что на месте деда Моисея я встретил круглолицего и вполне жизнерадостного старика.

Он с удовольствием повёл меня к могилке своего предшественника. На могиле деда Моисея я увидел крест – крест кованый, ажурный, редкой работы, сразу было видно, даже мне, человеку далёкому от кузнечного дела, что сделал этот крест большой мастер.

– Хорош, – я показал на крест с надеждой услышать какую-то необычайную историю.

А сторож только ответил:

– Хорош, что хорош – то хорош. Кто увидит, подходит и интересуется, мол, что за человек-то тут захоронен,

да и чем так велик, копь под таким крестом упокоился. Видит народ любовь-то человеческую и восхищается.

Я расстелил на столике газетку, разложил закуски, выпил, угостил сторожа, покрошил немного хлебных крошек на могилку.

– А у нас крестов-то таких два, – угодливо похвастал вдруг сторож с надеждой на ещё один поминальный глоток.

– Два? – я безмерно удивился. – Почему два? Веди скорее, веди меня, старик, покажи скорее второй!

На самом краю кладбища, действительно, стоял ещё один крест, крайне похожий на тот, что стоял у деда Моисея. Я решительно прошёл к нему и с удивлением прочитал на могильной плите: «Лаптев Александр Петрович. Вечная память».

– Ах ты, Лёшка! Ай да молодец! Понимаете ли вы, дорогой мой сторож! Понимаете ли, что произошло?!

Сторож недоумённо развёл руками:

– Ну, так вот и живём.

Я оглядел старое кладбище.

– Прощай, дед, – махнул я сторожу рукой, не желая более говорить, и зашагал прочь. Я решительно пошёл к выходу, радостно оглядывая кладбищенский простор. А кругом кресты, кресты, кресты – деревянные, чёрные, покосившиеся – разные, как людские судьбы, и они провожали меня жить дальше.

ЧЕМОДАН

Эта история произошла очень давно. Мне исполнилось пять лет, когда мы с отцом отправились в большое путешествие. Отец мой был родом из Шипицина, это селенье сохранилось до сих пор посреди Барабинских степей. И поводом того путешествия, видимо, и было навестить своих родственников, родные степи и, конечно, похвастаться мною – сыном, наследником.

От станции мы шли, считай, весь день, пытаясь достигнуть неведомой мне деревни. Устал я страшенно. Помню, для возможности самого короткого отдыха я, точно собачка, обгонял отца, устраивался в сырой и не тронутой весенним солнцем траве и слушал размеренный ход отцовских ног. Отец нёс большой фанерный чемодан с подарками.

В деревне, где мы наконец заночевали, нам дали лошадь с телегой, и оставшиеся километры до Шипицина я уже прилежал на подстилке из тёплого и душистого сена, разглядывая, как железный обод тележного колеса выдавливает глубокий след на сырой дороге. Иногда моё внимание и нос, исколотый пыльными травинками, привлекал чемодан, в котором – это я знал в точности – содержалась жестяная баночка с разноцветными монпансье и целый и круглый килограмм конфет, обернутых плотной бумагой. Эти карамельки тоже были крохотными, навряд ли подушечек, присыпанных сахаром. Однако были покрупнее бомбошек из монпансье и, что самое важное, содержали в себе малую толику повидла, при одном только виде которого не только сопливая девчушка, но и самая крепкая баба складывала оружие и делалась покладистой. Потому и называли эти подушечки «дунькина радость».

Дорогу нам преградил ручей. Однако! Таким ласковым и невинным словом этот мутный поток называли, наверное, только летом, да и то, скорее всего, самым засушливым. Теперь же его струи заполняли весь овраг целиком и так, что верхние веточки ивушек едва возвышались над водой. Отец приструнил лошадь, прогулялся по вязкому берегу, но места, подходящего для переправы, так и не обнаружил.

Раздевался отец долго, сосредоточенно; теперь-то я понимаю, что он продумывал переправу, а тогда мне было страшно и хотелось, чтобы мы поскорее переправились и всё было бы уже позади. Отец стянул комок своей одежды ремнём и, разбежавшись, перекинул его на другой берег.

– Ну, сынок, держись, поехали, – решил он и, аккуратно подёрнув поводьями, повёл лошадку к ручью.

Лошадь всё глубже заходила в воду, она похрапывала, идти не хотела, но отец уверенно держал поводья и ласково приговаривал:

– Давай, давай, милая, полегонечку.

Но вот он поплыл рядом с лошадкой, и вода готова была уже сомкнуться над её спиной, как она, вдруг зацепившись за дно, начала подниматься. А в телеге, в которой сидел я, появилась вода, чемодан всплыл и начал дрейфовать к краю. Я схватился за чемодан, и меня потянуло из телеги. Но отец уже был на берегу, помогал лошади подняться на крутой берег ручья. Он обернулся и закричал:

– Держись! Держись за телегу! Отпусти чемодан!

Правой рукой я ухватился за край телеги, а левой – упрямо тянул чемодан к себе. Мне кажется, я выл от страха, но чемодан так и не согласился отпустить.

Когда мы были уже наверху, отец передел меня в свою сухую одежду, уложил в телегу. Он остался в нижнем белье и сапогах, пошёл рядом и всё выговаривал мне:

– Сынок, не нужно держаться за чемодан. Дело пустое, утянет, и поминай как звали. Чемодан-то можно новый купить, а тебя не купишь. Булькнул бы в воду с этим добром, и как тебя потом выловишь в такой мушине...

А я был доволен. Отец бежал рядом с лошадьёю, я хрустел «дунькиной радостью», и дразнящий аромат ванильного сахара, запахи сырой степи и сена наконец сошлись в столь желанное для меня представление о счастливой жизни.

Тайна

Я скажу вам, что здесь две тайны. Они очень разные, и поначалу можно даже подумать, что они противоположны друг другу, но на самом деле только в равновесии между ними жизнь может быть гармоничной и счастливой. Первая тайна говорит о том, что нельзя жить только надеждами на будущее, нельзя быть слабым. Нужно быть сильным и уметь бороться за своё счастье, которое должно быть в духовном и материальном достатке. Нужно уметь крепко уцепиться за ручку чемодана, не выпускать его из рук.

Вторая же тайна открывается в словах отца: то, что невозможно удержать, нужно иметь силы отпустить, чтобы не погибнуть в собственном упрямстве, или, например, не пытаться заработать всех денег. Именно в равновесии и умении держать и отпускать можно счастливо прожить это удивительное путешествие на телеге среди бескрайних степей, которое и называется жизнью.

ГОСТЬ ЧЁРНОГО ДОМА

На нашей улице стоял старый одноэтажный дом с окнами, вытянутыми кверху, словно монастырские бойницы. Время и дожди отчеканили его мощные брёвна, и он казался чёрным даже на солнце. Яблони, сирени, беззастенчиво разросшиеся в палисаднике, совершенно скрыли его от посторонних глаз и сделали недоступным и таинственным.

В доме жила старуха с большим крючковатым носом и недвижным взглядом. Она редко появлялась и всегда носила только чёрное: длинную юбку, застиранную до седины, чёрную кофту и тяжёлую шаль с кистями. Шаль была такой большой, что нам казалось, будто старуха накинула на голову чёрную простыню и вышла нас пугать. При её появлении мы, пацаны, разбегались врассыпную, потому что меж нами сложилось поверье, будто она ведьма и может заколдовать любого, кому только посмотрит в глаза. Она нам казалась очень страшной.

Рассказывали, что она с мужем появилась у нас в самом начале войны, их вывезли из Ленинграда. Они купили этот дом и прослыли очень богатыми. Но муж вскоре умер, а старуха осталась жить одна и в стороне от всех. Мы, уличные мальчишки, придумали, а после свято поверили, что она стережёт клад.

Да и сам Чёрный дом жил загадочной для нас жизнью. Мы не видели, когда привозили туда дрова или уголь, когда и кто прибирался в палисаднике или красил наличники на окнах. Но зимой из Чёрного дома валил сытный угольный дым, палисадник был выполот, а наличники торжественно поблёскивали на солнце, не в пример нашим – забелённым известью.

А у нас в доме жили открыто, тесно и шумно, что называется, с распахнутой калиткой. В семье нас было четверо детей – я и три старшие сестрёнки. Ещё дед с бабушкой – мамкины родители. У нас всегда было шумно, весело и все всегда чем-то были заняты.

И всякое существенное движение по хозяйству – заготовка дров или сена – у нас превращалось во всенародный сход. Праздник! Всё шумело, двигалось – порознь и слаженно. Мужики ломали колуном упрямые чурки. Мальчишки складывали дрова в поленницу. Предлагали друг другу подышать самыми ароматными из них, пахнущими пряным муравьиным спиртом. Кто-то катал уголь в тачке, чьи колёса выписывали такие кренделя, что и самому запойному пьянице никогда не повторить. Девчонки помогали складывать посереде огорода стожок изпряного и ещё нежного сена, тёрли платочками и без того красные щёчки, подражая взрослым бабам, загадочно улыбались.

А мама с бабушкой что-то готовили, варили, крошили, раскладывали по тарелкам. Запахи солений и корешков носились по двору и дразнили голодные желудки. Потом застолье и песни. А как старики пели! Слаженно, на разные голоса. Мой дед, бывало, подхватит низким голосом, да вдруг расплачется. А когда я его спрашивал: «Почему, деда, плачешь?» – он улыбался и говорил, что соринка в глаз попала.

К нам ходили соседи. Мы – к соседям. Короче, суета, жизнь кипела. Потом мама решила рожать. И шуму стало ещё больше.

Дед подначивал:

– Давай, доченька, давай, только мужика нам, чтоб Миколке под руку, а то одни бабы на дворе, никакого с них толку.

– С вас толк большой, за стол да на горшок, – возражала бабушка, а к маме обращалась ласково: – Доченька, ну куда тебе их столько, солить, что ли? Так ведь погрёба не хватит. Ты пойми, через год-два я тебе уже не помощница.

– Дети – на старость, – отвечала мама. – Эти скоро вырастут, девки – по мужьям, а этот, – она кивала на меня, – хвост пистолетом и поминай как звали. А за себя не волнуйся, вон у меня какие помощницы подрастают!

Главное, потом все собрались в уголке, возле комода – мама, бабушка, сестрёнки – и давай тряпочки, пелёнки, распашонки перебирать. Смеются. Жалуются. Клянутся не бросать друг друга. Помогать. И плачут – одно слово, бабы. Бабы, да и только.

И вышли они из этого угла уже клином – сплочённой такой армией. И давай каждому рассказывать, что кому надлежит делать. И уж тут всех расписали – кому строгать, кому светить, кому окурки подбирать. А отец как-то умел выкрутиться. Пригладить этот бабий пыл. Подойдёт к маме, приобнимет её и скажет:

– Люблю я тебя.

– Чего?! – ещё с пылу-жару несёт маму.

– Красивая ты, – подмигнёт отец.

– А, – махнёт рукой вдруг подобревшая мама, – у тебя всё одно в голове. Кто про что, а вшивый всё про баню!

Но довольная. Пусть с боем, но свой комплимент получила.

...И всё-таки я полез в этот Чёрный дом. Пробрался по крыше соседского сарая. Сверху оглядел двор – никого. Но дорожки выметены, травка ровная, даже крапива под забором не растёт. Спрыгнул с двухметровой высоты, повалился на землю, а когда поднялся, то увидел перед собою страшную старуху.

– Здравсте, – растерянно сказал я.

Она вдруг протянула мне руку. Я зажмурился, подозревая, что сейчас она треснет меня по голове или, того страшнее, посмотрит в глаза.

– Прощу вас, как я понимаю, вы в гости пришли. Пойдёмте же пить чай, – сказала она и повела меня в дом.

Возле окна стоял стол. Сытно пощёлкивал самовар. И пар поднимался над початой чашкой с чаем. За окном я рассмотрел соседский сарай и понял, что старуха видела, как я пробирался во двор.

В комнате было темно, но очень чисто, так чисто, что казалось, будто здесь никто не живёт. Старуха предложила мне тяжёлый стул с резными ножками и прямой спинкой, украшенной шишечками и укрытой ажурной салфеткой с вышитыми вензелями. Поставила передо мной массивную фарфоровую чашку с позолоченной ручкой. Шоколадные конфеты в корзиночке, сплётённой из тончайших фарфоровых нитей, колотый сахар в просторной вазочке, устроила рядом щипчики и какой-то диковинный пинцет, изготовленный из серебра и украшенный гербами. А у нас таких вазочек и в помине не было – всё больше железные и алюминиевые тарелки, а чай мы пили из гранёных стаканов. А тут – чашка с блюдечком и пинцет.

– Угощайтесь, прошу вас, – предложила старуха, посмотрела на меня чёрными глазами и... погладила по голове. – Чай цейлонский, жуковского развеса, шоколад от Эйфеля. Это замечательная фабрика, поверьте мне. Попробуйте вот эти – с халвой. Халву там готовят просто вдохновенно.

Старуха молча пила чай и пристально разглядывала меня, а я ложечкой гонял по блюдцу кусочек сахара и всё оглядывался по сторонам. На окнах от самого потолка висели тяжёлые бордовые шторы, точно платья с поясками или занавесы в Доме культуры. Мне казалось, что сейчас из-за шторы, прямо по подоконнику, выйдет конференсье и торжественно объявит следующий номер концертной программы.

А у нас были только простые занавески с вышивкой. Вечерами бабушка, мама и сёстры садились на кухне за рукоделье и пели песни, как на репетиции. Бабушка вязала, мама строчила на старой швейной машинке, а сёстры вышивали на пяльцах. А я сидел на полатах и смотрел, как крестики превращались в цветочки на белой материи. Мне

нравился шум швейной машинки, тепло печки и котёнка, который засыпал под моим боком и непрестанно мурзил, мурзил, мурзил, сладостно отзываясь всем своим тельцем. Но больше всего мне нравились песни. Начинала бабушка, сёстры подхватывали, а потом вступала мама – и получалось очень красиво. Я тоже пытался подпевать, но сёстры всегда просили меня заткнуться.

Чай был горячим, и я пил его с ложечки. Получалось чудно и шумно. Старуха всякий раз, когда я втягивал его, морщилась и кривила тонкие бескровные губы.

- Как вас зовут? – спросила она.
- Коля, – тихо ответил я.
- Вы вор, Николай?
- Нет, – удивился я.

Потом мы надолго замолчали, и мне показалось, что наступила моя очередь вести разговор, и я спросил:

- А вы живёте одна?
- Да, я одинокая женщина.
- А где ваши дети?
- У меня нет детей.
- Умерли?

Она не ответила.

– А это кто на картинке? – я указал на портрет в рамочке. На стене висело много фотографий, но только на этой была женщина в пышном белом платье.

- Это я.
- Ух ты! Красивая. А у вас и сёстры есть или, скажем, братья? – Я совсем осмелел и съел пятую конфету.
- Нет. Скажем, брата у меня нет, впрочем, о сёстрах можно сказать то же самое.

– А у меня три сестры, вреднючие. Но больше я не люблю Верку. Она дрыгается по ночам.

- Вы вместе спите?
- Да, на одной кровати. Она развалится, как корова. Я два раза уже падал, а ей хоть бы что. Говорит, если я лежю по ночам, значит расту! А вы кем работали?

– О, это достаточно подробная история, но, впрочем, извольте, пройдёте в залу.

Она провела меня в большую комнату с кожаными креслами и роскошным диваном, в очертаниях замысловатой резьбы которого угадывались львиные морды и даже лапы с грозными когтями, настолько точно вырезанные, что их непременно хотелось потрогать и даже поскрести своим собственным ногтем.

– Взгляните, Николай, – предложила старуха, – это моё пианино. Мой инструмент. А это скрипка мужа. Вы когда-нибудь видели пианино?

– Да, – ответил я, – в Доме культуры. А вы сыграйте что-нибудь.

– Извольте, юноша, а что бы вы хотели?

И я, приосанившись под местного блаत्यку, лихо спел:

– На палубе матросы курили папиросы, а бедный Чарли Чаплин окурки подбирал... пара-па-па! Умеете?

– Едва ли, мой друг, но я постараюсь разучить к вашему следующему приходу. Вы же придёте ещё? – спросила старуха.

– Приду, – согласился я и, едва коснувшись струн на таинственной скрипке, вернулся к столу.

Вскоре мы распрощались.

А конфет с собой старуха не дала. Я потихоньку стянул две штуки. Но она вышла меня провожать, открыла тяжёлую калитку в воротах и спросила:

– Что у вас в руке?

Я разжал кулак с двумя подтаявшими шоколадными конфетами.

– А ведь вы уверяли, что не воруете.

– Но это же сестрёнкам, – возразил я.

– Идите, – сухо ответила старуха.

– Спасибо, баба Соня. Спасибо. До свидания, – попрощался я.

Она вдруг посмотрела на меня насмешливо и удивлённо.

Я пожал плечами, не понимая, что сказал не так. И ушёл, опозоренный, но с гостинцами.

С этого случая и началась наша странная дружба с ней. Иногда, заметив меня на улице, она выходила и низким хриплым голосом звала:

– Николай!

Она звала меня как взрослого – Николай.

Я бежал к ней, она приглашала меня в дом, усаживала за стол, наливала чай и ставила передо мною пирог или ещё какую-нибудь вкуснятину. И мы разговаривали. Она, оказывается, была знаменитой пианисткой.

Я ел много, потому что старуха с собою не разрешала ничего брать. Одно мне было непривычно – когда она вдруг гладила меня по голове. Я всякий раз втягивал голову.

Так я перестал бояться Чёрного дома, и мои друзья, которые сначала по привычке прятались от старухи, теперь без страха, но с любопытством разглядывали её. А когда я шёл в гости к старухе, друзья просили:

– Сопри конфет.

– Как я сопру, если она меня проверяет. Ты, говорит, здесь ешь сколько хочешь, но не воруй.

Друзья обижались на меня. А дома удивлялись, но ходить к старухе не запрещали. Бабушка даже, напротив, говорила:

– Сходи, внучек, развесели старушку. Скучно ей одной, без внуков. Это у нас тут одно веселье, покою нет, а у неё тоска.

А отец как-то сказал, ты, мол, гость Чёрного дома. Все рассмеялись, а мне отчего-то сделалось жалко старуху – чёрную, худую и одинокую. И на праздник я подарил ей свой рисунок – рогатую корову с чёрными пятнышками. У меня только вымя нарисовалось ниже копыт, и потому казалось, что моя корова тащит его по траве.

Но старухе очень понравился мой рисунок, и она прикрепила его на стене возле фотографии женщины в белом пышном платье.

БАЛАМУТ

Учился я в школе, скажем прямо, не очень ровно, поскольку собирался стать великими спортсменом. А для спортсмена, так представлялось мне, главное – это сила, ловкость, скорость и выносливость.

Вернулся со сборов и вдруг узнал, что у нас появилась новая учительница по истории Наталья Николаевна – женщина молодая и красивая. Я с облегчением вздохнул, потому что к тому времени я уже приобрёл незаурядный опыт, опираясь на который мог безболезненно морочить учителям голову. Молодая учительница, то есть человек без достаточного опыта работы, мне показала лёгкой добычей.

Пока я отсутствовал, будучи на очередных соревнованиях, Наталья Николаевна вышла замуж. Об этом много болтали наши девчонки. «Ну-с, – подумал я, услышав девичью болтовню, – теперь ей вовсе не до нас». Но прозвенел звонок, и нахлынула на меня тревога. Говорят, что это шестое чувство: я почувствовал, что сегодня меня непременно вызовут к доске рассказывать про Ивана Грозного. Если бы оно посетило меня хотя бы дома, я бы, конечно, успел ознакомиться с необходимым параграфом. Но моё шестое чувство всегда опаздывало.

Оставался единственный, но очень верный ход – затянуть время, отведённое на опрос домашнего задания. То есть лишить противника инициативы, отодвинуть его грозный фронт как можно дальше и заставить его пробиваться к доске и журналу с изнурительными боями местного значения и так, чтобы даже в случае успеха он бы оказался в цейтноте и вынужден был, отложив опрос пленных, перейти к новой теме и следующему стратегическому плану.

– Наталья Николаевна, можно спросить? – я поднялся с места.

– Да, слушаю вас, – она обращалась к нам на Вы – эту привычку молодые учителя наследуют вместе с университетским дипломом. Но затем она как-то сама собой стирается.

– Я слышал, вы вышли замуж?

– Однако от вас ничего не скроешь. И что?

– Я хотел поздравить вас от всего класса.

– Спасибо. Садитесь.

Я сел, но тут же прервал её внимательное изучение журнала.

– А сколько вы планируете детей?

Учительница внимательно посмотрела на меня.

– Пять, – ответила и опять уставилась в журнал.

– Круто! – оценил я. – А когда планируете первого?

Наталья Николаевна опять внимательно посмотрела на меня.

– Чем же вызван такой интерес?

– Не торопитесь с детьми. А вдруг вы разлюбите мужа, ну, сами понимаете, дело молодое. Разводы на каждом шагу. Я это к чему говорю, чтобы вы помнили, что к тому времени я уже стану совершеннолетним и на вас смогу жениться.

Одноклассники всегда были благодарны мне, хотя и считали меня легкомысленным. Но сейчас в классе воцарилась мёртвая тишина. Такой наглости от меня, видимо, не ожидали даже они, мои одноклассники.

Наталья Николаевна задумалась.

– В меня что, влюбиться нельзя? – я пытался держать себя выбранных козырей.

– Почему же, можно. Вы с юмором, а я люблю людей весёлых. Но я люблю и образованных, и перед будущей свадьбой хочу убедиться, что вы, молодой человек, прекрасно знаете историю царствования Ивана Грозного. Так что милости просим к доске.

Я медленно поднялся, понимая, что пересолил свадебный каравай и теперь вместо пиршественного стола неизбежно плыву к позорному столбу.

– Пожалуйста, Николай, коротко и ёмко.

Я вышел к доске.

– Иван Васильевич Грозный, время царствования 1547–1584 годы, – начал я размеренно, стараясь держаться тех скудных строк, какие успел подглядеть в раскрытом учебнике своего соседа. – Наталья Николаевна, не нравится мне Иван Грозный!

– Что же так? – отозвалась вдруг она с пониманием моей затруднительной ситуации и откинулась на спинку стула.

И я почувствовал самыми сокровенными уголками своего живота, что она приготавливается с наслаждением вернуть мне обратно все мои дерзости.

– Понимаете, Наталья Николаевна, у всех цари как цари, а у нас – то тупой, то бездарный. Вот взять того же Ивана Грозного, сколько он народу загубил? А опричники, как фашисты, устраивали карательные операции, жгли, вешали! А сколько царевичей передушили?! Цари против бояр, бояре против царей. На Западе – электричество, а у нас – свечи, там – паровозы, а у нас – полудохлые, заморенные лошади! Даже стыдно. Вот если бы я родился во Франции...

– А что вы знаете о французских королях?

– Ну, там всё в порядке, – невнятно ответил я, понимая, что о французских королях я даже приблизительно ничего не знаю. И напрасно заикнулся в их сторону.

– Мне всё понятно, но я думаю, что многие из вас немного знают, а потому послушайте, что я сейчас вам расскажу. – Наталья Николаевна встала и пошла между рядами. – Иван Васильевич Грозный был достаточно привлекательным человеком: высокий, стройный, с ясным взглядом, прекрасный ритор, талантливейший писатель, философ-христианин, который ежедневно по несколько

часов своего времени посвящал церковным службам. В три года осиротел. Будучи семнадцати лет от роду, взошёл на престол и, невзирая на все интриги, какие сплетали бояре за-ради своей власти и денег, простил всех. «Забудьте, чего нет и не будет. Оставьте ненависть, вражду», – сказал он с Лобного места народу и боярам.

– Куда вы, Николай? – прервала свой рассказ учительница. – Я за вас сейчас отвечаю урок, а вы даже постоять не хотите.

Я вернулся к доске.

– Иван Васильевич ввёл обновлённый Судебник, – продолжала Наталья Николаевна. – Навёл порядок на севере страны. А затем на южных рубежах усмирил казанских татар, терзавших разорительными набегами окраины России. Именно в царствование Ивана Грозного окончательно формируется русское самосознание и понимание государственности как общего дела и общего служения Родине. Это мировоззрение не претерпело изменений за все прошедшие четыреста лет! Но главное, сформировалась доктрина: Русь – Третий Рим. Теперь об опричниках. Вы, Николай, говорите – фашисты. Параллель, которую вы проводите, просто невежественна, если не сказать кощунственна, но я прощаю вам вашу необразованность. Надеюсь, что к истории своего Отечества вы научитесь относиться уважительно, если захотите узнать её. Кто не знает истории своей Родины, тот не может её любить.

Ивана Васильевича прозвали Грозным. Обратите внимание, не Жестоким, Кровожадным, а именно Грозным. Да, Иоанн родился во время грозы, но прозвище не закрепилось бы за ним, если бы не великая сила духа и политическая воля на пути государственного строения, которую проявил царь Иоанн. Я хочу быть грозным учителем, и стану им, если услышу на уроках столь безапелляционные заявления.

Когда бояре в очередной раз попытались втянуть его в интриги, царь создал отряд опричников – людей, на кото-

рых можно было положиться. Символами опричников были собачья голова и метла – это символы преданности и борьбы с предательством. Вот что вы должны были мне ответить сейчас.

– Замечательно, Наталья Николаевна! – рванул я наступившую тишину, понимая, что уже утонул и давно стою не у доски, а на илистом дне какого-то вонючего водоёма. – Да, всё так, Наталья Николаевна, но Иван Грозный, – а вы должны знать это! – был четыре раза женат, а я однолюб и женюсь на вас только один раз, и всё! И до самой до вашей смерти.

Наталья Николаевна удивлённо смотрела на меня и почему-то молчала. Ребята тоже сидели не шелохнувшись. Потом она как-то грустно улыбнулась:

– Собственно, да, я же старше. Хорошо, Николай, я не буду ставить вам двойку. Вы нас сегодня удачно развлекли, но следующий урок готовьте серьёзно. Садитесь.

Одноклассники, предатели, после урока молчали. Поняли, что и сами не умнее меня. Спасибо так никто и не сказал. А ведь я кого-то сегодня выручил, и он, этот кто-то, не получил двойку.

Тайна

Тайна в том, что любая информация может быть как объективной, так и «заказной» – специально отобранной или сформулированной так, чтобы работать на политические или экономические интересы какой-либо группы людей. Жизненно важно стремиться с помощью своего природного любопытства воспринимать всё то, что принимают наши уши, с точки зрения исторической объективности и опираясь на статистические факты.

Русским людям пора бы научиться воздерживаться от сладостных мук самобичевания. Это не значит, что мы должны вдруг разом забыть об изломах своей истории и приняться взахлёб рассказывать только о подъёмах. Как

и всякий человек, народ претерпевает за свою жизнь и удачи, и неудачи; как и всякий человек, народ подвергается искушению.

Вопрос не в том, кто падал, вопрос в том, кто и как поднимался. Наш народ всегда находил в себе силы подняться высоко и достойно.

Худо то, что мы не знаем собственной истории, а порою и не хотим знать; поразительно, конечно, но вдруг стыдимся своих достоинств, своей чести. И всё-таки объективности ради сообщая: за время правления Ивана Васильевича Грозного было казнено от трёх до четырёх тысяч человек, в том числе и отъявленных уголовников. Для объективности также скажу, что некоторые западные историки настаивают на цифре в двенадцать тысяч человек. Но почему-то мало кто знает, что в те же Средние века за время правления французских, испанских, английских и прочих европейских королей погибало в десятки раз больше людей. Здесь лучшим доказательством может стать только статистика.

Во Франции Карл V за время своего правления казнил более 100 тысяч своих подданных; в 1572 году за одну только Варфоломеевскую ночь Карл IX уничтожил 70 тысяч человек и в последующие две недели ещё 30 тысяч; Генрих VIII казнил 72 тысячи насильно согнанных со своих земель крестьян за бродяжничество. Вам может показаться странным, но французы без комплексов, гордятся своей историей. Испанские короли мало чем отличались от своих собратьев во Франции – Филипп I уничтожил около 100 тысяч человек в Нидерландах, Филипп II за время своего правления казнил 25 тысяч человек уже собственного народа; в эти же Средние века в Германии за время восстания бедноты было казнено 100 тысяч человек; в Англии, уже в девятнадцатом веке, за один 1831 год был вынесен 1601 смертный приговор.

КЛОУН

Кто в стремительной и бесшабашной юности своей не задавался вопросом: а что это за чудо такое – любовь? Ровесницы-девчонки строчили в дневниках: «Любовь – это роза, красивая, но колючая». Лично я искал ответ у поэтов и находил совсем не то, что искал: «Я вас любил, любовь ещё, быть может, в душе моей угасла не совсем...» Но шокировала меня в этом произведении концовка, мол, «дай вам Бог любимой быть другим». Сознание зависало, мой быстрый на расправу процессор скрипел и отказывался давать вразумительный ответ на вопрос: зачем своей любимой желать любви другого пацана?! Были и иные авторы, более конкретные и по-хозяйски деловитые, которые писали: «Любовь не вздохи на скамейке и не прогулки при луне...», но далее опять пугали, мол, «всё будет – слякоть и пороша...», и несли прочую муть наподобие девчачьей болтовни о розах и шипах. И что? И где ответ? По прочтении этих и иных не менее туманных сентенций вопрос оставался открытым, ответ блуждал в потёмках неразберихи вечно запутанных отношений между мужчиной и женщиной.

В студенчестве я раз пять был влюблён, то есть отточил свой характер до ловеласного. А в руки стали попадаться книги, в которых анатомия любви представлялась или в заоблачных просторах романтических грёз и фантазий, или в грешных коридорах пошлости и цинизма. Ответа, который мог бы утолить мой пылко пытливый и въедливо дошный ум, категорически не было.

Легче дело обстояло с понятием любви к маме, папе, бабушке и другим ещё живым родственникам. С Родиной и патриотическими чувствами тоже всё обстояло более-менее определённо и достаточно аккуратно было уложено в моей, тогда ещё вихрастой, голове. Но вот я ознакомился

с Новым Заветом, в котором чёрным по белому было написано: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». Понять эту заповедь мой здравомыслящий мозг отказался сразу. По улице ходили, спешили, бродили люди, высокие и низкие, худые и толстые. «Но при чём здесь я? – рационально думал я. – И с чего их всех вдруг необходимо любить?» Я этого понять не мог.

Потом я прожил много лет, и, как все люди на этой грешной земле, страдал и радовался, терял и находил, предавал и был предан, лгал и был оболган, влюблялся и даже счастливо женился, но и после всех этих передряг я так и не смог разъяснить даже самому себе, что же это такое – любовь.

Но вот недавно я вдруг и совершенно беспричинно, после звонка мамы, вспомнил случай, который никогда не обсуждался и потому, наверное, и не вспоминался. И тот мамин звонок не был связан ни с моими мыслями о любви, ни с тем далёким случаем из детства. Но вот отчего-то слова, интонации, настроение и непогода за окном сложились в ассоциативный путь, который увёл меня в чашу давно позабытых дней.

Мне исполнилось тринадцать, когда младшую сестру положили в больницу на операцию. Я, кажется, всегда знал, что она больна, но вот так ясно и вдруг предельно отчётливо подступившую опасность понял только теперь. Я понял, нет, я её почувствовал всем телом, всею душою, всей интуицией и сознанием, что есть смерть, реальная и жестокая, что она, смерть, – то самое явление, которое неподвластно никому на земле. И я понял, что смерть сильнее жизни.

Учился я с тем рачительным расчётом, чтобы не доводить отношения с мамой до грубых разборок, чтобы моё прилежание и поведение не нарушали спокойствие завуча школы, готового в любой момент назначить свидание в кабинете директора. Кроме обязательной программы, которой потчевала наша средняя общеобразовательная школа за номером двадцать два, была любимая, но произвольная программа – я четыре раза в неделю посещал акробатиче-

скую секцию на стадионе «Спартак». В шестом классе я лихо прыгал и был изрядно ловок, и однажды в школе на спор спустился по лестничному пролёту на руках со второго этажа под восторженные аплодисменты сотни школьников, которые чуть позже сделались честными свидетелями этого события в кабинете у завуча по воспитательной работе. Я был унижен и прославлен одновременно.

К Нельке в больницу в Академгородок я ездил в свободные от тренировок дни. В кардиологическое детское отделение передачи не принимались, свидания были запрещены, видимо, как я теперь понимаю, с профилактической целью – не допустить в отделение заразу типа гриппа или какую другую гадость. Я выходил на остановке «Строитель» и через десять минут путешествия по вековому бору оказывался возле клиники, обегал двухэтажное здание с тыльной стороны, на которую выходили окна больничных палат с приклеенными к стеклу листочками, на которых взволнованным почерком были нарисованы номера. Я лепил снежок, запускал его в цифру пятнадцать, и в окне возникала чья-нибудь голова, а потом появлялась медлительная Нелька. Она, как и все жители этого отделения, синела остриженной наголо круглой головой и смотрела на меня, сидя на подоконнике. Я топтался под соснами, взмахивал руками, пытаюсь что-то рассказать, – кричать было бесполезно, нас наглухо разъединяли двойные рамы окон. Потом мне изрядно надоело топтаться без толку на заячьей тропе, проторённой редкими прохожими, и я начал вытаптывать на снегу гигантские буквы её имени. Я вяз в сугробах, падал, а Нелька сидела на подоконнике и смеялась. И я вдруг понял, что надо делать. Нужно веселить сестрёнку! И тут же принялся изображать неловкого художника, который рисовал её имя на снегу. Я неуклюже падал в снег, выскакивал на тропинку, рассматривая своё произведение, а в самом конце забрался на толстую разлапистую сосну и прыгнул в снег, выдавив своим щуплым телом восклицательный знак в конце уже завершённого произведения. Когда я поднял голову, то увидел, что около Нельки сидят ещё девчонки, такие же стриженные и весёлые. Они беззвучно хло-

пали в ладоши, и была среди них одна, почти моя ровесница, её круглую голову также украшали маленькие ушки и большие глаза. Но вот эти глаза и ушки мне показались самыми красивыми в мире. Я никогда и предположить не мог, что стриженная наголо девочка может быть такой обворожительной. Не надо даже сомневаться! Я влюбился в неё мгновенно, когда ещё валялся в позе восклицательного знака.

Уже в следующий свой приезд, когда рядом с Нелькой в окне появились все девчонки, я смело подошёл к вытоптанному на снегу имени сестры, сначала показал на него пальцем, а потом на красивую девочку и спросил: «Как тебя зовут?» Она поняла сразу, подышала на оконное стекло, которое тут же густо запотело, и написала своё имя. Я прочитал: «Яна» – и принялся вытаптывать его на снегу. Но дети застучали в окно, и девочка начала писать буквы отдельно, одну за другой, и получилось: Аня. Я понял, что мне надо было читать не слева направо, как мы привыкли читать, а наоборот, справа налево, как в зеркальном отражении. Имя Аня мне очень понравилось, оно звучало в моём сердце хором небесных птиц, пока я вытаптывал на снегу её имя с особой тщательностью и клоунской сноровкой, кривляясь и падая.

Прошло несколько дней, и я вдруг заметил, что стоит мне ступить на тропинку, в окнах второго этажа, как по команде, появляются стриженные головы детей. Только в одном окне всегда было пусто, а когда там включался свет, мне было видно, что на потолке светилась огромная космическая тарелка.

Медсёстры и врачи не ругали меня и не гнали, хотя я приезжал после школьных уроков и мой приезд почти всегда приходился на тихий час в больнице. Это был важный знак признания моего скоморошества полезным и нужным делом. Я совсем осмелел, хотя и сам догадывался, что детям и до операции и после было скучно и, наверное, страшно. Я освоил сосны, с которых умело и смело падал в глубокий снег, вновь забирался на них по-кошачьи ловко, разыгрывая очередной сюжет, который придумывал, пока ехал в Академгородок.

А потом вдруг в окне не появилась Анна. Я подошёл к её имени на снегу, показал на него пальцем и спросил Нельку: «Где?» Неля отстранилась от окна и провела рукой поперёк груди, и я понял, что Анне сделали операцию. Собственно, я знал, что это когда-нибудь случится, в клинике всем делали сложные и опасные операции, но я почему-то решил, что мой влюблённый рай продлится вечно. В тот день я отрабатывал новую репризу, но мне было грустно. Нет, я не ленился, я честно работал, мотаясь по разлапистым ветвям сосен, но разыграл роль не влюблённой обезьяны, как смело задумал ранее, а обезьяны, потерявшей свою возлюбленную. И когда я сел на высокий сосновый сук, чтобы передохнуть, и увидел вытопанные имена на снегу, мне почему-то подумалось, что вот придёт весна, и эти самые любимые имена растают и утекут. Я разместился на ветке сосны, как мне казалось, по-обезьяньи, почёсывая бока и вытянув губы трубочкой, и завыл. Дети смеялись, а я почему-то завыл по-настоящему, по-человечьи, по-обезьяньи не получилось.

Прошла неделя, а Аня всё не появлялась в окне, а я ждал. Я ждал встречи с нею и даже стыдился, что сестра, наверное, уже догадывается о моей влюблённости. Но Аня всё не появлялась, и тогда я опять подошёл к её имени на снегу и спросил Нельку: «Где»? А Нелька неожиданно отстранилась от окна и скрестила руки на груди, потом, как приставучую муху, нечто смахнула с лица и смущённо улыбнулась. А я понял, что Анны больше нет, что она умерла.

Я забрался на дерево, сел на сук и смотрел то в небо, то в окна, где синели стриженные головы детей, больше похожие на диковинные растения, тянущиеся к уличному свету, смотрел на вытопанные в снегу имена, на витиеватую каллиграфию имени Аня, и назойливо и тоскливо думал, что вот имя человека есть, а человека уже нет! И в этом не было справедливости и смысла, и не было элементарной и понятной честности, которую от нас требовали взрослые. Я понимал ложь происходящего, потому что жизнь, так получалось, есть то самое место, где требуют одно, а на самом

деле происходит другое. И тогда, в тот самый момент, когда я, как всклокоченный и мокрый от растаявшего снега серый воробей, сидел на суку, совсем неожиданно выдохнулось из какого-то дремучего прошлого, со слезою и болью, и почему-то с жалостью к самому себе: «Господи! Как трудно жить!» И я уже точно знал, что веселить я не смогу, пусть дети не обижаются, пусть я плохой артист, но я не мог, потому что умерла Аня, самая красивая девочка в моей жизни, и изображать даже обезьянью тоску я не мог и не стал.

Я спрыгнул с сосны, помахал Нельке рукой, весь этаж махал мне, провожая грустно и удивлённо, но почему-то сдержанно и с каким-то пониманием. Я тогда ещё не знал, что дети, пережившие горе и боль, становятся мудрыми и понятливыми, как старики.

А я пошёл по заячьей тропе в бор, чтобы потом – на остановку, в автобус и домой, чтобы жить дальше, но без Ани, которая меня больше не ждала. И уже далеко в бору я сел в снег и дал волю слезам, и опять вырвалось, как стон, как проклятье: «Господи! Го-о-осподи-и-и! Почему же так трудно жить!»

Я очнулся, к моему плечу прикоснулись. Я поднял голову и увидел красивую стройную женщину.

– Зачем плачешь? – спросила она.

А мне показалось, что это сама смерть устыдилась своих дел, преобразилась и пожалела меня. Я вскочил и побежал прочь.

«Зачем плачешь?» – слышалось мне. Она спросила зачем, будто можно зачем-то плакать. Она не спросила, почему, а сказала – зачем, будто плакать – это никчёмное, пустое и неважное дело...

А потом в окне не появилась Нелька. Я знал, что в этот день ей будут делать операцию. Мы приехали вместе с мамой. Мама осталась в больнице, а я побежал к больничному окну, надеясь, что Нельку ещё не увезли в операционную и я увижу её, махну ей рукой, сморщю нос и скорчу смешную рожицу. Но Нельки не было в окне, зато были дети, дети всего второго этажа, которые смотрели на меня, улыбались и ждали представления...

Я хотел уйти, но в Нелькиной палате я увидел маленькую девочку, послеоперационку, её посадила на подоконник и придерживала, наверное, нянечка или, может быть, её мама. Опухшие глаза девочки смотрели на меня с какой-то глубочайшей мудростью и ожиданием, и я понял, что мне просто уйти и обмануть эти глаза, этого маленького человека нельзя, не имею права, это хуже предательства. Сегодня я – её радость, её любимый клоун, которого она ждала и, верно, съела те ненавистные семь ложек каши, которые её заставляла есть нянечка, и... мне почему-то так придумалось, что пару ложек самых последних и самых противных она съела за меня – за дядю клоуна.

Я отработал свою программу: летал как птица по веткам сосен, потешно падал и опять взлетал с каким-то остервенением, особой лихостью и злобой, рисковал, совершая невероятные трюки. Мне аплодировали все: и врачи, и медсёстры, и, конечно, дети. А девочка улыбалась, положив ладошку на стекло. А я пошёл к маме в приёмный покой, где мама ждала окончания операции. Я уходил от детей, уже точно зная, что через день приеду обязательно, я точно знал, что для них было важно, чтобы я приехал. И я приехал.

Уже вечером к нам с мамой вышел хирург. Он сел на стул в пустом, холодном и гулком холле первого этажа, руки безвольно лежали на коленях. Было видно, что он сильно устал. На мамины вопросы он отвечал односложно. Он говорил, что операция прошла удачно, что всё, что задумывалось, сделали. Что есть надежда на хороший результат. А я смотрел на его руки и думал, что вот эти руки только что держали сердце моей сестры, и я зачем-то пытался увидеть на них хоть капельку крови, но они были чистыми, и манжеты белого халата тоже были ослепительно чистыми. Потом мама задала неожиданный вопрос, наверно, оттого я запомнил его, она спросила:

– Скажите, как долго проживёт моя дочь?

Хирург ответил сразу, будто и сам думал об этом, он сказал:

– До сорока лет... – замер на секунду и решительно кивнул, – до сорока доживёт.

Мама положила на его руку свою, как-то чуть сбоку, не для рукопожатия, а для чего-то иного, необычайно доверительного и благодарного, и слегка сжала её:

– Спасибо, – сказала она. – Большое спасибо.

Моя сестра жива и теперь, ей уже пятьдесят два года. Вы понимаете, о чём я? Я о том мальчишке, не о себе, а о том мальчишке, который прыгал по веткам, веселил детишек, чья жизнь висела на волоске и многие из которых не вернулись из операционной, потому что спасти их было практически невозможно, потому что в тот момент смерть была сильнее жизни. Я о том клоуне, который и сам-то был ребёнком, но каким-то чутьём понимал важность детских улыбок и дарил радость от всего своего пылкого и чуткого сердца. Он не знал и даже не думал о том, что он любит людей, он просто старался для них, как мог, как умел, как понимал и чувствовал в тот миг. И уставший хирург всякий раз, оперируя маленькое существо, которое ещё толком-то и не понимало, что такое жизнь, отдавал толику своей жизни. И не ради зарплаты он это делал, а потому что любил людей. Знал ли он об этом, думал ли – не знаю, навряд ли; **любовь – это чувство не от ума, а от сердца, из самой глубины человеческой души, это жертва бескорыстная и счастливая, за-ради другого человека! И именно потому, что это жертва за-ради кого-то, она и названа таким красивым словом – любовь!**

Значительно позже хирург стал знаменитым, и клиника благодарными людьми была названа его именем. А я вообще забыл про этот случай из моего далёкого детства. Но ведь я должен же был когда-нибудь понять, а что же это за чудо такое – любовь. **И я понял и самое важное: да, смерть сильнее жизни, но любовь сильнее смерти!** Понимаете это?! Понимаете? Любовь сильнее! Ведь когда я звоню сестре, то слышу в ответ: «Колечка, это ты? Здравствуй, родной!»

СОЛНЕЧНЫЙ МАЛЬЧИК

Жил-был мальчик с тоненькими ручками и ножками, маленьким бледным лицом и большими голубыми глазами – необычными глазами. Всякий, кто решался заглянуть в них, видел свою душу. Говорят, что один мясник увидел вместо своего отражения безобразную жабу. Вот такие совершенно удивительные глаза.

У мальчика была тележка, на которой стоял короб – это что-то похожее на большое ведро, только плетённое из тонких прутьев и с крышкой. Мальчик катал тележку по городу и слабым, но достаточно звонким голосом выкрикивал:

– Солнечный лучик! Солнечный лучик!

Люди пожимали плечами, удивляясь, кому нужен солнечный лучик, да и зачем он нужен, если над городом не появляется солнце. Да, в городе давно установилось серое утро, а может быть, вечер. Просто никто уже не помнил, когда ушло солнце, утром или вечером.

Люди расступались, пропуская мальчика, кто-то с удивлением и интересом провожал его взглядом, кто-то вертел пальцем у виска, мол, сумасшедший.

– Солнечный лучик! – выкрикивал мальчик, и только маленькие колёсики его тележки поскрипывали в ответ.

Однажды он повстречался на улице с другим мальчиком, который возил тележку с большой кастрюлей и выкрикивал: «Горячие сосиски! Горячие сосиски!»

– Покажи свой лучик, – попросил сын повара, – я дам тебе сосиску.

– Нет. Нельзя.

– Отчего же нельзя? Вот у меня сочные сосиски. – Он приподнял крышку кастрюли, оттуда повалил пар, и мальчик ловко выловил горячую розовую сосиску.

– Я не могу показать свой лучик, – ответил мальчик, – ещё не время, он может погибнуть. Над городом так давно не было солнца.

– Так зачем же ты кричишь о своём солнечном лучике, если его не то что продать, а и увидеть нельзя?

– Сосисок в городе много, а лучик один. И люди должны помнить о том, что когда-то было солнце.

– Глупец ты, братец! – сказал мужик, подслушавший разговор мальчиков. – Кому это нужно – знать про твой лучик и помнить о том, чего давно нет.

Мужик купил сосиску и тут же принялся с аппетитом её поедать. Он не заметил, как в голубых глазах мальчика отразился пень. Да-да, обычный пень, каких много встречается в лесу.

Трудно сказать, сколько прошло времени с той встречи, ведь солнце не появлялось над городом, и никто не знал, когда начинается и кончается день. Ох и бестолковая жизнь была в этом городе: ни дня, ни ночи. Одни просыпаются, идут в булочную – а там спать легли. Вот такая неразбериха: кто в лес, кто по дрова.

Но каждое утро появлялся мальчик с солнечным лучиком, он бродил по городу и выкрикивал:

– Солнечный лучик! Солнечный лучик!

Люди начали привыкать к нему, а потом и задумываться: «Неспроста в городе появился этот мальчик...» А самые смелые решались заглянуть в его глаза.

Никто и не скажет теперь, кто первым назвал его Солнечным мальчиком. Больше того, люди стали просыпаться в тот час, когда Солнечный мальчик начинал бродить по городу и выкрикивать, как заклинание, свои слова. Но с некоторых пор жизнь в городе начала налаживаться, люди научились просыпаться в один и тот же час.

И вот молва о Солнечном мальчике дошла до самого Царя. Царь был злым человеком, а как услышал о мальчике, который научил город просыпаться в один час, совсем

рассвирепел. И решил, чтобы другим было неповадно, раз- делаться с ним, и не тайком – в комнате пыток, а принарод- но, чтобы люди не забывали, что такое страх.

И когда мальчик вышел на городскую площадь, где всегда было много народа, его вдруг окружили всадники на крупных храпящих лошадях, охранники Царя, а потом появился сам Царь. Он сидел на троне, и четыре здоровен- ных раба тащили этот трон на своих плечах. Трон опустили на землю, и Царь уставился на мальчика злыми глазами. Люди столпились вокруг, перешёптывались, с тревогой на- блюдая за Царём и Солнечным мальчиком.

– Что в твоём коробе? – грозно спросил Царь.

– Солнечный лучик, – ответил мальчик.

Он произнёс эти слова так твёрдо и уверенно, что люди впервые не усомнились в них.

Царь встал.

– Открой, – приказал он, посмотрел мальчику в глаза и расхохотался. – Кто лгал мне, что этот щенок обладает чу- десными глазами! Вот я смотрю в его глаза и ничего не вижу.

– Верно, – ответил мальчик, – ничто не может отра- зиться даже в зеркале.

Люди рассмеялись.

– Молчать! – гаркнул Царь и замахнулся на мальчика, чтобы ударить его плёткой.

Волна недовольства прокатилась по толпе. Люди зашу- мели, а кто-то даже крикнул:

– Не тронь мальчика! Он не сделал ничего дурного!

– Что?! Бунт?! – заорал Царь на людей, а стражники выставили острые копья. – Бунт не потерплю! И этого щен- ка не потерплю! – ещё неистовее заорал Царь и пнул по коробу.

Короб упал с тележки, и крышка отлетела в сторону. Будто что-то вспыхнуло, ударившись о стенки короба, а мож- ет, это всем просто показалось, но яркий свет взметнулся вверх, и верхушки деревьев и верхние этажи домов вдруг осветились первыми лучами восходящего солнца. Вся пло-

щадь ликовала: в город вернулось солнце! А когда первый восторг прошёл, все заметили, что Солнечного мальчика нигде нет, и Царя среди людей тоже нет...

Где теперь Солнечный мальчик, никто не знает. Может быть, он в вашем городе? Может быть, над вашим городом тоже давно нет солнца, но вы об этом не знаете, потому что не помните, какое оно, это солнце? Тогда слушайте, слушайте внимательно, и вы обязательно услышите: «Солнечный лучик! Солнечный лучик»!

Тайна

Когда человек долго находится в темноте, он привыкает к ней. А если человек родился в темноте и никогда не видел света, то он никогда не будет искать его. Он будет привычно жевать найденную в темноте пищу и думать, что у него хорошая жизнь.

Над нашей страной давно не светит солнце. Мы разучились видеть, привыкли к серости жизни и думаем, что маленькие радости – пища и развлечения – смысл нашей жизни. А наши дети никогда не видели солнца и не понимают, что это такое и зачем оно. Они не знают, что все люди могут жить одними интересами, как огромная семья. Они и представить себе не могут, что миллионы наших родных соотечественников способны были отдать, и отдавали, свою жизнь за будущее счастье своей Родины. Наши дети не понимают, что мы все – братья и сёстры. Что у нас одна страна, как одна судьба. И что не бывает «моя хата с краю». И если что-то случилось, то обязательно появится добрый человек, и ты узнаешь, что мир не без добрых людей.

Я знаю, что так было ещё совсем недавно, я надеюсь, что это ещё так, я мечтаю, что так будет всегда. «Пусть всегда будет солнце!» – нынче дети не знают эту песню, но, может быть, они сочинят песню ещё лучше этой и споют красивее, чем пели мы? Но кто же научит их сочинять красивую му-

зыку и слагать честные слова? Только мы – те, кто видел настоящее солнце.

...Я живу как все, кругом серость бытия, и я делаю вид, что меня уже ничто не тревожит... Только, наверное, икона... икона Пресвятой Богородицы с Младенцем на руках – маленькое солнце на стене, и молитва жены, доносящаяся из соседней комнаты, как слова мальчика: «Солнечный лучик! Солнечный лучик»!

P.S. Нельзя жить без мечты! И только тот, у кого есть мечта, способен вести за собою людей не ради своих корыстных усилий, а просто как солнце, освещая дорогу в будущее. Солнечный мальчик и есть мечта народа о личном счастье, а такая мечта всегда сопровождается большой завистью тех, кто ненавидит мечту и желает её казнить и растоптать. Солнечный лучик, даже очень-очень маленький, гораздо сильнее самой густой тьмы, потому что там, где появляется свет, исчезает тьма!

**Как молоды
мы были...**

ДЕЗОДОРАНТ

Георгий Иванович, царство ему небесное, был человеком харáктерным, и правильно будет, если я прежде упомяну о его незаурядных способностях. Семнадцать лет он отработал заместителем председателя райисполкома, в его ведении находились девятнадцать отделов, комиссий и различных ведомств. Сколько раз мы посмеивались над ним – мол, «прозаседавшийся». А оценить по достоинству его терпение, незлобивость, мудрый житейский подход, желание помочь всякому, порою и недостойному, – это смогли только после его смерти. Так уж повелось у нас, спохватываемся, да поздно.

А видом он был типичный бюрократ, каких высмеивали карикатуры того, ещё советского времени: полный, с брюшком, неповоротливый, пенсионного возраста, в роговых очках, в курточке-безрукавке (такие были в моде у главных бухгалтеров), зимой – в валенках, даже в том случае, когда весь день он не выходил из кабинета. Воевал, имел награды за мужество, поговаривали, по молодости пивал изрядно, но главное, чего не смог изжить в себе даже в преклонном возрасте, – это удивительную любовь к женщинам. Не показную, не страстную, а врождённую, то была его мужская сущность, природа, он не мог этого скрыть, просто был не в состоянии. Всякий раз во время совещания, покончив с вопросом, отпуская служащую из своего большого кабинета, он замолкал на полуслове, приспуская очки на нос и пристально разглядывал уходящую, пока за той не закрывалась дверь: оценивал ли, любовался ли – все эмоции читались на его лице без перевода, – а после как ни в чём не бывало продолжал заседание с вопроса: «Так, на чём мы остановились?» Но память у него была отменная, он ничего не забывал, а нарочитая забывчивость – не бо-

Зыков – человек кроткий, исполнительный и молчаливый, систематически подвергавшийся допросам жены Георгия Ивановича, но ни разу не выдавший, где были и у кого ночевали, и почему задержались в командировке.

Я широко растворил дверку машины и приказал:

– Зыков! Выходи, травля тараканов! – И пару раз пшикнул в салон дезодорантом.

Зыков как ошпаренный сиганул вон и завопил, что тараканов в машине сроду не бывало. На что я резонно ответил:

– Зыков, я человек подневольный, приказ есть приказ. К машине не подходи, неровён час, отравись ещё... – И пошёл в исполком.

Мне понравился розыгрыш, захотелось повторить. Исполкомовцы, только что собиравшиеся с послеобеденной ленцой в своих кабинетах, будто специально ждали моего прихода. Я зашёл, как теперь помню, в собес и сообщил о санитарно-профилактических мероприятиях, то есть повсеместной травле тараканов, поругал народ за антисанитарное состояние служебного помещения, а после, подражая шефу, сказал, что высший исполнительный орган превратили в забегаловку: в столах крошки, «понимашь ли», остатки пищи – словом, бардак. После «протравил тараканов» и сообщил, что отравы новая, опасна для человека и сделана на урановом заводе под кодовым названием «Сибур». Черт дёрнул это сказать, так бы принюхались, и всё обошлось бы.

Через час позвонила Маринка, секретарша из приёмной, и прошептала, что шеф злой и почему-то вызывает меня. Маринка – симпатичная девчонка, к которой я при случае лез обниматься. Я спустился в приёмную, по ходу ущипнул Маринку и – к Георгию Ивановичу.

О том, что речь началась со слов «Я тебе как отец родной, понимаешь ли...», можно и не говорить. Потому что в тот день все служащие первого этажа после «профилактики новым противотараканьим средством» испугались за своё здо-

ровье и разошлись по домам – честное слово, как в детском саду. И Зыков туда же, машину так и бросил ночевать около райисполкома.

– Ты посмотри, что творишь! – волновался Георгий Иванович. – Парализовал работу районного Совета народных депутатов, понимаешь ли! Слышишь ли? Народных депутатов! Рабочий день – коту под хвост! Иди! Через час заседание комиссии по делам несовершеннолетних!

– Я не в комиссии, Георгий Иванович.

– Уже в комиссии! Иди!

ПРОГУЛЬЩИК

До сих пор остается загадкой, как мы умудрялись жить без сна и отдыха. То провожали Новый год с факельным шествием, то организовывали творческие пикники с чтением собственных «гениальных» произведений, непременно и обязательно – спортивные соревнования, а особенно любили Народный театр – вот где по-настоящему тешили своё самолюбие. И, похвастаюсь, зрительный зал не пустовал.

Как-то по весне, время простудное, я почувствовал недомогание – слабость, температура, – и не пошёл на работу. Телефона дома у меня ещё не было и, понадеявшись, что мое отсутствие не заметят, провалялся в постели. В конце концов, причина серьёзная – заболел.

Утром на следующий день, не успел я войти в кабинет, – телефонный звонок. Первая мысль: кому бы в такую рань? А это Маринка, и понесла скороговоркой: шеф, мол, вчера полдня тебя искал, я скрывала, врала: то там ты, то тут, – а он, как никогда, трындычит – найди, и точка! «А где ты был?» – сама спрашивает. Начал я Маринке про насморк, температуру, но вижу – не верит. Я, сказать честно, загрустил. Что шефу говорить – прогульщик, что ли?

Ждать, когда вызовет, не стал, пошёл сам – пока утро и чтоб не краснеть принародно. Стучу, открываю в два человеческих роста дверь. Шеф по привычке сдвинул очки на нос.

– А, прогульщик, зоходи. – И началось: – Я тебе как отец родной, понимаешь ли, ты же на мое доверие – чёрной неблагодарностью. Вот мы проводили мероприятие, я тебе с транспортом помог? – И умолк, пока я не кивнул головой, и пошло-поехало дальше.

Говорил он очень ладно и всё по делу, и всё больно. А я сижу и думаю: что же ответить, чем оправдаться? Ни одной приличной версии. Про сопли, что ли, рассказывать? Маринка – и та не поверила. Замолчал Георгий Иванович,

ждёт моего объяснения. Я не знаю, может, озарение, а может быть, действительно я в молодости хитёр да изворотлив был, но само вылетело:

– Георгий Иванович, врать не буду, я был у любовницы.

У Георгия Ивановича очки сами сползли на кончик носа, он внимательно рассмотрел меня, переложил какие-то бумаги на столе, откинулся на спинку кресла и говорит:

– Хорошо... Хорошо мы последнее мероприятие провели, н-да, даже вот первый секретарь похвалил. Ну и... хорошо, иди работай, иди. Если что, помогу, конечно, зоходи, почему не помочь.

То, что я вышел удивлённый более, чем сам Георгий Иванович, это понятно, но когда я поднялся в свой кабинет и с жаром и нервной дрожью рассказал всё своему помощнику Сашке Федько, то смеяться начал почему-то громким и нездоровым смехом.

Время бежало вперёд, события наслаивались, как в праздничном пироге: то пожётче, то послаще. И этот случай забылся и канул бы в памяти, как всё, что я уже не могу вспомнить, если бы опять-таки не его величество случай.

То были, кажется, октябрьские праздники, не помню точно. Подобные мероприятия проводились часто: перед 1 Мая, Днём Победы, Международным женским днём, Днём Конституции и так далее. Все они проходили в Доме культуры и традиционно: сначала торжественная часть с докладом, а затем концерт.

Звонок директора Дома культуры застал нас на рабочем месте. Его взволнованный голос сообщил, что запланированный ансамбль песни и пляски из Новосибирска не приедет, а через два часа торжественное собрание, посвящённое знаменательной дате, будет первый секретарь райкома, а культурная часть не обеспечена. И последняя фраза: «Мужики, выручайте! Хотя бы сорок минут программы». Какие пацаны не купились бы на такое обращение? Мы купились, и работа закипела. Сашка Федько составлял программу, то есть пытался вспомнить все номера художественной самодеятельности, какими мы могли бы запол-

нить образовавшуюся брешь. Я обзванивал наш актёрский актив. Через полчаса в Сашкином списке значилось восемь номеров: пантомима – это я, пародии на знаменитых актёров – это он, смешная сценка из нового спектакля – это боевая часть труппы Народного театра, и далее... не помню, но полчаса мы закрывали железно. До торжественной части оставались минуты, до концерта – час. Мы лихорадочно придумывали сценки, репризы – кому что в голову придёт, эдакий мозговой штурм. Вдруг Сашка вскочил:

– Есть! – Он заорал так убедительно, что все сразу кинулись к нему.

– Ты помнишь, – обращается Сашка ко мне, – какую ты лапшу навесил Георгию Ивановичу, когда прогулял?

– Помню, но не прогулял, а заболел.

– Вот и сыграем этот случай. Ты будешь как есть – ты, а я – Георгий Иванович. Имена, конечно, сменим, – заспешил он успокоить, увидев мой протест, – классно будет! Жизненно, злободневно – бой бюрократам! И главное – смешно!

– Ты что, ошалел?!

Но Сашка меня не слышал, а развивал свою бредовую идею, тут же пародируя Георгия Ивановича. Он, кстати, изумительно его передразнивал. Мои возражения никто слушать не хотел. Тогда я впервые познакомился с коллективным эгоизмом. А что может быть со мною после такого выступления? Об этом не подумал даже я и согласился. Слов никто заранее не писал, некогда было, решили импровизировать.

Концерт открыл конференсье Серёжа, инструктор райкома комсомола, эдакий женоподобный, с писклявым голосом дохляк в очках. И слова-то он произносил врасстыжку:

– Пра-аздничный конце-е-ерт открыва-ает хор вете-ранов.

Десятка два старушек и пара старичков очень слаженно спели «Люди мира, на минуту встаньте», после несколько девчонок станцевали русский, затем украинский

народный танец, после конференсье очень манерно прочитал стихотворение к праздничной дате, и всё – программа директора Дома культуры выдохлась. Пришла наша пора. Мы отыграли сцену из спектакля, я – несколько пантомим, Сашка Федько – пародии, которые очень понравились зрителям, и его даже вызвали на бис. Затем мы закрыли занавес, водрузили на сцену стол, на стол положили листки бумаги и поставили графин с водой, посадили Сашку, дали ему чьи-то очки. Вдоль кулис установили ряд стульев – полная имитация кабинета, и шёпот режиссёра: «Занавес».

Сашка вошёл в образ ещё до того момента, когда начали раздвигаться тяжёлые стены бордового занавеса: он поправил очки, покряхтел, переложил на столе несколько бумажек, задумался, написал что-то на одной из них и откинулся на спинку стула. Зал оживился. Во всех Сашкиных движениях уже угадывался Георгий Иванович. В этом и состоял наш расчёт: за семнадцать лет работы замом Георгия Ивановича знал весь район как облупленного.

На сцене появилась девушка – кругленькая девчонка из плясуний, которую загодя ещё упростили поучаствовать в нашей пьеске.

– Можно? – спросила она и, пройдя по сцене нарочито раскованной походкой, положила на стол красную папку. – На подпись, Иван Иванович. – Повернулась и – обратно.

У «Иван Ивановича» очки сползли на кончик носа, и он уставился в кругловыразительную спину уходящей. Эхо аплодисментов застало нашего актёра врасплох, он вздрогнул, но успел поймать слетевшие очки, только на миг как бы вынырнув из образа Георгия Ивановича.

Я, прячась за кулису, разглядел во втором ряду своего начальника, тот смеялся и аплодировал вместе со всеми. Тут я понял, что пришёл конец моей служебной карьере. Но отступать было поздно, и я шагнул на сцену. Волнение, как при прыжке без парашюта.

– Здравсте, – произнес я осевшим голосом, но тут же выправился и повторил: – Здравствуйте, Иван Иваныч.

«Иван Иванович» опять сдвинул очки, разглядел меня, выждал тишину в зале и сказал:

– А, прогульщик, зоходи. Я тебе как отец родной, понимаешь ли...

Зал взревел от восторга. Я надолго остался топтаться на месте, не зная, как заполнить паузу, и Сашка пялился через очки на носу, ждал, когда утихнет зал.

Дальше я не буду рассказывать. После спектакля случайно встретившаяся Маринка оценила нашу дерзость, кинув мне в лицо испуганный упрёк: «Чокнутый». И тогда я решил: никогда не буду иметь любовницу. Маринка у меня всегда почему-то ассоциировалась только с ролью любовницы.

После праздников с трусливым настроением я пошёл к Георгию Ивановичу. Как всегда, пораньше утром. Принял он меня с привычным радушием:

– Зоходи, зоходи, октёр. Вы, конечно, выручили этого проходимца, выручили. Ну что же, хорошо, народу понравилось ваше выступление. Первый секретарь до слёз хохотал – хорошо. Вот и Фёдко, смотри, молод, а тоже активен: и в спорте, и в культуре, и помощник твой. Хорошо. Такие люди нам нужны. Он член партии?

– Да, – отвечаю, а сам думаю: всё – тушите свет и поливайте веники, меня – пинком под зад, а Сашку на моё место. И мне наказание, и ему урок на будущее, чтобы поскромнее был.

– Вот, он и член партии, таких людей поддерживать надо, продвигать.

И замолчал.

– Я пойду. – И я робко шагнул к дверям.

– Зачем же?

– Что зачем? – не понял я и почувствовал холод.

– Ну, зачем же мы тогда, а? Ну? Если не так-то, то зачем, а? А вот и нужны. Нужны! Чтобы вы лучше нас были. А?

– Мы лучше вас не будем, – совсем струсил я.

– Должен лучше быть! Должен лучше жить! И нам тоже радость. Ну а коль так, то иди, Николай, иди, работай.

ПОЧЁТНАЯ МИССИЯ

Нас, самых молодых работников исполкома, посылали на крышу менять государственный флаг. В общем отделе мы получали новое алое полотно, ключ от чердака, и – мы безотказный народ – на крышу. Мероприятие достаточно простое, но с долей риска: трёхметровый флагшток был закреплён у самого края фасадного карниза. Как правило, я лазил на мачту, а Сашка Федыко держал меня за брючный ремень. Думаю, если бы я сорвался, он не смог бы меня спасти.

За месяц красное знамя от ветров и дождя становилось серо-белым. Народ начинал шутить: «Власть опять поменялась, белые в городе». Повинность – не повинность, но нас она не раздражала, с крыши был виден весь наш райцентр с тополиными улицами, станцией и большим прудом, прозванным некрасивым словом «водокачка».

Та памятная смена флага была посвящена грядущим майским праздникам. Погода стояла солнечная, тёплая, тополь набирал лист, усеяв всю округу липкими гусеницами шелухи. Мы получили новое знамя и пошли выполнять неписаную повинность. Навстречу – Седов, начальник ГО (была в исполкоме и такая должность – начальник гражданской обороны). Раз в три месяца все службы города играли в его игру: бегали с противогазами, укрывались в подвалах, таскали друг дружку на носилках – учения на случай атомной войны. Противогазы болтались на боку, подмигивая световыми бликами страшных глазищ, рядом пустые мешочки для угольного фильтра, который давно растащили самогонщики. Говорили, что лучшего очистителя для сивухи не найти. В эти дни начальника гражданской обороны Седова было не узнать. В обычной жизни – сухонький, длинненький, трусивший начальства, неразговорчивый и зачастую пребывавший под хмельком, он вдруг преобра-

жался: ладно подогнанная офицерская форма омолаживала его, появлялась упругость в походке, он чётко отдавал приказы, и, к нашему удивлению, на его погонах сверкали майорские звёзды. И начальство наше не отставало, даже председатель исполкома надевал гимнастёрку; и, помимо противогаза, на его боку болталась коричневая кожаная планшетка. Маринка завораживала своими формами, обтянутыми гимнастёркой и плотной юбкой. Она становилась такой очаровашкой, что за ней хотелось бежать в атаку или, на худой конец, лежать на её коленях с простреленной головой и ожидать, когда она, заботливо склонившись над тобой, упрётся в тебя своим удивительно упругим бюстом и начнёт делать перевязку.

И вот, когда мы с Сашкой шли менять флаг, нам на встречу спускался Седов. Сашка вдруг жестом остановил начальника гражданской обороны:

– Седов, мы за тобой.

– А что такое? – насторожился немного туговатый на ухо, но очень исполнительный Седов.

– Георгий Иванович сказал, что ты удостоен чести водрузить флаг СССР над зданием райисполкома.

Убедительный тон моего друга и мина обиженности, которую я успел скорчить, – мол, не нам, а ему такая честь, – остановили не очень доверчивого Седова.

– Мне некогда, Меркулов вызвал к себе.

– По этому поводу и вызвал, но тебя разве дождёшься.

– Да я только трубку положил, и минуты не прошло...

– Короче, Седов, нас послали на подстраховку, будешь ломаться – вот тебе флаг, и вешай сам.

– Может, и не звезданёшься с четвёртого этажа. А у нас и без тебя дел по горло. Тебе честь, вот и оправдывай доверие, – раздражённо добавил я и уже повернулся уходить.

– Ладно... – Он выхватил флаг из моих рук и первым зашагал к чердаку.

Седов кряхтел, выполняя почётную миссию, я держал его за штаны, Сашка – меня за куртку. Работа шла полным

ходом: взгромоздившись на тонкую мачту, напрягая все силы, пятидесятилетний Седов цеплял флаг, только изредка с опаской зыря на проходивших внизу людей.

Удивительная пора – сибирский апрель. Выметенный после ленинского субботника город завораживал непривычной чистотой; побеленные снизу стволы тополей, как солдаты в праздничной форме; солнце, вымытое снегами и метелями, припекало наши затылки; светло-зелёная тополиная листва, так неожиданно сменившая белое однообразие сугробов, наполняла томным ароматом лёгкий, чуть ощутимый воздух.

– Слышь, Седов, – прервал мои восторженные наблюдения Сашка, – представляешь, ты сейчас срываешься и летишь вниз как раз мимо окон Меркулова. Как ты думаешь, что он подумает?

Седов схватился обеими руками за флагшток и настоженно уставился на нас.

– Чево это?

– А того, – продолжил Сашка, – удивится Георгий Иванович и скажет: «О, Седов пролетел! И чего это он на крыше делал? А я его дождаться не могу. Нехорошо».

Седов медленно съехал по мачте вниз, а флаг рванулся, будто вдохнул свежего воздуха, и гордо расправил алое крыло над тёплым городком.

Седов был стар и догнать нас не смог.

ЧЕРЕЗ ПОВЕШЕНИЕ

Крыша! Не знаю, как в вашей жизни, но в моей о крыше можно написать целую главу, а может, даже книгу. На крышах я провёл часть беспокойного детства и всю юность. После детских лазаний по высотным домам, где сроду люки без замков, кидания вниз по прохожим снежками, трусливыми испытаниями на краю, когда сердечко выскакивало из тщедушной ещё груди, когда взор опускался под самые ноги на холодную и манящую землю, потом была серьёзная юность: очистка крыш от сырого и липкого снега, пушечно бухающего внизу о толстый, уплотнённый тысячами ног снежный наст, с обвалами разбухших гигантских комьев, завораживающе медленно переворачивающихся в полёте; с первыми заработками, собственными карманными деньгами, мамкиным борщом, принятым на столе неторопливо, по-хозяйски, удовлетворённо.

А после, когда все младшие школьники пинали мяч в пыльных дворах или томились на линейках в пионерских лагерях, мы, сухожильные подростки, готовились к экзаменам: распластав свои щупловатые тела на горячей крыше, загорали, дремали, прикрыв головы разинутыми учебниками. Рядом девчонки из параллельного класса в купальничках, усиленно не замечающие нас, такие тонкие, будто веточки в окне, с прыщиками под сморщенными лифчиками. Но сколько в них было совершенно замечательной заносчивости и выразительной надменности! О, эта юность!

Мы с Сашкой после очередной смены флага не спешили покинуть исполкомовскую крышу, бродили, разглядывая расцветающую округу, сизые жидкие огородные костры, бегающих по спортивной площадке школьников, далёкий тёмно-синий бор за водокачкой.

— Слышь, Саныч, — позвал Сашка.

Он всегда так обращался ко мне, как бы по-свойски и в то же время уважительно. Я был старше на три года и занимал более высокий служебный пост.

– Слышь, Саныч! Смотри, Ленина повесили!

Я кинулся к Сашке. Действительно, около райисполкома натужно работал кран, а на пудовом крюке мерно покачивался памятник Владимиру Ильичу Ленину. На голову памятника был накинута обычный картофельный мешок, трос удавкой зажал шею Ильича. Когда я подошёл к Сашке, то увидел, скажем прямо, жутковатую картину: на комхозовских рабочих орал инструктор райкома партии Сафонов, он-то и остановил процесс перестановки памятника. Сафонов ругался очень громко. Он вцепился в ноги Ильича, чтобы того не так сильно мотало, и хрипел:

– Опускай! Твою... свою!..

Не менее рассвирепевший крановщик наполовину высунулся из кабины и в свою очередь орал инструктору:

– Уйди! Твою... свою!.. Не лезь! Придавит!

Но тот не отпускал ног вождя, пока памятник не положили на землю. Сафонов самолично, обдирая руки в кровь, ослабил металлическую удавку и сорвал пыльный мешок.

Дальше было неинтересно: инструктор продолжал орать на крановщика, тот на инструктора, потом крановщик плюнул под ноги инструктору и сказал:

– Да пошли вы все!..

Вообще-то эта история началась ещё зимой, когда наш городок посетил большой чиновник. Памятник стоял спиной к скверу в привычной для ленинских памятников позе: правая рука вытянута вперёд, левая вниз, чуть в сторону, с зажатой в кулаке кепкой. За несколько десятилетий наш городок сильно изменился: благоустроивались дома и улицы, проезжую часть выравнивали, засыпали щебнем, потом асфальтировали; асфальт, правда, вскоре вспучился, и его обновили, положив сверху новый слой. Короче, уровень окружающей Ильича почвы поднялся, и памятник оказался как бы в лунке. Жители городка этого не замечали, види-

мо, пригляделись, а Гость, проходя мимо, узрел безобразие и гневно изрёк:

– Это вы что, Ленина по пояс закопали?

Конфуз вышел изрядный, поскольку наши чиновники только теперь вдруг увидели очевидное: Ленин издали казался как бы по пояс в земле. Районная челядь отпрянула назад. Остались трое: Гость и два наших руководителя района – партийный и советский. Что им говорил Гость – никто не знает, но когда тот замолчал, наши как-то враз спохватились и заверили, что недогляд исправят, денег и достойных мастеров найдут.

Но приступить к работам смогли только весной, когда земля оттаяла. За неделю были подготовлены и площадка, и новый высокий постамент. К майским праздникам и спешили горкомхозовские мужи переставить памятник Ленину. Да подцепить его не получалось. Сначала пробовали за пояс – переворачивается, за грудь – руку отломить можно, вот и надумали: мешок на голову, чтобы не повредить, а удавочку – чтоб не сорвался. Не будь Сафонова, никто бы и не заметил, как переносили, ведь не замечали, когда памятник по пояс в земле стоял.

Мы топтались на крыше, Ленин лежал посреди дороги с вытянутой к небу рукой, вокруг собралась толпа зевак. Измученный Сафонов метался тут же, около Ильича.

– Ну что, пойдём работать, – позвал я Сашку, – из окна досмотришь.

Но когда мы выглянули из окна своего кабинета, перед нами предстала иная картина: Ленин стоял на дороге, а двое рабочих поддерживали его, чтобы не упал. Топтались мужики неуклюже, но скоро привыкли к своей роли, опёрлись на памятник с двух сторон и закурили.

Сашка, не отходивший от окна, объявил:

– Глянь, на троих соображают.

Часы текли, караул у памятника меняли, никаких новых событий в тот день больше не произошло. Утром, к нашему удивлению, памятник стоял на новом постаменте,

женщина в спецовке докрашивала его бронзовой краской. Через несколько дней, как великую тайну, мы узнали, что ночью, с благословения ответственного лица, всё-таки решили установить памятник прежде придуманным способом, только без мешка на голове.

Утром я увидел Георгия Ивановича. Он стоял у памятника и вдруг поманил меня к себе.

– Вот, – не поздоровавшись, заговорил он, заложив руки за спину, – вот, мы не видели, а приехал, понимаешь ли, первый секретарь обкома и узрел. Вот как! Хорошо. Хорошо стоит. Высоко!

Георгий Иванович уверенно развернулся и зашагал к исполкому.

Я остался один, обошёл памятник и, взглядываясь в лицо Ильича, произвольно повторил:

– Хорошо. Хорошо стоит. Высоко!

Памятник и теперь цел и невредим и, думаю, простоят ещё долгие годы. Дай Бог нам столько прожить.

БАННЫЙ ДЕНЬ ИЛЬИЧА

Спамятником Ленину у меня связано ещё одно воспоминание. Шефство над ним осуществлял не горкомхоз, как теперь, а комсомол, и главной заботой было содержание памятника. Голуби, они и в Африке голуби, не щадят ни прохожих, ни памятников.

Таня Афонская, заведующая школьным отделом, персонально отвечала за чистоту и порядок, она организовывала школьников, и раз в неделю, по средам, у Ильича, как мы говорили, был «банный день». Школьники мели площадку, рвали на клумбе сорняки, поливали, отмывали мраморный постамент, но самого Ильича детям поручить было нельзя: опасно, высота не позволяла. И если бы не забота о памятнике, думаю, тридцатилетнюю Афонскую давно бы перевели работать в Дом пионеров, но кому охота каждую среду лазить по зыбкой лестнице и, рискуя свалиться, ползать вокруг Ленина с тряпкой и ведром в руке.

Мы любили среду. Завидев Афонскую, мы растворяли окно кабинета и свешивались с подоконника. Таня начинала мыть рационально – сверху вниз. Особенно трудно ей давалась испачканная голова памятника. Она долго поливала её мыльной водой и тёрла тряпкой.

– Да чистая уже, – подсказывал я, поскольку ей, тянувшейся до макушки головы, приходилось вставать на цыпочки.

Таня, так и не привыкшая к нашему присутствию, молчала, но мы догадывались, что она нас тихо ненавидела. Всю жизнь Афонская провозилась со школьниками, замуж не вышла и, как поговаривали злые языки, осталась девственницей. В тридцать лет это, конечно, уже неприлично.

– Что ты пристала к голове? – торопил её Сашка. – Это же Ленин, он лысым был, а ты его как Есенина мылишь! Вот если бы здесь Серёга стоял, тебе бы не хозяйственное мыло выдавали, а шампунь.

– А ей шампунь и выдают, – подключался я, – но она его себе тырит, а Ленина хозяйственным драит. А между прочим, Тань, от хозяйственного мыла у Ильича могут последние волосы выпасть.

– Нет, Саньч, она по неопытности, думает, что там эрогенные зоны находятся.

– Какие зоны? – переспрашивал я.

– Э-ро-генные, – с удовольствием повторял Сашка, – потом расскажу, что это такое, при Таньке нельзя, она ещё маленькая.

Издевательства сыпались из нашего окна всё время, пока Афонская мыла, медленно перемещаясь с одного участка памятника на другой.

– Спинку потщательнее, с пристрастием, пожалуйста, – просил Сашка.

– Откуда ей знать удовольствие, когда спину трут? – рассуждал я.

– Слышь, Саньч, так ты пригласи Таньку в баньку да попарь как следует, спинку потри, примером, так сказать, поучи, а то и впрямь Ленину от этой халтуры никакого удовольствия.

– Слышь, Таня, в баню со мной пойдёшь?

– Нет, не пойдёт, – перебивал Сашка, – смотри, что делает! Ты мужика-то зазря не тревожь.

– У Ленина дети были? – громко спрашивал я Сашку.

– Нет.

– Будут. Он что, не мужик, что ли?

Таня жаловалась, меня и Сашку вызывали, пытались стыдить, но нас, баламутов, голыми руками взять было просто невозможно. Но управу таки нашли: нас вызвали в райком комсомола. И сразу на бюро, где объявили, что совместным решением бюро райкома партии и райкома комсомола забота о памятнике возлагается на меня и Федько, так сказать, на прочный сплав – комсомольца и коммуниста. Мы стояли на коленях и умоляли не отбирать хлеб у Афонской, и клялись, что отныне и навек рот наш на замке. Смирили нас, и правильно сделали, но Танька Афонская так старой девой и осталась. Не из-за нас ли, дураков?

СТАДИОН

«Быстрее, выше, сильнее!» – кто не знает этого девиза? Мне вообще иногда кажется, что по этому принципу жила тогда вся наша страна.

Помните: «Догнать и перегнать загнивающий Запад!» И догоняли и перегоняли, только они об этом не знали. Но это и неважно. У них не было нашего энтузиазма и желания жить! У них вся жизнь сводилась, да и теперь сводится к формуле «дебета-кредита». Мне, положи руку на сердце, даже жаль этих «заштатников». Ну что они видят в жизни? Деньги, машины, путешествия, виллы и страх всего этого лишиться. Всё это чушь, ради которой не стоит и жизнь портить. Кто из них, богатеньких, корпел по ночам над стенгазетой к 8 Марта? Кто рвал жилы на районных соревнованиях, и не за баксы, а за честь своего производства, кто выскабливал до арматурных жил бетонную площадку перед райисполкомом в день ленинского субботника, когда музыка на всю катушку, когда бабы, раскрасневшиеся, на подоконниках трут тряпками окна, слепя нас розовыми надколенками и очаровательными улыбками, а мы скоблим метёлками бетон, предвкушая шумное застолье, кроткий быстрый взгляд карих глаз, нестройную песню и нежный, пугливый поцелуй на тёмной лестничной площадке.

Не нужен мне берег турецкий,
И Африка мне не нужна!

Не нужен. Потому что нет у них нашей широты, наших праздников во всю ивановскую, наших застолий до подзастолья, наших драк, когда кому-то из гостей что-то показалось неправильным; нет у них, закордонных, и нашей

всеобщей любви к ближнему, и всепрощения во хмелю и просто так.

Эх, яблочко, да на тарелочке!

Наша жизнь – это настоящая жизнь, как старт и финиш, каждый день – быстрее, каждый день – сильнее, каждый день – выше! Выше! Ещё выше-е-е!!!

Так получилось, что наш городок имел и библиотеку, и Дворец культуры, и центральный рынок, но не было стадиона. Райком комсомола только вздыхал под нашим справедливым натиском, партийные и советские органы не реагировали даже на публикацию в местной газете. Правда, заметка, которую мы подготовили, была существенно отредактирована. Мы писали её, эту заметку, как запорожцы писали турецкому султану, – с азартом. А когда ожидаемая газета вышла, то мы с трудом узнали в обглоданном тексте своё справедливое и эмоционально насыщенное письмо. Ответа от властей – никакого. И тогда мы решили провести спартакиаду, посвящённую Герою Социалистического Труда из нашего района. Мы понимали, что его авторитет, членство в областном Совете, участие в партийном съезде и прочие достоинства помогут расшевелить власть предрезающих. Мы – в райком комсомола, комсомол посоветовался с райкомом партии, и, одобрив идею, нам предложили инициативу отложить до следующего года. Но нас, дошлых, на мякине провести было невозможно, мы сами создали оргкомитет и дали объявление в газете. Редактор, человек интеллигентный, скромный, похожий на учителя из прошлых лет, и представить себе не мог, что мы проводим районное мероприятие по собственной инициативе, – дал такое объявление, причём места не пожалел, и мы, скупив потом часть тиража в киосках, развесили это объявление по райцентру как афишу.

В райкоме комсомола была истерика, Сашку пообещали исключить, а на меня вообще рукой махнули и даже

ничего не пообещали. Но после короткого переполоха пришлось комсомолатам собирать и экстренное бюро, и создавать не оргкомитет, как мы предложили, а штаб! Вот так, ни больше ни меньше, а настоящий, чуть ли не фронтовой, благо не подпольный, штаб. Конечно, акценты они тут же сместили, теперь инициатива в проведении спартакиады была безвозмездно отдана комсомолу. Мы согласились: главное – построить стадион.

Как все наивные молодые люди, мы не подумали о сущем пустяке: стадион за неделю и даже за месяц не построить. Поэтому штаб принял компромиссное решение – строить временное сооружение: беговую дорожку, футбольное поле и ряд лавок вдоль финишной прямой вместо трибун. Но, как говорят в народе, нет ничего постоянного, чем временно сделанное. Прошло много лет, а тот стадион до сих пор жив, правда, одуванчикам вольготно на футбольном поле, но это уже другая история.

Нашу инициативу не очень громко, видимо, из осторожности, принял бесслесный заместитель председателя райисполкома Георгий Иванович Меркулов. Если бы не он, комсомольский штаб завалил бы строительство даже этого временного сооружения.

Всем руководителям предприятий города были выделены участки работы: кому площадку планировать, кому дорожку асфальтировать, кому трибуны делать, и ещё многое другое: и флаги, и ворота, и изгородь, чтобы коровы из крайних домов не заминировали всё футбольное поле. Но у любого руководителя предприятия своих забот, как говорят, полон рот, и утверждённый график начал ломаться с первого же дня.

Мы кинулись сигнализировать в райком комсомола, райком партии, пытались сами увещевать руководителей; наспех собранный механизм-штаб рычал, урчал, но дело не двигалось. И, уморившись, обратились, как к последней инстанции, к Меркулову: мол, выручайте, или нашей идее кранты и не видать нам стадиона.

Георгий Иванович слушал нас внимательно, посапывая и глухо откашливаясь, а после продолжительной паузы сказал:

– Ладно, поехали.

Мы забрались вдвоём с Сашкой Федько на заднее сиденье уазика, Георгий Иванович по-хозяйски впереди, водитель, соскучившийся по рулю, бойко завёл машину.

– В комхоз, – буркнул Меркулов и, пока лихо мчались в комхоз, ни слова не проронил. Мы прониклись ситуацией: шеф настраивался дать разгону.

Когда заехали на территорию комхоза, Меркулов, полуобернувшись, сказал мне:

– Иди зови начальника сюда. Упирается будет – тащи волоком.

Я с готовностью выскочил из машины и – в контору. В приёмной секретарша, едва завидев меня, сразу же в дыбки:

– Планёрка.

– Срочно начальника! Меркулов ждёт во дворе, меня послал, чтобы побыстрее, ноги у него больные, ходить не может.

Начальник горкомхоза бежал к машине Меркулова впереди меня.

– Садись, – коротко приказал ему Георгий Иванович.

Дверку я закрывал за собою уже на ходу. Начальник сидел, как арестованный, между мною и Сашкой.

– Вот, Гена, – полуобернулся Меркулов, – я ходотайствовал за тебя перед райкомом, чтобы ты стал начальником комхоза, понимаешь, честью своей партийной, можно сказать, рисковал. А ты меня подводишь. Сейчас первый секретарь звонит, интересуется, как строится стадион, а я ему вру: по графику, понимаешь ли. Вру первому секретарю райкома партии, и за кого вру – чтоб твою ж...пу уберечь! Вот смотри: видишь, изгородь новая – это сделал молкомбинат, а вот, смотри, к интернату воду проводят – это железнодорожное депо из своих средств детям помогает.

Мы ехали по городу, а Георгий Иванович, не давая слова вставить начальнику комхоза, зудил и зудил, рас-

сказывая о доблестных и исполнительных руководителях, за каждого из которых в своё время поручался он – член партии с сорок третьего года, и они его не подводят. Час крутились мы по городу, и только после подъехали к поляне, где планировался стадион.

– Вот, Гена, а это тот участок, который был поручен тебе; ничего не сделано, ни ограды, ни дорожек для бега, ни раздевалок для спортсменов, – ничего.

– Я понял, Георгий Иванович! – возопил директор комхоза. – Понял!

– Хорошо, Гена, иди, не подводи меня.

Гена выскочил из машины и споро зашагал прочь.

– Георгий Иванович, может, подвезём? – вступился я за начальника Гену. – Ему шпарить минут сорок до своей конторы.

– Ничего, пусть протрясётся, вон какое брюхо-то отъел, понимаешь ли, а моложе меня лет на двадцать. Поехали! Кто у нас там следующий?

Стадион был построен к сроку.

СВИДАНИЕ

Маринка-секретарша – я не был в неё влюблён, но, как ни крути, она мне нравилась: маленькая, вся ладненькая, с круглым веснушчатым лицом, круглыми голубыми глазами, – ну прямо персидская кошечка, и при этом со строптивым характером. Я как-то увидел Маринку с матерью и подумал, что с возрастом это миниатюрное создание разнесёт, как колобок. Но это будет не скоро, а пока что Маринкина тонкая талия сводила с ума всё молодое поколение райисполкома. Она вся была упруга – и в движениях, и в теле – это я знал из неловких и стеснительно-грубоватых ухаживаний за нею, немного глупа, наивна и совершенно недоступна.

Последнее её качество сильно интриговало нас, молодых. Я пригласил её на свидание. Она пришла к памятнику Ленину в брючном костюме, хотя на улице густилась вечерняя духота, днём температура поднималась до тридцати градусов в тени.

Я подал ей маковый цветок с клумбы у памятника:

– Почему опоздала?

– Шила.

Такой ответ мне показался более чем уважительной причиной.

Пошли мы на танцы (в центральном парке была танцплощадка, где гомонилась вся наша городская молодёжь). Потанцевали немного, я уже наметил аллею, куда можно было свернуть да поцеловаться разок-другой.

Но вижу – Маринка не в себе, нервничает. Я ей мороженое купил – думал, от жары девка закипает, – потом содовой, а она вообще озлилась: зачем, говорит, мне вода.

Побрёл я с нею по аллее, но чувствую – что-то не так.

Соловьём заливаюсь, а она всё по сторонам косит. Не выдержал я и спрашиваю:

– Ты кого-то ждёшь?

– Нет, – отвечает, и вдруг зло, будто я во всём виноват: – Я писать хочу!

– Так вон туалет, сходи, – запросто отвечаю, – дело житейское.

– Да не могу я, – зашипела Маринка. – Брюки я зашила!

– Зачем зашила-то?

– А чтобы ты не стащил их!

– Да у меня свои есть, – отвечаю и тут понимаю, в чём дело.

– Знаю я тебя, ухаря, – сказала Маринка, очевидно, повторяя чьи-то слова, часто заморгала и уже со слезою прошептала: – Меня спасать надо.

Бежали мы с Маринкой молодой прытью до самого её дома и, конечно, расстались, не простившись. Я остался ждать у калитки, но она больше не вышла: наверно, бежать нужно было чуточку быстрее или зашила штаны на совесть – распороть не успела.

На следующий день на работе мы встретились, и как будто никакого свидания не было. Впрочем, я сильно и не страдал.

Прихожу на работу и говорю Сашке Федько:

– Зови к нам Маринку.

– Не пойдёт.

– Меркулова сегодня нет, он в области, зови.

– Да не пойдёт она. Что, Маринку не знаешь?

– Саня, ты меня удивляешь, грех зарывать свой талант пародиста, – настаиваю я. – Вызови её голосом Георгия Ивановича. Скажи, мол, приехал, да вот к ребятам зашёл. Пусть пару стаканчиков чая принесёт.

Сашку уговаривать не нужно было, розыгрыши он любил и тут же крутанул диск телефона:

– Мо-о-орина, у-здравствуй, – запел он голосом Георгия Ивановича, – я приехал... Да, устал, вот к ребятам тут

зашёл. Принеси-ка, понимаешь ли, два стаканчика чаю. Да-да, на четвёртый этаж. – Сашка положил трубку и кивнул мне. – Жди, сейчас будет.

Марина сказала всё, что о нас думала, но чаю мы всё-таки выпили.

И Сашка сказал ей голосом Георгия Ивановича:

– Морина, ну, кроме умной груди, надо и голову иметь, а то и ноги не помогут, и ничто не поможет!

МЕДВЕЖАТНИК

Я влюбился! Я не мог не влюбиться! До сих пор с содроганием думаю, что ведь я мог и не зайти в тот день в райфо...

Я примчался в финотдел с только что подписанным приказом о дополнительном финансировании нашего отдела и, сражённый, замер у дверей: юное создание сидело за столом и листало бухгалтерские простыни-отчёты. Её карие глаза обожгли меня, сразили, испепелили, загниготизировали, ввели в кому, остолбенение! Нужно было видеть эти глаза, чтобы понять моё состояние! А влажные губки, окаймляющие чуть приоткрытый ротик! А волнистые тёмно-каштановые пряди волос, аккуратно подобранные у висков; маленькое, будто из бело-розового мрамора ушко с золотой капелькой скромной серёжки; ясный, серьёзный, задумчивый взгляд, какой бывает только у девчонок романтических и неискушённых. Я не мог не умереть на пороге финотдела! И я умер! Умер и тут же воскрес с огромной любовью до гроба.

— Что? — спросила меня расплывшаяся за огромным двухтумбовым столом главбух финотдела, уставшая пялиться на меня, окаменевшего. — Нам тебя ещё тут не хватает.

Только теперь я заметил, что в углу около огромного сейфа на корточках сидел старенький слесарь-сантехник и собирал в сумку разложенный на полу инструмент.

— А что случилось? — спросил я, не отводя глаз от милого создания за столом.

— Замок заело, так что мы без зарплаты теперь, печать в сейфе, а без печати, да будет тебе известно, банк денег не даёт.

Я играл роль «медвежатника» спокойно, со вкусом, говорил строгим и не терпящим возражения тоном; всё было, как я видел в кино: шпильку в скважину, ухо к холодному животу сейфа и несколько громких раздражённых просьб соблюдать тишину. Женщины финотдела замерли, и мне приятно было понимать, что дивное создание теперь тоже сидит не шелохнувшись и пялится на мой затылок и тренированную спину. Кривлялся я ровно пять минут, потом вставил родной ключ, подтянул открутившийся замок, и – будьте любезны – сейф открыт.

Я давно не испытывал такого уважения, какое было проявлено ко мне в тот день, не слышал столько похвал. Только милое создание скромно молчало, но в её глазах, я заметил это точно, мелькнуло любопытство.

Я деловито затягивал гайки, ремонтируя замок сейфа, и не сводил глаз с девушки.

– Ты кто? С какой планеты?

Она подняла на меня свои восхитительные глаза:

– Человек, – с достоинством ответила она.

– Как тебя зовут?

Девушка внимательно посмотрела на меня. Я почувствовал, как запылало моё лицо, она опустила взгляд и ответила, продолжая листать бумажные простыни:

– Ира.

Сколько было музыки в этом коротком имени!

Главбух нетерпеливо заёрзала, стул под ней нервно закрипел, и вдруг она задала вопрос, которого я, герой дня, не мог ожидать:

– А ты на учёте в милиции состоишь?

– Зачем? – не понял я.

– Все, кто открывают сейфы, должны стоять на учёте в милиции, – убеждённо сказала серьёзная женщина и подняла телефонную трубку.

Кое-как я уболтал её не ставить меня на учёт, я унижался, просил, канючил, говорил, что так делать больше не буду, и уговорил, но доверие потерял на всю оставшуюся

жизнь. С тех пор она опасалась моего появления в отделе, я для этой недоверчивой женщины стал подозрительным типом, она была уверена, что, владея криминальным мастерством, я не мог не пользоваться им.

Но в тот день, даже после унижительных процедур и допросов главбуха, уже на выходе из финотдела я остановился в дверях и настойчиво предложил:

– Ирочка, выходи за меня замуж.

Она смутилась и тоже покраснела. В бухгалтерии наступила тишина.

– А она замужем! – хохотнул кто-то из женщин.

– Нет, – уверенно сказал я, – она не может быть замужем.

– Смотри, какой самонадеянный!

– Нет, – я смотрел на Ирину и, нисколько уже не стесняясь, продолжил: – Самонадеянность здесь ни при чём, если бы она была замужем, я бы уже умер. Это невозможно, это было бы самое большое разочарование в моей жизни.

– И не вздумай, доченька! – уверенно возразила главбух и глянула на меня. – Иди, не мешай работать.

Я вышел, но не ушёл, я замер у дверей до конца рабочего дня. И после много дней дежурил около финотдела, пока бедная, замученная моим вниманием девчонка не дала согласия. Я был так влюблён, я был так настойчив, что теперь мне кажется, будто она согласилась, только чтобы я отвызался от неё.

Нахальство, скажете, второе счастье? Ошибаетесь! В моём случае это первое счастье – и на всю жизнь!

Большая часть мужчин требуют от своих жён достоинств, которых они сами не стоят.

Л. Толстой

ЗВЕЗДОЧЁТ

Помнится, со своей женой мы первые полгода как сипамские близнецы ходили. И вдруг вечером, на излёте столь круглой даты, она меня спросила:

– Почему ты свою одежду около кровати складываешь, а не в шкаф на плечики вешаешь?

– Я так привык, – чистосердечно ответил я.

Она спросила, я ответил и забыл. Не то чтобы недоумения, даже огорчения не показал.

По прошествии некоторого времени она вновь и уже с каким-то нескрываемым раздражением принялась меня пытаться:

– Это что же, – говорит, – так теперь и будешь всегда свою одежду у кровати постирать вместо ковриков?

Даже не сам вредный тон, сколько одно только обстоятельство, что на меня, хозяина и мужа, возможно указывать каверзным пальцем, совершенно лишило меня умиротворённого и присущего мне мудрого расположения духа.

– А ты, – воткнул я ей наострённую булавочку, – всю стиралку своими помазульками и тушами заставила. А ватки, – здесь я вдохнул и дунул уже самым острым перцем, – нарочно в раковину бросаешь! Я забодался их оттуда вязальным крючком выковыривать!

– А, так ты меня попрекаешь! А говорил, что любишь!

Последний и беспомощный довод окончательно взбаламутил мое спокойствие – я был оскорблён глупейшим содержанием спора и совершенно нелогичным выводом.

– При чём здесь наша любовь?! Я тебе рассказываю про ватки в раковине, а не про нашу с тобой любовь.

– Вот она, вся ваша мужская суть!

– Суть – это глагол множественного числа. Он есть. Они суть. – Я был хладнокровен и беспощаден. – А сущность в том, что ватки суть не на своём месте, а полощутся в таком приборе, который им не при-сущ.

– Ты сейчас с кем разговаривал?

– С тобой! И этот наш разговор задевает мою мужскую сущность. Хотя, в сущности, что тебя в ней не устраивает?

– Всё не устраивает!

– А что именно?!

– Я же сказала – всё!

– Ты ничего не сказала, кроме беспредельного раздражения в мою сторону. И желания обидеть меня.

– Нет, это ты меня обидеть хотел!

Далее поезд проследовал без остановок. Многим знаком этот упрямый и шаткий бег и назойливое желание дёрнуть наконец стоп-кран и сойти посередь дороги, и броситься в кусты ли, в канаву, в лес или к придорожному буфету, – куда угодно, лишь бы замереть в одиноком и послушном только тебе покое. И многим, я думаю, хочется ещё раз прокатиться в этом молодом и шумном вагоне, потереться друг об дружку лбами, пожевать кулинарный пирожок, разломанный пополам, запивая его кислым пивом, и ещё раз, как летящие мимо станции, перечислить и оспорить все предназначенные и выдуманные привилегии.

Так мы тешились года два, правда, здравый смысл и подсказанные им привычки примиряли нас к ночи. К этому времени у нас составила довольно-таки подробная табель обоюдоострых недостатков и пороков, оставалось только придать ей беспощадную системность и выучить наизусть с тем, чтобы сойтись уже на окончательной границе и с открытыми забралами.

И тут вмешалась тёща. Она наконец-то решила, что я плохой муж и меня будет не в пример как лучше развести с Ириной не только по разные стороны боя, но и самой линии судьбы. Правда, она не знала, что эта самая линия и без её помощи двоятся и ведёт себя крайне неровно. У нас

просто не было привычки крошить осколками за пределами своей избушки.

И едва лишь на линии нашего всесокрушающего, но суверенного огня появилась вдруг третья сила, имеющая своё мнение и свои интересы, нас это сильно задело и даже заело, причём зажевало сразу обоих и в одном и том же конкретном направлении. И мы объединили не только свои усилия, но и обрушили в её сторону всю накопленную и притёртую к боям огневую мощь. Тёща тоже оказалась не сдобным пряником и подтянула резервы, и нашла даже союзников в лице давно позабытых, но очень заботливых родственников. Нам пришлось отложить до времени свои баталии и защищать свою независимость и право от упрямого и равнодушного мнения несуразного блока, от его сплетен и легенд.

Окончательно же нас сплотило известие о том, что Ирина беременна. И я понял, что я настоящий мужик и скоро смогу стать отцом!

И это был первый вечер, в котором мы оказались вместе, но наедине со своими мыслями: Ирину впечатлял собственный живот, в котором кто-то затаился до времени, меня – собственные и очевидные заслуги. Наши размышления нечаянно привели нас к некоторому соглашению, по правилам которого мы согласились не проводить более дискуссий с повышенной громкостью и таким же эмоциональным напряжением, чтобы не беспокоить более ни ребенка, ни то существо, которое его носит. Я предложил:

– Ира, давай, едва лишь начинаем свару, немедленно расходимся по разным комнатам и считаем до тысячи. А затем уже вновь встречаемся на кухне и продолжаем разговор. Если опять доведётся поругаться, повторяем опыт сызнова, и так – до состояния мира.

– А что будем считать? – немного подумав, Ира задала, в свойственной ей манере, странный и неожиданный вопрос.

Я задумался и, опершись на банальности, предложил:

– Звёзды.

– А днем звёзд не видно.

– Видимость или невидимость не означают отсутствия. Если это непонятно, будем считать и ссориться в тот момент и в том месте, где видимость и присутствие сольются воедино.

– А сейчас ты с кем разговаривал? Ты сам-то понимаешь, о чём говоришь?

– Я понимаю и надеюсь, что скоро мы будем понимать друг друга с полуслова.

Я в молодости был сентиментальным, а потому недалёковидным. Счастливая пора невинных обольщений!

И видимость, и чёрт в ступе и другие потусторонние подробности сошлись в тот же вечер – лоб в лоб и со страшным треском, немедленно организовав беспощадный поединок. Опираясь на условия заключённого пакта, мы с неохотой разошлись по комнатам; я, конечно, не стал считать до тысячи, а постоял минут пять-семь и вернулся на кухню. Вскоре появилась Ира.

– Ты считаешь быстрее меня, – сказала она.

– Ясен перец, у меня же соображалка мужского рода.

– Конечно, ты – мужчина. А вот женщине уступить не можешь.

– Я не в троллейбусе, – ответил я, и мы вновь отправились заниматься арифметикой.

Когда уже в третий раз мы сошлись на кухне и посмотрели друг на друга, то наконец рассмеялись.

– Чему ты смеёшься? – спросил я и обнял жену.

– Я больше не могу считать звёзды, у меня в глазах рябит и язык заплетается, – ответила Ира и положила голову мне на грудь.

– А ты что, считала звёзды?

– Да, а ты?

– Детонька, я давно уже досчитал до одного триллиона семи. А дальше, сказать по правде, немного устал.

– По какой ещё правде? Ты что, не считаешь звёзды?! Ты же врун. Врун! Это же невозможно. Ты же мне на каждом шагу лжёшь. Лжёшь.

– Не лжу. Вот сделай шажок и подойди к окошку, – мирно предложил я. – Видишь вон то пятнышко? Это туманность Андромеды. Там триллион звёздочек. А вон в том ковшике – семь. Итого звёзд мне хватает на девятьсот девяносто девять миллиардов наших ссор, плюс скромный запас на чай и перевязки.

– А, так ты всё-таки меня обманул! – Ира оттолкнула меня. – Так не считают.

– Считают, считают, – подтвердил я. – И ещё я считаю, что никогда не уйду от тебя и тебя не отпущу.

– Почему? – Она вдруг с интересом посмотрела на обозначенную мной туманность.

– Потому что я люблю тебя! И кстати, где я ещё найду столь наивную дурочку?

На другой день я повздыхал, однако развесил свои одёжки на дурацких плечиках, а жена обзавелась какой-то банкой для ваток и спонжиков, которая, сказать по правде, всё время кувыркалась и норовила побить раковину. Но для пресечения этой невинной шалости у меня ещё остался приличный счёт в звёздном банке.

Тайна

Самое время поговорить о семейном мире. Зачастую молодожёны думают, что после свадьбы и далее каждый день у них на столе будет дежурить сладкий торт, облитый шоколадом и украшенный ягодками. Нет, торт необходимо приготовить при пособии труда и терпения, а на шоколад заработать деньги. Нам же хочется сразу в рай, а получается иначе. Через месяц-другой после начала совместной жизни муж замечает, что его жена – дама не только с формами, но и с характером, весьма своенравным и не похожим на асфальт, ведущий к Дому Правительства. Оказывается, у неё есть глаза, которые не только распахиваются или тактично прикрываются, но и способны замечать всякие ехидные колкости, и даже нос, который, помимо запаха одеколони, способен различать и другую, не присущую парфюмерии, вонь.

И стихи, утратив крылатые рифмы, постепенно перебегают в прозу самого скандального и неопрятного свойства и не имеющую в финале никакого ясного и щадящего решения.

После свадебного праздника начинается совместная семейная жизнь, в которой необходимо понять одну простую истину. Это я сейчас говорю «простую истину», а далась она мне не одним годом осадного положения, с редкими диверсионными вылазками на территорию жены.

Если всегда помнить не только о недостатках своей второй половины, но и о своих не забывать, то твоя вторая половинка будет казаться если не ангелом, то человеком исключительно положительным. Всё, как известно, познаётся в сравнении. **Нет человека без греха, но есть жёны и мужья, которые помогают друг другу преодолеть недостаток пониманием, терпением, смирением, а есть жёны и мужья, которые готовы растерзать, унижить, оскорбить тебя за твой порок, нисколько не заботясь о своём несовершенстве.**

Много прошло лет, прежде чем я понял, что у семейного скандала не бывает одной виновной стороны и одной причины, а только одна общая неряшливость, которую необходимо мыть и вытряхивать вдвоём, не прибегая к помощи адвокатов и нечаянных сторонников. **И для меня сделалось очевидным: оказывается, с годами настоящая любовь не выплёскивается вместе с помоями и не стирается въедливой тряпкой, а становится только яснее и подробнее. Для того необходима большая работа над собой и взаимопомощь, взаимовыручка и взаимоподдержка. А как иначе? В одиночку не вытянуть и не сохранить любовь и семью. Для «плоти единой» необходимы общие победы над своею единственностью. И такие победы, которые невозможно и не нужно делить с кем-то ещё, даже с детьми, а только с супругом или супругой. От этой точки начинается путь к счастливой семейной жизни.**

НОСТАЛЬГИЯ

Что-то случилось, что-то сделало с нами время или день-ги, или отсутствие таковых, а может быть, и ни кто-то и ни что-то, а мы сами разучились быть бескорыстными – во всём и со всеми, даже с друзьями и приятелями. Приходят ли к тебе гости, идёшь ли ты к кому-то, а голова, как компьютер, уже выстроила ряд каких-то необходимостей и потребностей. Корысть – тягостная примета моего времени. Как не хочется в это верить, как тяжело об этом думать и сознавать свою причастность к греху. Но всё-таки у меня есть друг, от которого мне ничего не надо и которому мои доходы до лампочки.

Недавно у меня гостил Сашка Федько. Вот природаматушка чудит: мужику сорок лет, а он, как двадцать лет назад, бодр, вихраст, с зарядом непобедимой энергии и надежд на лучшее. И хорошо. Так легче по жизни топать.

Вспоминали с ним нашу молодость, смеялись, пили пиво и парились в бане. Правда, нет-нет, да и тормознётся наша болтовня, когда прозвучит имя человека, которого уже нет. И вдруг обрывается веселье, тоскливо сжимается сердце. «Да, Саньч, – грустно сказал тогда Сашка, – смерть и до нашего поколения подтягивается. Смотришь, а кого-то уже и подсекла косой, так, совсем не по порядку...»

Банька у меня добрая, воздух накалён до звона, пот до пупа добежать не успевает – испаряется, кожа кровью налилась и пятнистыми разводами покрылась, как у кетызубатки. Сидим мы с Сашкой на полкё, притаились – потеем. Вдруг Сашка в смехе затрясся и с полка – вниз.

– Ты что? – спрашиваю.

– А помнишь, как с Меркулова в железнодорожном сортире шапку сняли? Ну, не помнишь? Он как раз с по-

езда, и на горшок, а с него какой-то мужик шапку сдёрнул. Пока штаны натягивал, мужика и след простыл.

– Нет, – чистосердечно признаюсь я, – не помню, хоть убей.

– Так он по этому поводу расширенное заседание сотрудников милиции и добровольных дружин собрал.

Выбрались мы в прохладный предбанник, развалились в креслах, и рассказывает Сашка случай, который я так и не смог вспомнить. Совещание помню, Меркулов злой был, нагоняй получили все: и милиция, и народные дружины, и райком комсомола. На то совещание опоздал изрядно подвыпивший начальник отдела борьбы с хищениями социалистической собственности Сушило. Он единственный среди милиционеров оказался в гражданской одежде. Когда Сушило пробирался по рядам, Меркулов поверх очков исподлобья наблюдал за ним и вдруг зарычал:

– А почему товарищ Сушило без формы?!

Начальник ОБХСС дошёл до свободного места, выдержал паузу, икнул и ответил:

– В засаде был, Георгий Иванович, выполнял ответственное задание.

– А, – многозначительно ответил Меркулов. – Ну тогда мо-о-олодец.

Размякший Сушило сел и тут же уснул.

Вот она, память: совещание помню, а что поводом стала меркуловская шапка – нет.

Много было в нашей жизни и глупого и смешного, но всё равно тепло от воспоминаний, греется душа не на пару, а от присутствия закадычного друга, ностальгии по шибутной молодости, тогда ещё не прихваченной корыстной зрелостью. Теперь мы, конечно, другие, теперь мы настоящие материалисты, теперь мы официанты, смотрим только на карман ближнего. Жаль потерянной наивности, искренности и просто честности. Ну да ладно – не вернёшь.

– Да.. – после долгой паузы, пока пиво пили и каждый о своём думал, вздохнул мой друг. – Помер старик. Жаль.

Будь сейчас Меркулов жив, к нему бы рванули... Что делать, жизнь идёт и смерть не дремлет, трудолюбивая старушка, много знакомого люда скосила за эти годы.

– Не грусти, Сашка, не береги ты душу, лучше вспомни, как дедов выпаривали в городской бане.

Был такой случай, по пятницам в городской бане собиравались истинные знатоки банного кайфа. Дилетанты и помывщики предпочитали другие дни недели. Как занесло меня с Сашкой на этот праздник – вспомнить не могу, но мужики заходили в раздевалку уверенные, все знакомые друг с дружкой, все с вениками, какими можно при желании и голову снести начисто. Мастера угадывались во всём: не спешили раздеваться, курили тут же в раздевалке, ни водки не потребляли, ни пива. Запаривали веники со знанием дела, надолго оставляя их в шайках с кипятком, пока сами грелись на полке. На головах ушанки, на руках верхонки; если не смотреть на их голые тела, то зима в парилке, и только.

А началась заваруха с того, что один из мастеров, выйдя из парилки, отшвырнул добротный ещё веник и, кивнув всем на прощание, покинул банную обитель. Я тут же пригрел этот покинутый хозяином веничек. Он мягок был и не тяжёл, но упруг и ласков, как пуховая подушка. И начали мы с Саней куражиться: то я поддам, то он, кожа трещит, косточки на пальцах плавятся, сердце вот-вот через уши выскочит, а у нас задор, согнали мы, считай, всех мужиков с полка, догнали температуру до таких градусов, что и на нижней ступеньке тошно. Я в конце концов не выдержал и сбежал. Сашка с двумя мужиками остался. Один лет пятидесяти, а второй постарше. Слышу из мойки, хлещутся не на жизнь, а на смерть. То один, то другой голос требует: «Поддай-ка!»

Мужики в мойке на гранитных лавках и мыться забыли. Все в слуху, поняли – там в парилке соревнование, да не на шутку – борьба поколений. Первым старичок сдался, вышел и на руках соратников повис. Из шайки на него

водой плесканули и в раздевалку увели. А из парилки всё та же песня: «Наподдай-ка!» Свихнулся, думаю, парень, сожжёт и руки, и всё прочее, дурачок. Но и не хотелось, чтоб проиграл мой товарищ.

Минут через десять ударило тело о дверь парной, вывалился мужик, бросил веник в угол и, покачиваясь, ушёл. Самолюбие, видно, сильно болело. А из парилки: «Э-эх! У-ух!» – и шлёп да шлёп. Я с минуту подождал ещё да спасти друга кинулся. Залетаю, а полок пуст. Не сразу сообразил под ноги посмотреть: лежит Сашка мой на полу и по стене веником хлещет.

Вытащил я Сашку в предбанник, только шлёпнулись задами на деревянный диванчик, и вот перед нами мужик голый. И говорит этот мужик меркуловским голосом:

– О-о! Так это вы дедов уморили-то?

– Он, – показал я на Сашку, а сам подивился, что собственного начальника не признал.

– Хо-ро-шо, ну зоходи, коль так, посоревнуемся.

Идти пришлось мне, Сашка своё уже доказал. Хлестался я до красных кругов перед глазами, а Меркулов – в своё удовольствие – что ему на свежачка?! Но спустились с полка вместе, вроде ничья...

– Ну, что замолк, старик? – пихнул я Сашку локтем. – Мы-то хоть изредка можем выбираться из своих хламид да поговорить, а Меркулов навеки умолк. Не покричит, не поворчит, помнишь: «Я тебе как отец родной, понимаешь ли». Эх-ма!

– А ну, вставай! – рванулся я.

– Чего это? – поднял на меня Сашка грустные глаза.

– Одевайся! Поехали! Если Меркулову до нас не добраться, то мы-то можем к старику на могилку съездить! Поехали на кладбище, помянем!

– Так мы пиво пили, за рулём-то как? Вдруг гаишник остановит?

– Противно-правильный ты стал, Саня. Мы что, для ментов денег не найдём? Вставай!

Могилу нашли быстро, хороших людей недалеко от сторожки хоронили. Узнал я памятник издалека, железный, как широкий восклицательный знак с никелированной звездочкой в верхнем углу. Подошел я смело, Сашка за мной. Глянул я на помутневшую от непогоды фотку Меркулова, встретился взглядом и дышать перестал, оробел. Отворил скрипучую металлическую калитку, смахнул с маленького столика листву и сучья, разложил на газету закуски и бутылку водки поставил. Сашка топчется за спиной, и то хорошо, рожу мою не видит. А я нет-нет да гляну на памятник, встречу с взглядом на фотке и стыдно становится, будто слышу его голос: «Ну что ж вы, ребята, про меня позабыли, не-хо-ро-шо. Я-то вас как детей любил».

Налил я в стаканы, потеснился, Сашка рядом застыл.

– Земля пухом, Георгий Иванович... – А водка в стакане бултыхается, пальцы холодным языком лижет. Пью эту гадость, по щекам в стакан слёзы скатываются. Ливанул остатки на могилку. – Мы ничего не забыли, Георгий Иванович, суетимся и думаем, что живём. Вы уж простите нас.

Долго мы сидели на могилке, пили и говорили всё о нём, нашем учителе, отце, заступнике. Нет теперь таких мужиков – мудрых сердцем, с неугасающей до последнего дня жизни заботой о людях и о всём необъятном государстве Российском.

– Сашка, – вдруг пришла мне мысль, – а ведь на таких держалась наша страна! Ушли Меркуловы, и рухнула Советская империя.

– Рухнула, – повторил Сашка и опустил кудлатую голову.

Рассказы

деда Арефы

ХРЕБТИНА

В давние времена по приказу царя-батюшки вдоль Московского тракту велено было стать селу Болотнинскому с постоянным двором и почтовой ямщиной. Прихоть сию царскую считаю правильной, потому как спрямляли Московский тракт, который блуждал через Карасёво – Зудово – Большечёрное. Вон каким кругляком ходили-ездили.

А приехали обустроить село Болотнинское купцы томские, ну, не то чтобы худые какие, но и не первой-второй гильдии, а помельче, но тож сноровкой отличные, с глазом острым, желанием великим разбогатеть, а главное – молодые. И приехали на пустое место, потому как особого капитала у них не было. Томские заживевшие купцы первой гильдии ходу не давали, а здесь и льготы, и конкурентов нет – какие конкуренты в чистом поле?

А отчего это царь-батюшка именно в этом месте в карту тыкнул, я расскажу, я догадлив. Вот, смотри и слушай: от Болотной на северо-восток до Томска – 97 вёрст! На юго-восток до Кемерово – 113, а на юго-запад до Новониколаевска, теперешнего Новосибирска – 117! Кумекаешь, что царь-то, он тож немного соображал и в самой середке меж этими величинами селу Болотнинскому и повелел быть, и почту возить да за Московским трактом приглядывать.

Правда, есть одна незадача: Новониколаевска-то ещё не было, это как он догадался-то, что город такой там скоро появится?!

А и не мудрено предвидеть, что такое место, на пересечении Оби и Транссиба, пустовать долго не будет... Да ещё и имечко подходяще найдут! Тамошние, новониколаевские купцы тож умели маслить-угодничать, вот в честь Николая-царя город и прозвали.

Шутки это я шучу, решение было – спрямить Московский тракт, а на этом спрямлении построить новые села, и на расстоянии от 25 до 40 вёрст друг от друга, как раз дневной рацион лошадиный – пробежной. От Ояшу до Болотного сколь вёрст? Правильно, 45 и будет. То-то. А если далее глянуть, до Мошково и Сокура, то совсем прозреешь и поймёшь расчёт государев. И помни, это ты щас по асфальту катисся, а в те времена на каждой пумпочке подсакивал-подпрыгивал, в каждом ложке лошадь вместе с грузом из грязи тягал.

Однако ещё одна закавыка имеется, Болотное – это перекрёсток двух дорог великих: Московского тракту и дороги от Томска до самого Барнаула. То, что Барнаул – это аул, в котором, видно, баранов много водилось, а если бы не бараны, то зачем его так беспощадно называть. Вот и у нас болото великое, оттого и мы все болотнинцы, тоже как-то не ахти – тиной потягиват.

В те времена Московский тракт строили все: и казённые люди, и наёмные, и по обязательству от каждой деревни несколько мужиков по месяцу обязаны были и мосты строить, и гати мостить, и ямы ровнять. А для того заманивала канцелярия в Сибирь народец со всех пределов Российской империи, чтобы селились вдоль тракту, обживали его. Не хватало народу-то! Кто ж в Сибирь по своей воле поедет? Только тот, кому на родине не в милость, земли ли нет, отчего голодно, али по какой другой нужде...

Вот почему к добровольным переселенцам ещё, почитай, миллион ссыльных пригнали, почитай, полвека гнали, да по всей Сибири вдоль Московского тракту и расселили – укрепили. Потому как Московский тракт, он, как хребет, основой государевой власти стал, и на этой хребтине вся Расея и поныне держится.

А ты думал как? Тут дело государево, надо и кнутом, и пряником. Так что, получается, сюда и добрые люди приехали, и лиходеев прибыло. Так вперемешку до сих пор и живём – одни воруют, другие ловят...

Село наше начиналось от развилки от Московского тракту в сторону Кругликовского села. Теперича эту улицу Комитетской прозывают, а по-старому Гондатьяева – одноимённый губернатор был в Томской губернии, Гондатти Никола Львович. Хотя батюшку его Людвигом кликали, потому как тот итальянец был, а мать нашенская – дворянка из Туль-городу. (Вот баба тульская, в своём краю мужика не нашла...) А до того, почитай, сто лет улица без имени была, так и говорили: дорога на Кругликово, вот и всё название.

Но в этом месте и примета есть, ты глянь: от развилки Гондатьяевой в сторону западного переезда улица широченная, размашистая, а к востоку – узкая. А почему? А потому, что там Лохань улицу сузила, и поехала Московская дальше узкой рекой, дома прямо окнами на тракт вылупились, а с тракту проезжий народ видит, кто в доме щи хлебает, кто мосол догрызат.

Дом на улице Московской, где жила Софья Чижова (Бокан)

На этом же распутье церковь была и первые дома округ её лепились, потому и первое кладбище было рядом, в нынешнем Чётном Парке. А почему там? А потому, что железки-то не было! Хоть влево – простор, хоть вправо – вольница.

На том кладбище дома теперь стоят.

Одним из первых стал у нас купец Медведев, и дом у него в два этажа был, на этом месте теперь дом 129 стоит, жену Хавронья звали. Она страсть как не любила имя своё, потому все и запомнили его, а как мужика-кушца того кликали, никто не помнит. Вот что значит имя некрасивое иметь! Скудное, беспощадное имя все запомнят! Однако тут же и Павин-купец, деловой мужик жил, на Московской, 198, и мост тот, через Болотинку в сторону Круглика – первый мост, по старинке Павинским кличут, а потому, что около того моста, слева на взгорке, стояла его мельница. Была и вторая, но она там, где нонче Чётный Парк – на речке Потапочке. Нет нонче ни мельниц, ни деревянного старого моста через Болотинку, новый, каменный соорудили, а от прежнего даже сваев не осталось.

Церковь, что на развилке стояла, звали во имя Николы Чудотворца. Но место её не там, где теперь крест воткнули, а подалье, там, где теперь дом 112 стоит. А где крест – там кладбище было, попов хоронили и купцов-меценатов, и прочий люд денежный.

Развилка эта как кол в кругу, округ которого и пошло село наше Болотнинское. Дома строили далеко друг от друга, там да сям вдоль тракту, и промышляли кто чем. Медведев – пекарня и пряники медовые, да печенье сушёное, да бублики круглые; Павин – мукомол на всю округу; были и другие, но памяти у нынешних людей на них не хватило.

Опять-таки, развилка эта для церкви удобное место – трактовое. Свои-то, понятно, ходили кое-как, да через раз копеечку носили, а тут проезжий какой остановится ноги размять, да свечку за упокой, а кто и за здоровье поставит, а бывало и так, без затей, в сердобольный ящичек денежку бросит: а вдруг, думает мужичок какой али баба дурная,

на том свете и впрямь зачтётся, глядишь, и место помягче да потеплее выгорит. Народ-то у нас наивный, но с фантазией.

Позже, это когда базар за Лоханкой появился, в базарные дни – пятницу и субботу – торговый и крестьянский люд, что из Кругликова и Ояшу приезжал, барышом делился.

А при Советах в той церкви кино начали крутить, кинотеатр «Победа» назывался, но не долго, сгорел как есть подчистую, до самого тла. Ходили слухи о бабе какой-то, вроде как накануне пожара видели в окнах посрамлённой церкви плачущее привидение, но всё это враки, охоч наш народ сказки сказывать да чушь молотъ, про чудеса байки травить... Однако, должен указать, что великое негодяйство – поганить то, что людям дорого. Строй свой храм, а то, что дедами построено, – храни! А не то и твоё добро, придёт срок, твои же дети сгубят.

А напротив церкви жила семья, которая приехала и одна из первых построила дом на Московском тракте, – это дом родителей Чижовой Софьи Яковлевны... В 1931 году родилась Сонечка, любил я её, но уже стар был, потому и запомнил, что влюблён был.

Лет пятьдесят назад местная девчонка Неля Петрова сочинила стих о нашей Болотной:

Трудно на карте его отыскать,
Лучше приехать и больше узнать,
С бором зелёным и тихим прудом,
Город Болотное – это наш дом.

Во чё бабы творить могут, всё могут, даже стихи!..

РОДИНА

От, теперича спорят: и зачем это наше Болотное Болотным прозвали, если оно на горе стоит? А потому что река Болотная под горой течёт – место родное метит, а центр весь родниками сочится: и универмаг, и кино, и гостиница – всё на родниках! Чтобы из гостиницы по весне-осени али после дождя на станцию пролезть, сноровку дюжую надо было иметь, а лучше сапоги-кирзухи. И до и после сыпали в родники те всё что ни попадя, а они знай своё дело. Из кирпича сколь в тех местах ни строили, все дома переломались, а деревянные – перекосило. А почему? А потому что думать надо – не там строили!

Магазин огромный, помню, соорудили, а на следующий год стена треснула, лопнула, сердешная, по самую сурепицу раскололась... Кинотеатр-то попозже возвели, учли основу зыбкую, потому ещё держится, а вот когда райисполком поднялся во весь рост, так каждую вёсну аврал, насос работал круглосуточно – в подвалы вода затекала, чистенька, холодненька, ледяна прям. А почему чистенька, а почему холодненька? Невдомёк, поди? А потому как на родниках стоит!

С чего бы стадион в те давние времена затеяли строить в этом месте? Потому как в домах погрёба сочались. Теперь, правда, нет стадиона, парк посадили, памятник, опять-таки, поставили, дорожки уложили и церковь в углу прилепилась. А прежде в том самом углу музыку играли, а молодёжь танцевала, потом опять женились, дети – мальчишки-девочки, так всегда, впрочем, было.

А родники в тех местах повсюду – вся площадь, что в сторону базара, – там под плиткой родники спрятаны-замурованы, и дальше, весь берег Лоханки – всё родники. Бывало, снега мало, склон блестит на морозном солнце ле-

дяным глянецом – сплошь ледянка. Опять-таки радость – катуха для мальцов, и парни, и девки тож кататься горазды были, ну, а потом свадьбы, как водится, детки рожались – мальчишки-девочки – жизнь, она так устроена: с кем скатился – на той женился.

Вот теперь ты знаешь, где родники были, а прочие места во всю необъятную ширь и удаль – сухие да для жизни пригодные. **Вся Болотная, она на горе стоит, солнцем охвачена, и гора та Ясная, родники чистые, и льётся река Болотная под горой волнительной кровушкой сквозь самое сердце моё, и нет лучше ничего на свете. Вот так, живём на горе, и каждым рассветом катит к нам солнышко по холмам корниловским, блестят, волнуются лучи в водах большепереченских, отражаются в глади тихой Лебяжки, и вот уже вспыхнули макушки Великого Загородного Бора и опала тяжесть темноты в пруд глубокий, и затревожился лёгкой дымкой пар над водою Болотной реки, и засияло солнце золотым тёплым кругом над горизонтом, покатилося по улицам просторным и чистым, будоража тополиную листву, пробуждая глянец сонных окон. И запели птахи встречь солнцу, засиял kaleйдоскоп разноцветных крыш! И далее полетело солнце, теплом согревая родные места, до самой Оби-матушки — широкой и обильной, из протоков и рек лесных тугой косою свитой.**

Эй! Люди! Солнце встаёт, день пришёл, пробуждайтесь от сна ночного, а не то счастье проспите! Вот оно как! Уразумел, где река Болотная течёт, где родники источают сытость, а где люди под солнцем греются и добро в труде ведают!

ЗАМЕС

Когда я жил, давно это было, тракт, что по улице Московской проходит, он так и назывался Московским трактом. А опосля, когда железку потянули, заезжие и всякие умные начали кликать наш Московский тракт, который до самой Москвы по одну руку и до самого Владивостока по другую руку, почему-то Сибирским трактом. Мы-то и теперича как говорили, так и говорим – Московский. Но и то факт, что у нашего тракта второе имя появилось.

Но какое моё удивление случилось, когда я в Москву-столицу попал, так там наш Московский тракт даже не Сибирским кличут, а Владимирским! Вона чё! Тракт один, а имён уже три! Вот это как? Это как Саша, Шура, Александр, что ли? Человек один, а имени три. «Зачем Владимирский-то вдруг стал?» – спрашиваю. «А потому, – отвечают, – как из Москвы в сторону города Владимира Московский тракт направление имеет». Вот народ тёмный, они дальше своего носа за Урал-хребет не заглядывали. «Мы тут в Расее, – это они так говорят, – а вы там в Сибири». Вона чё! Мы вроде как для них и не русские. Обиделся я на тамошний люд, вот, думаю, дурачье!

А как вернулся до дому, до хаты, глядь, а соседи-то мои: Серёга Гориленко – хохол из Малороссии, аж из-под самого Киеву, а насупротив – Чухов из Беларуси, из-под самых Пинских болот, из деревни Чуховская, ещё в прошлом веке до нас за вольной волей приехал. Во дела, так и все мои по староверскому делу в Сибирь спастись кинулись... А хозяева земли здешней – «чать», Малютов Велюр Рафикович – потомок Малюты Скуратова. И все мы на одной улице живём. Вона как!

То-то они там, в Расее, нас сибиряками и кличут, потому как здесь такой замес людской, такая мощь собралась! А кто бы ещё Москву от Гитлера спас, если бы не наши парни из Сибирской да Гвардейской дивизии? Полегли, почитай, все, а Расею гаду поганому не отдали, спасли Москву! То-то!

Уходили мы из Расеи по Владимирскому тракту, шли по Московскому, а теперь все здесь, в Сибири, и Сибирь теперь для нас, как и Русь, всё одно – Матушка, потому как одним обручем – Московским трактом стянуты, одной кровью мечены, одними делами славлены, у одних могил наши буйны головы склонены.

И как сотни лет назад, улица Московская, будто хребтина, держит нашу родную Болотную, по одну сторону – встречь солнцу тает, а по другу – до самого сердца Родины дотягивается. А посередь этих просторов мы живём и радуемся: вчера песни белорусские слышали, сегодня украинские спиваем, а как сабантуй начнётся, будем арак пить да казы закусывать, а потом с татарами русский пляс плясать.

Вот так-то, сибиряки мы, народ надёжный.

ГОНДАТЬЕВСКАЯ – КОМИТЕТСКАЯ

Село наше возникло, но дороги ещё не было, потому и ездили к старому тракту через Карасёво на Ояш. Но вот Московский тракт спрямили, потом ещё железка пришла, село окрепло, появилась на тот момент надобность в названиях. Вот и решили губернатора подмаслить, не только волость Гондательевской прозвали, но и улицу, а когда большевики пришли, они её на Комитетскую поменяли.

Село Кругликово лет на сто ранее села Болотнинского появилось, на самом берегу великой Оби, но дорога всё равно непригодная была, дрянь дорога, зимой ещё как-то на санях, но если буран – всё, погибель! А уж весной-осенью прямо страсть одна, ни проплыть – ни проехать...

Но опять-таки Гондательева – Комитетская для болотян, конечно, важная улица: почитай, два века здесь наши бабы людей на свет производили – роддом тут находился. А до него – дом с бабкой-повитухой, потом родильня с фельдшером. И я в той родильне пришёл на свет божий. А потом от родильни и больницу здесь устроили: и терапевтическое, и хирургическое отделение, я во всех побывал, жил-то долго, успел насладиться-настрадаться.

А ниже чуток к реке Болотнинской заводешко, «Металл-лес» назывался, а мы его «Металл-гроб» звали: там гробы мастерили. Красивые гробы делать умели! И брички делали, и телеги, и колёса для телег, и по мелочи – ковали, отливали чугун, – мастеровые люди там были. Уже потом, после войны, картон научились делать, коробки шить для всякой надобности, чтобы тарить или тырить всякую мелочь. Так и появился на месте «Металл-гроба» гофротарный завод. И жив ещё, говорят, вот видишь, а с гробов начал!..

Напротив «Металл-леса» устроили четвёртую школу, а до того на том месте скотину продавали: пустырь кругом,

почему не продавать, если покупатель есть. Козы, овцы, лошади тож, хорошие были жеребятки, люблю я детишек. Щенков задарма отдавали, чтобы не бить живое, и тогда люди добрыми были. Люди всегда добрые, когда не злы. Опять-таки народ наш не без придури. За «Металл-лесом» пара-тройка домов была, а потом пустырь до самой Болотной речки. Уже после революции люди тамошние решили покойников своих на кладбище не возить: далеко и дорого, – а прямо в огородах и хоронили, но потом власть наладилась, и санитары запретили, грозились даже каторгой.

Но ожила та местность, когда четвёртая школа появилась, а потом уже во время войны педучилище, а при нём начальная школа. Молодёжи стала прорва, опять-таки одни девки, а это хорошо, девки – это всегда хорошо, потому как к прибыли.

Вот ты думаешь, почему в Болотной люди красивые? А? А потому, что наши парни тож не дураки на крокодилах жениться, всё покраще выбирали, вот он, замес, и получился. А потом ещё школа счетоводов по производству бухгалтеров появилась там, от Гондатыевой далеко, почти-тай, на другой стороне Лоханки, а там опять – девки, есть на ком жениться.

Вот такая в Болотной норма: половина баб на училку училась, а вторая половина – деньги считать. Потому женский народ у нас своенравный и с характером – одним словом сказать, лютые бабы! И научат, и посчитают, и к порядку призовут.

Да, нашим парням повезло. Хороши времена, когда они молодые!

АМНИСТИЯ

Улица Московская, сам знаешь, – это Московский тракт, по которому и денно и ночью курьерские, почтовые, крестьянские тяжёлые, купеческие богатые возницы пыль и грязь месили, а зимой лихими полозьями снежный покров в наст втирали.

А у нас в Болотной, стало быть, перекладные были, кучера промышляли, а главная конюшня стояла около нонешней администрации, потом в ней четвёртый цех швейной фабрики был, а потом уж по ветхому делу разобрали вовсе.

Много люду по тракту Московскому за эти века прошло, а более кандалники, арестанты, преступники, которые пешим ходом на сахалинскую ссылку шли. Помню, идут арестанты, цепями гремят – страху нагоняют, а бабы наши сердобольные промеж конвоя шнырь – да хлебца арестанту и подадут. А конвоиры не трогали, не обижали баб, не мешали за Христа ради подать.

Помню, поэт в Болотной жил, Микола Тельпухов – весёлый, голосистый парень, и в нашей газетке «Путь Ильича» вот что писал:

...А чуть правее,
На обозренье людям отданы,
На стенде отчуждённо, не ржавея,
Мерцают одиноко кандалы.
Минуту, две мы смотрим друг на друга,
И, кажется, под взглядом, как в огне,
Они темнеют, скручиваясь туго,
И потянуться силятся ко мне.
Хотят, как встарь,
Пылить Московским трактом
И, ног моих лодыжки обсосав,

Свалить в кювет, – лишь эхо троекратно
Отговорится выстрелу в лесах...

Арестантов, конечно, не стреляли, это поэт лишку хватил, но его я к слову вспомнил. Село у нас тихое было, хотя и промышляли извозом по тракту.

Шуму стало больше, когда «чугунку» повели: инженеры-строители приехали из самого Петербургу, рабочий люд – свои и пришлые, землю на дорогу возили на телегах. Мосты строили наши плотники – мастеровые ребята, вон какую красоту через реку Лебяжью смастерили, кто помнит, тот знает. Но после деревянные мосты разобрали, на железные поменяли.

Инженеры молодые, к бабам ласковые, и хоть наши их приструнили, но не всех уследили: потом «инженерные» детки пошли!

А как дальше ушли строители, всё опять стихло, да ненадолго...

Царь-батюшка, молодой Микола Романов в 1896 году короновался и на радостях амнистию устроил. Амнистия, дружок ты мой, это когда лиходея до срока на волю отпускают. И поехала братия кандалная, по-настоящему – «братва», с самого Сахалину по всему Сибирскому пути в Расею.

С тех самых пор научился народ замки железные на двери вешать, а то, бывало, попросту палкой подпёр двери, чтобы в дом скотина не вошла, и пошёл себе по делам-заботам.

Только пережили эту амнистию: кого умирили, кого прибили, кого обратно в каторгу отправили, – тут вторая амнистия грянула, теперь по случаю рождения царского сына, Алёши, а через год, в 1905-м, и третья ударила, вместе с Манифестом, который даровал свободу собираться промеж себя в союзы и верить аль не верить разрешалось хоть в Бога, хоть в чёрта, хоть в саму судьбу. Потёк с Сахалину уже политический алимент, не то чтобы уголовники, но народ дошлый и вороватый, и много смуты навёл посреди лю-

Деревянный железнодорожный мост через реку Лебязью

дей. А с ними освободили и тех, кто из православия в другую веру переметнулся, тех тоже отпустили, много таких было, воровать и бандитствовать они в каторге научились. Ты вот думаешь, и чего это наш народ в революцию попов с колоколен швырять приспособился? А с того, что обиды на них много скопилось: и за каторгу, и за притеснение и обман. После той амнистии опять захлестнул нашу Болотную разбой-грабёж, да ещё и насилие...

Почему такая напасть на Болотную? А потому, что тут паровоз меняли да поезд осматривали и к дальней дороге готовили – несколько часов на то дело надо, вот бандюги здесь и тешились: кто простака прохожего обжулит либо сопрёт чего – и обратно в поезд! Ну и не все уезжали, бывали такие, кто отстал от поезда, а потом и вовсе остался.

Где железнодорожный узел, там и беда, вот смотри: в Тайге – грабёж-резня, в Болотной – грабёж-резня, тож

и в Новониколаевске – все станции узловые-главные. С одной стороны, это хорошо, что железка есть – это работа и пропитание, и плохо, потому как кого она завтра привезёт, никто не знает...

В 1913-м опять у Миколы праздник – 300 лет династии Романовых – и опять, прости её, амнистия! Так и зашлаковали нашу Болотную сахалинскими лиходеями! Шутка ли, четыре амнистии за шестнадцать годков!

А потом революция и Гражданская война, адмирал Колчак лютует, власти никакой, тут бандюкам совсем раздолье.

Но пришла советска власть, утвердилась, подобрала всех и опять в одну кошёлку – да на Сахалин! Правда, к тем годам уже новые места появились – Новокузнецк, Чита, Воркута, Магадан, строили там или добывали чего, не знаю, меня это лихо миновало.

Всем в те годы полегчало, но норов-то остался, жёны и дети бандюков-то на свободе – все в Болотной! А куда им, не в каторгу же за мужем с дитями малыми? Вот ты про Соньку Золотую Ручку слыхал? Во, а у нас своя была! Говорят, мужиками верховодила, и звали её то ли Мать Честная, то ли Дуська Ряжена. А можа, и та и другая была, кто помнит...

Всё, вспомнил! Манька Кочерга – вот как её звали! Так что они, бабы, с виду только бабы, а в душе не лучше мужика будут.

УЛИЦА ВОДОПРОВОДНАЯ

Что говорить, царь-батюшка название нашему городу дал, скажем прямо, не подумавши, по имени речки Болотной. Но то – царь, что с него возьмёшь, брякнул – и свято. А мы сами-то, смотри, что учудили, у нас как ни переулочек, так скандал: Дёповской, Эстакадный, Семафорный, Комбинатовский, Туннельный, Элеваторный, Фабричный – это с какого переулочка наклепали по всей Болотной? Мы-то чем думали? Ладно, переулочки, бог с ними, а смотрите, что с улицами сделали, их-то как назвали: Рабочая – ну, это ещё как-то пойдёт, потом – Линейная, Транспортная, Кирпичная, Ремесленная, Щепная, Монтажная, Совхозная (а Совхозная-то как сюда прокралась?)... И это не всё, у нас аж две улицы с названием Чётный Парк, причём улицы разные, а название одно! Это как две шапки на одной голове! Акромя перечисленных, большевики одарили десятком своих названий, а в довесок сыпанули писателей, которых, может, три с половиной человека на всю Болотную читали, а другие так без Достоевского и Толстого помрут, не познавши русской литературы. Вот и вся красота-фантазия! По Сеньке и шапка.

Так я думал-сетовал, пока молод был, а как посерьёзней, задумался... А ведь как это хорошо, что наши отцы улицы и переулочки по делам и заботам называли! Например, Гончарный переулочек: идёшь и понимаешь, здесь не лоботрясы жили, здесь мастера гончарного дела трудом промышляли. Или вот, Ремесленная – это же люди труда, хорошие люди там жили. А вот ещё Эстакадный переулочек есть, эстакады уже нет, а память осталась.

Или вот, улица Водопроводная. От самой что ни на есть водоканализации, от той насосной станции, что со звездой и с тру-

бою, которую молния побила ещё в 1951 году, идёт в темноте земляной глины на глубине семи аршин – это, если пононешнему считать, поглубже четырёх метров будет, идёт водопроводная труба – чугуняка – вечная труба, а толщина у ей треть аршина – это сантиметров около двадцати. Почему водопровод идёт, а не лежит, а трубы ведут, а не укладывают, я не знаю, но все так говорят, у нас, у русских, всё непросто. Вот говорят, что «птичка села», а она ведь на попе не сидит, она на ножках стоит. Или вот сапог, мы говорим, что он на ноге «удобно сидит», но у сапога вообще попы нет, каблук есть, а попы нет! Теперь ты понял, почему я неграмотным остался? А потому, что не понять, кто лежит, кто стоит, и почему это всё идёт и едет...

И вот идёт труба по трём сторонам улицы: две по краям, а одна промеж них, как раз посередке. А зачем так? А от диверсий. Ещё царские инженеры понимали, что водопровод – стратегическое сооружение. Порви трубу, и паровозы встали! А дорога должна «ехать» и днём и ночью, на то она и дорога.

Трубы чугунные, толстущие, но ничё не вечно, ныне одна ещё работат, и вот уже с 1893 году служит! Чугуняка – это тебе не тварь божья, которая полежит лет десять и вся с землёй переработается. В стыках трубы зачеканили свинцом и на совесть: в паз паклю, а по кругу свинцоваяковка.

Вот она какая у нас, улица Водопроводная – главная улица, потому что без воды ни паровоз, ни человек не живёт.

Но и это не всё, эта улица – ключ к отгадке. Вот ты мне скажи, если село Болотнинское зачатие имело на развилке Московского тракту и Гондательевой – Комитетской улиц, то почему станцию-то начали строить с другого конца, как бы и не по-людски совсем, а пару километров восточнее от развилки? Там людей не было – пустырь, да Московский тракт по безлесью шёл-сучал. Не знашь, а я скажу, и без утайки. Станция находится там, потому что туда водовод уткнулся. Вот ответь: где воду брать надо? А я отвечу: там,

Улица Водопроводная около водокачки

где глыбоко. А глыбоко у дамбы – это тебе и дитя скажет. Потому там насосная, а от насосной до железки труба по прямому пути шла и уткнулась. И уткнулась в самое высокое место, почти на пятьдесят метров выше водокачки. А куда уткнулась, там и станция. Разумей: где вода, там и жисть прорастает. Инженер – он тебе не тяп-ляп, он Петербургскую железнодорожную академию кончал, всё посчитал-продумал. Вот почему село там, а станция здесь!

А как со станцией порешали, так начали жильё строить, и самые древние дома – по улице Вокзальной, но это всё дома для всяких железнодорожных затей: поликлиника, больница, детский сад – это по одну сторону от вокзала, а по другую сторону – столовая, милиция, интернат, гостиница для машинистов, вечерняя школа.

А вот улица Линейная, по-нонешнему Забобонова – это чистое жильё для железнодорожников. Так-то! А ты и не знал!

Там, где водопровод подошёл к путям, там две башни стоят: с деревянным верхом – для паровозов, а красная красавица – для народу, для населения. Красную во время Гражданской Колчак хотел взорвать, пакость людям сде-

лать, уже взрывчатку под башню засунул, но наши мужички взрывчатку ту спёрли тайком, это в Болотном завсегда делать умели, и бесчинству совершиться не дали.

А ещё на Водопроводной построили самый весёлый завод – Пищекомбинат назывался, на котором деткам сироп сладкий делали – по имени лимонада «Буратино», а мужикам вино разливали в поллитровки – «Яблочная» называлась. Гадость неимоверная это вино, дышать им нельзя, так нос зажмут и пьют за милую душу, допьяна дуют, окаянные. Мужикам, конечно, веселье, а бабам горе. Вот и ходили наши бабы сначала за дитём в садик, потом корову встречать с выпасу, а потом уже за мужиком на Пищекомбинат, чтоб не заплутал, гад эдакий, и не погиб от пьянки. Так и спасали, и спасли, потому и род не прервался, продолжился.

Вот она какая, улица Водопроводная: под низом вода катится, по ней вино ходит, потому и грязная она вечно была, в рытвинах и размывах овражьих. У нас в Болотной завсегда так – добро со злом никак расстаться не могут.

Улицу Водопроводную со временем прибрали, асфальт ровный проложили, как к Дому Правительства, даже бордюриком окромчили. Хорошо это, потому как улица Водопроводная – главная наша улица, её и уважили.

Московский тракт – он везде тракт, а Водопроводная одна.

Так-то, живёшь и не знаешь ничё.

ВОДОКАЧКА

Болотная-река прозвана ещё древними топографами, потому как у ей русла-то толком нету, одно направление – и то вниз. Болота кругом, кочки, камыш да заводь в ряске, и так по болотистому логу ходит-бродит, в реку Лебяжьё впадают, а та в свой черёд в Томь-реку, ну а Томь-река, дело известное, в Обь-матушку. Так что воды наши болотнинские в Ледовитом море-окияне плещутся.

Запруду эту порешали соорудить, как станция Болотная выявилась, уже и не припомню, в каком таком веке это было, скажу одно и уверенно – очень давно. Паровозы в ту пору были добрые, а электровозами ещё не пользовались, не умели. А паровозу что надо? Паровозу надо уголь и вода, уголь в топке, вода в котле. Паровоз без угля и воды не повезёт, не поедет – куражу не будет. А где вода для паровоза, чтобы пар нагреть? Нету воды, одна Болотнинская река сочится, а по другу сторону Московского тракту Берёзовка – ещё тощее да болотистее, но то всё не вода, а горе одно. Вот и соорудили дамбу железнодорожные власти, перепоясали Болотинку крепким пояском-дамбой от бора до самой Болотной, и в бор ходить с руки стало по грибы, по ягоды, и вода накопилась в запруде – вон её теперь сколь, хоть ложкой ешь, хоть лопатой гребь. Опять-таки водопад. Где водопад в болотине найдёшь и кто его здесь видел когда, а тут вот он – три метра и шумит, и видно, что Болотинка-то есть, река-то течёт, если столько воды из водокачки вытекают!

Помнишь, лодочна станция была, но это старики только помнят или кто помёр уже; так вот, если к станции лодочной с Кирова или Ленина идти, то можно к дамбе только вниз по глиняным ступеням спуститься, как по лесенке, а склизко – страсть, а всё потому, что родники кругом, как

болесть какая из всех щелей сочилась. А за дамбой, по праву руку, родник чистый был, жив теперь, нет ли?.. Благородили его люди, уважали, хорошая водица там была, древний родник. А вот по другую сторону дамбы, по леву руку, да чуть повыше, над камышом, тоже родники были, но не та уже водица, тухлая, тинной да гнилью тянуло.

Опять-таки дамба – это не просто дамба, это место для запретного купания да ныряния. В прошлые годы воду держали высоко, бывало, волна под ветер через всю дамбу скачет, другой раз девка али баба кака на пляж идёт через дамбу, от того прибою и шмяканья волн о плиты бетонные вся мокрая делается. Смеху-то было, ну! – и визгу, как на базаре в поросячем ряду...

Любили люди купаться по ту сторону водокачки: через дамбу – и на траву-мураву. Сход там в воду хорош и не така грязь-тина. А вода там – ледяна: покаместь поверху плывёшь – хорошо, а ноги спустил или нырнул, аж обжигат! Во кака злючая вода там, как и те бабы. А почему злюча вода? А потому как там родники подземные! Эти родники Болотнинску реку и питают, и нас кормят, и детей наших не бросят.

А почему не бросят? А потому что Родина.

БАЗАР

А базар наш был знаменит, на всю губернию Томску и дальше молва о нём ходила-славила, до самого Енисейского предела. Базар-то богатым был и ранним, спозаранку торг начинался, потому как с вечера со всей округи люд крестьянский да торговый на базарную площадь съезжался и ублагуустраивался. А уже после войны народ пообмелчал: часов с шести зачинался торг, а в последние времена совсем лениво просыпается. Ослаб люд, будто не емши живёт. К Советской улице здесь ещё до большевиков ресторан был, «Ялтой» прозывали, богатое питейное заведение, и томские купцы-с не гнушались в нём испить-покушать. Это тебе не столовка, а двухэтажный терем, бревно к бревну... потом к нему ещё угол пристроили, но это уже после Гражданской, под школу ресторан приспособили. В этой «Ялте» во время войны детский дом из Ленинграда гостевал, потом школа начальная, номер не припомню, стар я стал номера в голове складывать.

Ну, а уж потом это питейное сооружение под спортивную школу отдали, номер тоже не помню, и квартиры даже соорудили. Жили там, за рестораном присматривали, что петуха красного кто не пустил, сперва парень, такой кудрявый, Миколой прозывали, а потом бабёнка Нина жила с двумя детками, ладная бабёнка, с фигурой. А теперь нет, сгинула «Ялта», разобрали ресторан.

К Лохань-стороне на базарной площади живностью всякою торговали, а более хрюквами, наши хохлы – сибирские, морозоустойчивые, хорошую свинятину ростили, визгу было на всю округу... Лошади добротные, опять же, птицы много, крутобокие коровы-первотёлки и тёлочки – всё было в достатке, но дорого... да, дорого, но на то он и базар!

К улице Калинина – барахольный ряд: столы длинные и с одной стороны скамья для продавцов во всю даль, тряпье и прочая рухлядь, и новая, но больше ношенная. Народто мрёт, а одёжа сносу не знат, вот и продавали живым. Не бросать же скотине дворовой.

Посерёдке базару – крытые хоромы-прилавки для дорогого товару: сапоги точёные, ножи булатные, косы восстрые, сбруи кожаные, а краше всего пимы болотнинские – ух, пимокаты у нас славные были!.. И тут же мясные лавки: и мясо, и сало, и буженина-окорока да колбасы по стенам. И мёд, и орех кедровый с Бибеева, и брусничка с клюковкой с Чернова, и огурчики, и грибочки солёные, и водочка доморощенна – холодна, будто из родника хмельного черпана! И цыгане тут как тут, ох и хитрый народ... Бесплезно с имя торг вести, всё одно обманут.

Ну а если дождь случался – всё, все по самый зашей в грязи, все – и покупатель и купец. Кто с телегой али в кибитке, тем хорошо, есть куда укрыться, а прочим туго приходилось, да ещё ветряк нападёт да всю душу выхлещет. Вот так, нальёт воды дождевичок – всё чвакат, охат, кряхтит и стынет, но опять-таки цена уступчивее становится, купец добрее.

Болотина, конечно, грязь, а и выгода от того всё ж была...

ЛОХАНКА

Лоханка – энто гордость наша – пруд, но краше озера. А Лоханью прозвали за схожесть: что лохань под бельём, что лог у базарной площади – всё единая фигура. А народ-то наш, он всё примечат, так и прозвал пруд Лоханкою, а когда водою наполнили, красота появилась. Было дело, хотели переименовать по-благородному, но не прижилось. Однако, надо сказать, что когда прозвище появилось, то запруды ещё не было. Запруду сделали уже после революции – комсомольцы. Собралася молодёжь, и дамбу отсыпали, с тем умыслом, чтобы ручей родниковый, что из Лохани вытекал, перекрыть. Перекопали, перерыли, построили, да научного расчёту не имели – весной рвануло с вешнею водою, да пару огородов, что пониже, снесло-сдуло, как пушок с лысины, за милу душу, поток такой могучий был, что и загородь прихватил, и нужником не побрезгал – всё в водокачку снёс. Нужник потом по волнам два дня кувыркался, пока к плотине не прибило.

А должен я вам сказать одну важную вещь, что в прежние времена Боженька на наших болотах озоровал: бывало, такие облака наметёт, с такой тяжестью и жутью, а потом как даст во все ноздри, столь воды ливнем сольёт, что сразу понятно – вот он какой, этот Судный день будет! Шутковал Царь Небесный, поди, от скуки. А громы! Это не сегодняшние пукалки, а как даст по шарам – в голове тёмно становится, детки под лавку, бабы в обморок прячутся, а потом громы в сапогах по всей Болотнинской земле бегают и землю же сотрясают. Так-то!

Пимокатня-артель тут же была, на берегу Лоханки нашей, с давних незапамятных времён, около ней потом Дом быта построили, а пимокатню не тронули. Однако же, помню, было раз такое: дождь *так* ливанул, как сейчас помню

(со страху-то всё хорошо помнишь!), как... даст, едрёна корень, прости, господи! Вода по колёно, в Лоханку стекать не успеват и где-то кислотную дрянь от пимокатов смыла, да всё в воду! Ну и чё ты разумеешь-дивисься? Утром вся запруда, вся вода в рыбьём брюхе, всё отравили, всё сдохло начисто! Народ ходит, рыба-то – вот она, да травиться кому надо?.. Так и протухла задарма, неделю по всей округе вонь гоняло. Эка трагедь была...

А уже позже на Лоханке придумали лыжные бега учинять в честь великого человека – Героя Социалистического Труда Татьяны Игутовой, той, что из Светлой Поляны. Пригласят гонщиков из Юрги, свои подтянутся, самовары вместо призов на столе посередь Лохани стоят, а они вокруг на лыжах мослаются. Выйдет люд на берег, смотрит-дивится: и что это они здесь меж мусорных отвалов угольного шлака, вмёрзшего в помои, мотаются, али чистого бора нету?

Свинства, конечно, у нас всегда было много, вот, можа, в последние времена как-то не так погано, можа, от того, что газ провели, а можа, от того, что вдруг совесть проснулась?.. Кто ведаёт – тот Бог.

Поди пойми этот народ: то поёт, то врёт, то смел, то трус, то чист, то пьян, а то гадит где ни попадя, как собака бездомная.

Беда с нами, и не понять, как это совесть-то в одном теле с бессовестностью уживаются...

Набегаются лыжники, выдаст им Татьяна Семёновна самовары – и те пошли-поехали в Юргу. Вечно все первые места вместе с самоварами в Юргу уезжали!..

Ничего бы я так от того слалома лоханского не понял, если б не узнал, что того тренера из Юрги наши парни к себе на работу в спортшколу переманили. Да, точно он, перебежчик этот из Юрги, Мастыко Николай Александрович прозывался. Ничё, говорят, добрый мужик, работающий. А работащие – они все хорошие.

ТАЙНА МОСКОВСКОЙ УГЛОВОЙ

Стой поры, как железнодорожные власти распорядились станцию ставить к воде поближе, то есть к водонапорным башням, чтобы паровозы свои кормить-поить, наше село резко начало строиться по Московскому тракту в сторону вокзала.

Дома строились ровные, добротные, а купеческие – те и вовсе двухэтажные, да с резными наличниками, да с воротами из толстого листовяку, во дворах конюшня и, опять же, флигелёчек для прислуги – всё чин чинарём, по доходу и расходы.

Но если ты внимательный житель, то заметил, что Московская, как свёрток станционный прошла, около бывшего ОРСу вдруг и резко налево свернула и чуть в старое кладбище не врезалась. И не просто свернула, но и название наполовину потеряла, вишь как мотануло-то, теперь она Московская Угловая. И вроде улица и вовсе не улица, а так, одно терпение.

Пояснить надобно про кладбище.

На том месте, где школа вторая и котельная ейная, на том месте кладбище было, когда станция появилась и люди стали селиться около станции. А куда покойника? На первое кладбище через линию, где ноне Чётный Парк? Оставшихся паровозами подавит, вот и выделили место рядом и рядом. Но недолго оно там было, наша Болотная таким дурняком расти и расширяться стала, что кладбище скоро посередь людей оказалось, а это нехорошо. Покойник, он должен сам по себе жить, а человек сам по себе – раздельно.

Кладбище закрыли.

Прошли годы, и решили, чтобы место не пропадало, на том бывшем кладбище школу соорудить. И построили-

ли двухэтажную деревянную. Стояла школа, кому двойки, а кому и пятёрки раздавала, да вдруг под самую ночь вспыхнула-загорелась.

Видал я тот пожар, на Линейной жил, со второго этажа всё видать было, да и проснулся-то от света яркого. Гореть начала с крыши – знать, спасти не удастся. Ну и понятно, что подожгли: или по злему умыслу, или по случайности, но школу сожгли начисто. И тут все вдруг вспомнили, что на костях школа покоилась. И пошло-поехало, мол, духи подожгли, бесчинства не выдержали. Про духов, конечно, враньё, а вот то, что могилы не чтим, над прахом глумимся – это вред душе нашей наипервейший, это значит, человеческого в нас крохи. Что за нетерпёж на могилах строить? Сад посади, пусть деревья растут и печаль хранят, а могилу не тронь, её только беречь могёшь.

И вот когда в 1961 году школа сгорела, все вдруг вспомнили, что над могилами надругались, но новую школу, уже каменную, опять на том же месте соорудили!

Вот, целая история с этой Московской Угловой: и улица углом не пойми как, и школа на костях...

А Московская, пробежав под углом до кладбища, вдруг резко вправо взяла, второй угол нарисовала и имя вовсе потеряла, как от подзатыльника метнулась, но только уже в правую сторону. Потом угомонилась, успокоилась и так скоренько вдоль Промкомбината пробежала и вдруг, словно что вспомнив, опять под прямым углом направо к Московскому тракту вернулась. Вот такая у нас улица, была прямая, а стала кривая. И вот тут-то и вопрос: а на кой она, наша Московская, налево шныряла? Это за какой такой надобностью и перед кем хвостом виляла? Может, это пьяная рука чертёжника дрогнула? Но чертяка тут ни при чём, просто и запросто потребовалось место под железнодорожные нужды: паровозы-то пошли, а разворот-то паровозам нужен али нет? То-то, для того и сместили Московскую, оторвали от тракта родного, как дитя от титьки. И для разворота место появилось, но то был разворот не круглый, как

на Инской: паровоз на круг заехал, а его повернули на пол-круга, и обратной стороной он выехал. В Болотном попроще и понадёжнее система была: заехал прямо до упора, стрелку перевёл, уехал назад по другой ветке, остановился-отдышался, стрелку перевёл и по третьей ветке на исходную прибыл, но уже другим концом и в нужную сторону. Та площадка ещё пустует, она напротив выезда из вагонного депо и теперь лежит.

Вот тебе и вся тайна Московской Угловой. С тех пор много места высвободилось. И для вагонного депо хватило, и для паровозного депо, и для мехмастерских, и тут же две водонапорные башни примостились – всем места хватило.

Коль глянешь на карту, то видать станет, где Московский тракт шёл: и по Степному переулку шёл, и по Красноярской, и по нынешней Титова. Вот такая карусель получилась с этими углами, вот как Московский тракт раздробить умудрились, сколь улиц напластали!..

П. А. СТОЛЫПИН

Вот ты кочевряжишься, думаешь, и что там дед Арефа может рассказать-поведать, а я тебе скажу так – многое. Вот, к примеру, ты знаешь, что летом в самом что ни есть 1910 году в нашу Болотную сам Петр Аркадьевич Столыпин приезжал? Вот, морду от меня воротись, а сам и не знаешь.

А дело было так. Поехал, значит, Пётр Аркадьевич инспектировать Сибирь, проверить, как там чиновники и прочий служивый народ делом занят. Едет себе, едет, к губернатору в Томск направляется, а тут вот и станция Болотная. Паровоз чёрный, от лоску блестит, и четыре вагона за ним, а третий особый – бронированный, с апартаментами царскими. Там и столовая, и кухня с посудой, разумеется, по нужде место есть и ванная с водой горячей. А откуда в вагоне вода горячая? Правильно, от титана. Никто его, этот вагон бронированный, среди других не различит, а я могу, потому как в ту пору осмотрщиком вагонов работал и был за правильное мышление и добрые навыки определён на осмотр состава поезда самого министра правительства Столыпина. Впрочем, мне Егор Потапыча дали в помощники, он местный пристав, видимо, чтобы диверсий каких не случилось.

Пропыхтелся паровоз, отцепился и за водичкой убёг, а я с Потапычем ходовую часть осматриваю. А сам думаю, вот, Столыпин по Сибири ревизию наводит, а я его вагон ревизию. Идём мы вдоль вагонов, молоточком стук, а звон должен быть, как у колокола-подголоска, – тонюсенький и непрерывный, значит, трещин или иных каких вредительств нет. Потом крышку буксы крючком открыл, уровень масла проверил, по надобности из маслёнки ливанул и дальше идёшь, а сам всё видишь, как она там, вся ходовая

часть, настроена. С одной стороны прошли, на перрон забрались и дальше стук да бряк. А тут это и случилось. Вдруг дверь открывается, и слышу я голос:

– Пётр Аркадьевич, не планировали мы на этой станции прогулку совершать!

Выходит на перрон мужчина высокий и лысый – он, сам Столыпин, – а за ним Кривошеин, главноуправляющий по земле всей Российской. Что это Кривошеин, это я апосля узнал, а так смотрю – барин, сытый такой, холёный. Из соседнего вагона охрана хлынула, саблями гремят, Столыпина в плотное кольцо взяли.

– Нельзя вам, – причитает Кривошеин, – опасно, Пётр Аркадьевич!

А и то верно, к тому году на Столыпина уже десять покушений было. Я хоть и в Болотной живу, а что они там творят-ладят, из газетки «Народная летопись» знаю.

А Столыпин стоит, эдакий орёл, высоченный – вылитый император, не зря Николашка – царь наш – нервничал – ни того ума, ни того росту.

– Да не пойду я никуда, – махнул Столыпин рукой, – здесь постою, ноги разомну. Что за станция?

К нему кинулись разом волостной старшина и начальник станции, а Столыпин, как увидел их холуйский прыжок, так рукой махнул в сторону, мол, уходите с глаз долой, и ко мне поворачиватца.

– Скажи-ка, любезный, как станция называется?

– Болотная! – встал я во фронт и руки по швам, а в правой молоток на длинной ручке, а в левой маслёнка с носиком гусиным. И вдруг кто-то сзади у меня молоток-то хватъ, и маслёнку тож отобрал.

Я обернулся, говорю офицеру:

– Верни струмент, я за него в отчёте, а тебе без надобности! Да ещё измажешься ненароком, – а тут и понимаю всё, и такой на меня смех напал, ну и Пётр Аркадьевич вместе со мной засмеялся.

– Не обижайся на них, – говорит мне Пётр Аркадьевич. – Скажи лучше, как вы тут в вашей Болотной живёте? – И смотрит на меня эдак внимательно. А я знаю, отчего смотрит, на меня всю жисть так смотрят, у меня нос крупный, бугристый, как румпель, – вечный.

– Хорошо живём, спокойно, вашими молитвами, Петр Аркадьевич!

– Моими, говоришь, молитвами... Ну что, Александр Васильевич, если дерзит, значит, не врёт. Кто врёт – тот холуйствует. – И опять ко мне повернулся: – Откуда сам-то?

– Здешний я, болотнинский.

– Спрашиваю, родом откуда?

– А, с Пинских болот мы приехали.

– Это где такие?

– Под Могилёво.

– От Пинских болот до Сибирских болот, поди, пять тысяч вёрст?

– Выходит, так, – согласился я. – Не промахнулись.

Ну и опять смех на перроне.

– Тебя как звать-то?

– Арефа Фёдорович мы.

– Работай, Арефий Фёдорович из Болотного, не будем тебе мешать.

И было уже пошёл прочь, да вдруг не утерпел и говорит:

– Нос-то у тебя, Арефий, какой солидный.

– И не говори, Пётр Аркадьевич, – а я и рад ещё поговорить с самим министром. – Не только вы, все завидуют.

– Ну вот, Александр Васильевич, а ты хотел, чтобы я в вагоне сидел. Вокзал-то красив, а пойдём-ка глянем за кулисы. Я, понимаешь ли, заядлый театрал, люблю за кулисы заглядывать.

И пошли они всей оравой за вокзал, в самую Болотную. Ну, думаю, наконец-то дороги отремонтируют, а то с перрону и напрямиком в грязь. Она как получается, без мово догляду – вагон не пойдёт, а без его догляду – в грязи утонем.

А потом начальник станции меня с вестовым зазвал и червонец даёт, и говорит, мол, от Столыпина благодарность. А сам я вижу, что недоволен начальник станции, что не с ним, а со мной Столыпин разговор затеял. Долго я эти деньги хранил, а когда женился, то и потратил. Вот так, через баб одни убытки. А Столыпина всё-таки убили, застрелили в театре, в Киеве, стрельнули и попали. Жаль мужика, хороший был человек, у меня глаз на хороших людей зрячий.

ЧЁТНЫЙ ПАРК

Ну, как ты понял, до самого 1816 году села Болотнинского даже в мыслях ни у кого не было. А как француза побили, нюх лягушатнику прочистили да сами слегка очухались, царь-батюшка наш, император Александр I озаботился устроить деревню Болотнинскую. Великое то было время! «Не то, что нынешнее племя: богатыри – не вы!» – так о нас написал Михаил Юрьевич Лермонтов. Но не успело соком налиться и мясом обрасти село наше Болотнинское, а потому Александр Сергеевич Пушкин, коему легкомысленных семнадцать годков о ту пору стукнуло, о нашем селе не помышлял и оду не спел...

Но были у нас свои поэты, вона чё Михайло Кубышкин написал:

Невыносимо жаркий, длинный день
Течёт по тополям прохладно-влажным.
И ничего, что старенький плетень
Соседствует с домищем двухэтажным.
И что растут местами лопухи,
А возле них высокая крапива,
И что поют в Болотном петухи
Свободно и подчёркнуто красиво.

Ну и как?! «Свободно и подчёркнуто красиво» – это понашенски, мы такие!

Не было железной дороги, но село уже появилось, и строились дома по одну и другую сторону Московского тракту, а кладбище выбрали устроить по ту сторону, где Потапочка сочится, но недалече от села, тут же, за огородами. И кто бы знал, что железнодорожные власти, когда свою железку проведут, эти самые земли выкупят, и кладбище и всю залинейную часть. А там и правда пусто было, толь-

ко бойня скотская на перекрёстке теперешних улиц Комбинатской и Кузбасской, да мельница на Потапочке, а всё остальное пустырь пустырём.

И вот пришла железка и отделила село Болотнинское от покойных родственничков, но уважила, сделала тоннель под путями, по которому на бойню скот гнали и на мельницу зерно возили. А кладбище прикрыли, поскольку и земля, и покойнички к железной дороге уже были приписаны.

Первое, что построили за новой линией, так это кондукторский резерв – двухэтажное здание аж с тремя входами, в котором всё поместилось: и контора, и столовая, и магазин, и склад, откуда одежду и фонари кондукторам выдавали, и даже душевая была, доселе в Болотной невиданная вещь – без пару-жару намываться...

А поскольку про кондукторов ты, как и про Пушкина, ничё толком не знаешь, я тебе поясню. Кондуктор – это человек, и бывает их два вида. Первый – главный кондуктор в грузовом составе, он едет на тормозной площадке второго вагона, а бывает и старший кондуктор, тот едет на тормозной площадке последнего вагона. И следят они за порядком, и чтоб аварию не допустить. И в мороз, но в тулупах, и в жару, все в пыли, – ездят по свету, а если что, фонарём сигнал машинисту маячат. Если по кругу фонарём крутит, то, значит, тормози – лихо пришло.

Потом, когда кондукторов отменили, в том здании семьдесят вторая школа разместилась, потом библиотека была, а после и вовсе его сожгли. Но это уже в 2000-е годы, не было меня, я уже, слава Богу, помер к тому лихолетью.

После около кондукторского резерва подменный пункт построили, машинисты там путёвки в поездку получали и по электровозам разбредались.

Прошло полста лет, и во время войны приняли власти решение в той самой заливной части строить жилой городок – Чётный Парк. А почему чётный? А потому, что поездка в сторону Ояша все с чётными номерами были, а Нечётный

Парк – тот с другой стороны Болотной, и поезда те в Тайгу шли.

Строили городок прямо на старых могилках, и в каком году дом сдавался, тот номер ему и приписывали, а номера там по ряду: 44, 45, 46, 47 и 51.

И теперь ещё, кто погреб копат, где косточку, где череп обнаружит...

Улиц с одинаковым названием Чётный Парк там две, но там всё чудно: и номера, и тоннель замуровали, и на костях живут, и Потапочку в грязь болотную вогнали, а про кондукторский резерв даже не вспоминают.

Вот такая у нас история: сначала мусором завалим, сожжём, а потом чистим и горько вспоминаем...

Имена существительные

КОЛБАСНИК ЖУРАВЛЁВ

(о П. Журавлёве)

Дом строить на Линейной затеял ещё отец Журавлёв, да помер несчастный, а за ним и старуха поплелась. Каково бабе без мужика на свете жить... Сын Пётр в отца, крепкий хозяин, жмотистый, но основательный. Была у Петра Журавлёва жена и два сына-погодка, сыны под стать отцу – небольшенькие, но крепенькие, будто груз-дочки, – один к одному. Строил он долго, крепко строил, аж до 1909 году. У дома под полом сушь от того, что рубероид расстелил на земле и шлаком засыпал – и от влаги, и от мышей изолировал. Потом ложный пол из листвяку, поверх шлак крупный да пористый, по кругу дома – продушины, а поверх того половица из плахи сосновой. Сам дом на сваях листвяка стоит, которые будто тумбы каменные, не всяк обхватить сможет, на весу, будто на руках, весь дом над землёй держат. По такому полу дитя без штанов ползало и не студилось.

Под домом подпол, как и положено, под три метра глубиной, а под погребом ещё один погреб – для хранения продукта.

А на улице погребок имелся глубины немереной, и там продукт хранился, а и ледник был путёвый, в нём мясо месяцами свежаком лежало.

Добротный хозяин, продуманный, одно слово – колбасник Пётр Журавлёв.

Творил он колбасу тут же, на усадьбе скотину бил, разделывал, обрабатывал. Механизм был наподобие мясорубки, но с секретом: каку резку заказал, таку и нарубит; ну а крутила баба его, здоровая, сама как лошадь. Крутанёт, бывало, ручищей своей, на весь дом треск – маховик хрящи с хрустом перемальвал. И колбаска получалась от-

менной, а что более всего, так это свежесть, пахучесть и сочность. По первости на станции продавали, пройдёт разок отсель досель, на второй круг уже колбаски нет, пассажир слюну заедат и хвалит.

Богател Журавлёв, глазья завистливые видел, беспокойство имел и для порядку или острастки волка купил, ко двору привязал, сам с лопаты кормил – зверюга, она и есть зверюга. Но и для воров отстрастка.

Поуспокоился Журавлёв, но тут низы пролетарские зашуршали, а верхи боярские струсили. Думу думал и сказал: «Ну, жена, сынки у меня подросли, надо подумать о спасении».

«Это о каком спасении? – спрашивают жена. – На церковь жертвовать, что ль?»

«Ход мы будем копать подземный: если налёт случится, мы тиканём из дома, а золотишко уже готово к побегу будет, в пояс зашью».

Дом Журавлёвых

«Ой, – грит жена, – какой же ты у меня умный. Правильно, ройте, а я землю по огороду ссыпать буду».

И пошло дело: сыны да отец роют, мать по огороду, как подсыпку, землю носит-рассыпат; за год земля в огороде с домом ровень стала, а никто не видит, мало ли у кого какой огород, ну и что? Когда с обыском к Журавлёву пришли, раскулачивать, дома никого не оказалось: печь топится, в стакане пар парит, а хозяйева как сквозь землю провалились.

В погребе второй погреб с колбасой нашли, а подземный ход не обнаружили. Так и пропали неведомо куда колбасник Пётр Журавлёв со всеми домочадцами. Сгинули, будто и не было их.

Брошенный дом сначала под двухклассную школу Министерству железных дорог определили, потом разделили на два хода и по какой нужде людей селили, но на время, а потом уже и в квартиры сдали насовсем. И никто бы не узнал про подземный ход, но новые хозяйева уголь завезли да в ограду самосвал загнали, чтобы не возить уголь-то, а токо скидать в углярку. Вот этот самосвал вместе с углём под землю и рухнул, заломал подземный ход.

Так-то, основательно люди жили, наперёд думали. А дом этот и теперь стоит на Забобонова, 23.

БАРСКИЙ УДЕЛ

(об А. Чехове)

Избалованный барским происхождением, Антон Павлович Чехов, проехав по Московскому тракту до самого острова Сахалина, в своих дорожных записках писал: «В продолжение всего года дорога остается невозможной...». Это путешествие, как и сама запись, сделано в 1890 году. В начале апреля великий русский писатель и драматург после долгой подготовки и изучения Сибири пустился в путь.

Кстати сказать, кроме плохих дорог, Антона Павловича изрядно раздражал сибирский мужичок своим свойским и, как ему казалось, бесцеремонным отношением. Причина такого поведения наших сибирских предков, конечно, не в плохом воспитании: к писателю относились, напротив, очень уважительно и знали, кто он есть, но не было у наших мужиков холопского зуда, не гнули спину и не срывали в холуйском поклоне шапки с головы, а вели себя достойно и уверенно, а всё потому, что крепостничества в Сибири никогда не было. Негде было нашим мужикам услужливой робости набраться.

Вот как Антон Павлович описывает нашу ямщину: «Ямщики ругаются во всё горло, так что их, должно быть, за десятки вёрст слышно. Ругаются нестерпимо. Сколько остроумия, злости и душевной нечистоты потрачено, чтобы придумать эти гадкие слова и фразы, имеющие целью оскорбить и осквернить человека во всём, что ему свято, дорого и любо! Так умеют браниться только сибирские ямщики и перевозчики...»

Раздражение сопровождало Чехова всю дорогу. В Кольванском районе в Красном Яру он долго ждал лодку для

переправы через Обь до Дубровино. Мужик, хозяин лодки, успокоил, мол, лодка прибудет позже, утром и переправим, поставил богато дышащий самовар на стол и по-хозяйски уселся напротив известного писателя, поговорить о жизни. Чехову всё это претило, и он с негодованием записывает: «От Тюмени до Томска 1500 вёрст, страшный холодище днём и ночью, полушубок, валенки, ветры и отчаяния (не на жизнь, а на смерть), война с разливами рек; реки заливали луга и дороги, а я то и дело менял экипаж на ладью и плавал, как венецианец на гондоле; лодки, их ожидание у берега, плавание и прочее – всё это отнимало так много времени, что в последние два дня до Томска я при всех моих усилиях сумел сделать только 70 вёрст, вместо 400–500; бывали к тому же ещё весьма жуткие, неприятные минуты, особенно в ту пору, когда вдруг поднимался ветер и начинал бить по лодке...» Из Дубровино дорога шла в Ташару, Умреву, Ояш, и вот она, Болотная.

Как видим, писателю досталось, особо крепко – в наших благословенных болотнинских местах. А вот записка совсем о нашем районе: «Холодная равнина, кривые берёзки, лужицы, кое-где озёра, снег в мае да пустынные, унылые берега притоков Оби – вот и всё, что удаётся памяти сохранить...»

Каково? И каким языком – унылым и язвительным – писано, но я сейчас приведу цитату, и всё станет ясно: «Женщина здесь так же скучна, как сибирская природа; она не колоритна, холодна, не умеет одеваться, не поёт, не смеётся, не миловидна и, как выразился один старожил в разговоре со мной, «жестка на ощупь». Когда в Сибири со временем народятся свои собственные романисты и поэты, то в их романах и поэмах женщина не будет героинею; она не будет вдохновлять, возбуждать к высокой деятельности, спасать, идти на край света».

Комментируйте сами, я не буду, понимая, что, видимо, получил классик оплеуху от нашей «жёсткой на ощупь», забылся, наверное, барин, что он не с московскими подат-

ливыми «пеструшками» дело имеет, а с сибирячками, которые на своих плечах всю экономику страны во время всякой беды держали, а на край идти им некуда, потому как на краю живут.

Но вот вдруг пробивает моралиста лучом доброты, и он пишет: «Горница – это светлая, просторная комната, о какой нашему курскому или московскому мужику можно только мечтать. Чистота удивительная, ни соринки, ни пятнышка. Стены бе-

Антон Павлович Чехов

лые, полы непременно деревянные, крашенные или покрытые цветными холщовыми постилками; два стола, диван, стулья, шкаф с посудой, на окнах горшки с цветами. В углу стоит кровать, на ней целая гора из пуховиков и подушек в красных наволочках; чтобы взобраться на эту гору, надо подставить стул, а ляжешь – утонешь. Сибиряки любят мягко спать».

Высокая кровать и пуховики – это для тепла, холодны и долги сибирские зимние ночи, и этот уют и тепло создавали наши женщины, которые к прочим заботам успевали нарожать и воспитать по десятку детей.

Кстати, колыванцы гордятся тем, что Чехов проследовал через их город и даже воспользовался услугами почты, о чём и гласит табличка, намертво прибитая к пожухлой стене. Но Чехов проезжал и через Болотное, потом был в Томске и во всех прочих городах, и везде останавливался, менял лошадей, ел, но мы как-то не догадались к придо-

рожному забору прибить табличку и написать, мол, здесь ступала нога Антона Павловича Чехова! Если уж идти дальше, то через Болотное проследовало много известных людей. Например, политические деятели различных государств: Мао Цзэдун, Хуа Гофен, Дэн Сяопин, Ким Чен Ир, Ким Ир Сен, Владимир Ильич Ленин, Иосиф Виссарионович Сталин, Феликс Эдмундович Дзержинский, Михаил Иванович Калинин, Сергей Миронович Киров и многие другие. Писатели: Александр Твардовский, Василий Шукшин, Валентин Распутин, Виктор Астафьев, Михаил Светлов, Александр Вампилов, Николай Рубцов, Михаил Тарковский и многие, многие, многие!

Вы теперь понимаете, почему колыванцы так трепетно оберегают память о приезде Антона Павловича Чехова? Правильно, потому что подавляющее большинство вышеперечисленных персон в Колывани не были, а в Болотном были.

Томские литераторы и потом иркутские остались в крайнем удивлении от чеховского высокомерия и остро пикировались с ним в столичных и местных журналах. И должен сказать, что сибирские острословы ничем не уступали в колкостях столичному мастеру слова.

Но что остаётся неизменным, так это то, что Чехов – великий русский гений слова, классик на века. А Сибирь, что Сибирь, просто она не покорила барскому высокомерию. Сибирь, она требует терпения, силы, товарищества, взаимовыручки и любви – только такие люди способны увидеть и почувствовать всю её нежную и суровую красоту, преданность и глубину сердечных чувств.

ПИСЬМО С ФРОНТА

(об А. Ромашове)

Жил когда-то в Болотном хороший парень. Он мало отличался от своих сверстников, вот только, может, целеустремлённостью и пониманием, чего хочет от жизни. Он начал трудиться монтажником Болотнинского радиоузла, но был замечен районной властью и переведён на комсомольскую работу. Затем учился на двухгодичных курсах подготовки работников народного образования в Западно-Сибирском коммунистическом университете имени Ф. Дзержинского и за одну зиму сдал полтора курса. После окончания университета в 1934 году служил в рядах Красной армии, после демобилизации в 1937 году Александра Яковлевича направили на работу директором Карасёвской средней школы. А накануне войны был назначен заведующим Болотнинским отделом народного образования. На фронт ушёл с первых дней войны и уже в конце июня 1941 года был в бою.

**Александр Яковлевич
Ромашов**

Первое боевое крещение он принял под Псковом. В своём письме к другу, Ивану Хайченко, Александр Яковлевич пишет: «Особенное о нас напишут историки. Без нашей крови и пота, без наших лишений и стонов их предмет будет пресной и монотонной наукой. Именно мы сейчас делаем хронологические зарубки в истории и мы горды этим...

Сейчас нашим фронтом командует Ворошилов. Знали бы вы, с какой радостью мы узнали об этом... Болит душа за се-

Варвара Иосифовна Ромашова – жена Александра Яковлевича

мью. Особенно за мою выносливую и преданную Варю. Этот человек способен пережить любые невзгоды и даже «ах» не молвить. Поэтому, зная её твердый характер, прошу вас, моих товарищей, оказывать ей посильную помощь. Ибо на свете нет большей мудрости, как мудрость товарищеской взаимовыручки...»

Варвара Иосифовна, или Варичка, Вариночка, как её нежно называл Александр Яковлевич. Это о ней он так беспокоился, это её он любил так преданно и нежно, любил больше жизни. «Здравствуй, Вариночка, милая моя! Жив и здо-

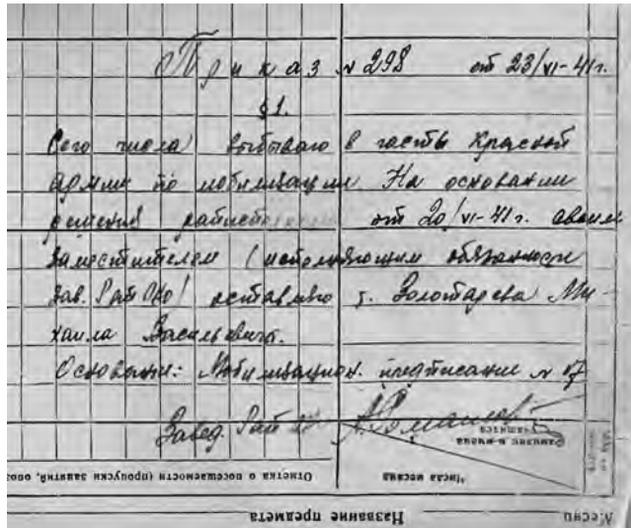
ров... Вчера был рад одному случаю. К нам в полк прибыли сибиряки. Среди них Баяндин и Курицин. С последним ты училась. Есть один из Болотного... фамилия его Гриневич. Знаешь, сибиряки ребята хорошие: из огня всегда вынесут... Целую тебя, моя милая. Твой Сашка».

6 января 1942 года Ромашовым было написано последнее письмо: «Здравствуй, дорогая Варичка, милые дети мои. С сердечным приветом к вам ваш Сашка. Вчера у меня был праздник: партия и командование доверили мне руководство уже батальоном. Это и гордость для вас, и моя гордость, и моё верное служение Родине. Работа моя усложняется, увеличивается ответственность, растут масштабы, но я горд перед моими товарищами и рад тому, что я правильно понимаю партийные задачи и преданно их выполняю. Сейчас вообще перед нами усложнённые задания. К их выполнению мы готовы и ждём лишь сигнала. Когда получишь это письмо, мы уже выполним свой долг, и о нас через радио узнает весь мир. Я готов на всё! Будьте здоровы! Пожелайте мне успехов. Ваш Сашка».

23 февраля ему бы исполнился 31 год. Но в феврале 1942 года политрук Ромашов Александр Яковлевич пропал без вести. В письме он, очевидно, намекает на какое-то очень ответственное задание, которое и стоило ему жизни. В письме чувствуется тоска по дому, понимание всей сложности предстоящего боя и гордость за право умереть за Родину. «Когда ты получишь это письмо, мы уже выполним свой долг» – вот они, прощальные слова перед смертью.

После гибели мужа Варвара Иосифовна так и не вышла больше замуж. Всю жизнь она посвятила своим детям и школе в селе Карасёво, где когда-то работал директором её «Сашка». 30 лет она проработала учителем начальных классов, оставив добрый след в душах своих учеников и их родителей, которые до сих пор вспоминают её с любовью и уважением.

P.S. К письму мы приложили копию приказа, написанного собственноручно заведующим районо А. Я. Ромашовым. Просим только обратить внимание, что решение райисполкома о мобилизации датировано двумя днями раньше начала войны.

СОВЕЩАНИЕ

(о Г. Меркулове)

Георгий Иванович страсть как любил совещания. По роду своей деятельности он курировал целый ряд отделов исполкома, несколько комиссий, комитетов и советов. Раз в месяц он проводил комплексное заседание, на которое приглашалось множество народа и на котором, кстати сказать, достаточно оперативно решались многие организационные вопросы. Благодаря таким совещаниям административно-хозяйственные структуры работали вполне даже сносно.

Кабинет заместителя председателя райисполкома был весьма внушительным, по периметру стояло около сорока стульев, и, как правило, на комплексных совещаниях все они были заняты. В тот день было всё как всегда.

– Товарищи! – встав из-за стола, торжественно произнёс Георгий Иванович и, приспустив на нос очки, пристальным взглядом обвёл всех сидящих. – Наш район, как и весь советский народ, понимаешь ли, готовится к Первому мая, Дню солидарности трудящихся...

Открывается дверь, и входит Юрина – директор Дома пионеров и тоже член множества комиссий и советов. Нина Ивановна оглядывает кабинет: свободен только стул у приставного столика Меркулова. Делать нечего, она садится на него и затихает. Юрина – это её «проходящая» фамилия. Она столько раз выходила замуж за свои неполные пятьдесят, что мало кто знает, какая последняя. Георгий Иванович, нисколько не огорчившись, что его прервали, начал всё заново:

– Товарищи! Наш район, как и весь советский народ, готовится к Первому мая, Дню солидарности трудящихся всего мира, понимаешь ли...

Вдруг прервал свою речь и, приподняв очки, спросил:

– Нина, а ты теперь с кем живёшь-то?

Нина Ивановна подняла голову для ответа, но Меркулов, будто опомнившись, продолжил прерванную речь:

– Нам поручено достойно встретить знаменательную дату...

Георгий Иванович, кажется, никогда не делал ничего преднамеренно, он всегда был самим собой, непосредственным, как ребёнок. И даже этим вопросом он не собирался обидеть Нину Ивановну. Совецание развивалось, как всегда, деловито и бурно: отчитывались присутствующие, отчитывал Меркулов, мирил поссорившихся, сам ссорился.

– Не знаю, – кричал Георгий Иванович начальнику автотранспортного предприятия, – транспорт должен работать, автобусы должны ходить по расписанию!

– Да где же я найду запчасти! – стонал начальник АТП.

– Найдёшь! Езжай – требуй! На борохолку – покупай! Проверю! Так, записываю: возложить контроль за расписанием автобусов, они, понимаешь ли, запчастей не могут найти, на начальника гражданской обороны Седова! Седов! Ты почему не был на прошлом совещании?!

– Так вы же, Георгий Иванович, сами меня флаг на исполком водружать отправили.

Меркулов вдруг обмяк, снял очки и, начав их протирать, заговорил по-отечески:

– Береги здоровье, Иван, а то всё женщины да женщины, поростратишься...

– Какие женщины?! – Пунцовый Седов не знал, куда деть вдруг выросшие руки. – Вы же меня сами послали!

– Так я тебе и говорю, не ростирачивайся, береги здоровье, а то всё женщины и женщины.

Седов сник, но всё-таки выдавил из себя:

– Да вы же сами послали...

– Вот я и говорю, беречь себя надо. Тут молодёжь, – Меркулов кивнул на нас с Сашей Федыко, – недавно анек-

дот мне рассказала, про нашего туриста во Франции. По-знакомился, значит, наш турист с французской бабёнкой, ну, и в кусты её, понимаешь ли, как у нас принято. Ты слушай, Седов, слушай, тебе рассказываю. А она его к себе домой, как у них принято. Она в душ пошла, как у них принято, а наш турист – носки на батарею, как у нас принято, понимаешь ли. Легли, значит, они, – ты слушай, Седов, слушай, как было-то, пригодится, – а тут звонок – муж её пришёл. Она, значит, знакомить хотела, как у них принято, а наш – с девятого этажа, понимаешь ли, как у нас принято.

Меркулов смеялся громче всех. После, расслабленный и довольный собою, сел в кресло.

– Мы, товарищи, должны опровергнуть доверие райкома партии и достойно... Нина, а ты на каком этаже живёшь?

Юрина нервно дёрнулась, но ответила:

– На первом, Георгий Иванович.

– Хо-ро-шо. Хорошо, что погода позволяет провести субботник, снег растаял, понимаешь ли, да, активизировать надо профсоюзы. Профсоюзы должны возглавить субботник. Да, и это правильно!

– Георгий Иванович, можно вопрос?

Замполит райотдела милиции Гуфистов аж заёрзал на стуле. Давно поговаривали, что именно Гуфистов займёт кресло Меркулова, когда тот уйдёт на пенсию. А слухи, как правило, сбываются, и потому, наверное, они ревностно относились друг к другу.

– Зодай, Николай Дмитрич.

– Если в милиции нет профсоюза, так что мне теперь, и в субботнике не участвовать?

Меркулов опустил голову и задумался. Мёртвая тишина в кабинете. Все прекрасно поняли, зачем этот вопрос, Гуфистов и не скрывал, довольный, улыбался. Неожиданно Меркулов вскочил и, указывая пальцем на Гуфистова, закричал:

– Этот вопрос, Николай Дмитрич, я принимаю как провокацию! Профсоюза у вас нет. А вот мусор найдётся.

Всё! Все свободны, остаётся промышленный комитет. Седов, через час у нас заседание комиссии по вензаболеваниям, перекури и не опаздывай.

Ошеломлённый Седов замер у дверей.

– Георгий Иванович, так я же не в комиссии.

Меркулов напрягся, густые брови сползли к переносице, но вдруг он добродушно глянул на Седова и развёл руками:

– А, ну тогда извини.

Зря Седов не остался, через пару месяцев он лечился от какой-то заразы. Об этом весь наш район знал. Кстати сказать, в маленьких городках, районах, как в деревне, нет тайны вклада, тайны следствия, и вообще никаких тайн нет.

Тем временем, после короткого перекура, комплексное совещание продолжилось в несколько обновлённом составе. Меркулов поприветствовал вновь прибывших, кашлянул в кулак и бодрым голосом продолжил:

– А теперь я хотел бы поговорить о работе нашей промышленности...

В это время из оправы его очков вывалилось стекло и с грохотом упало на стол. Меркулов схватил его, вставил обратно в оправу и продолжил, но уже чуть злее:

– Наша промышленность, понимаешь ли!

Директора, кому довелось тогда присутствовать, втянули головы, и их легко можно было узнать по коротким шеям.

– Вот сидит товарищ Дрязгин, молкомбинат. Готовят кефир. Хороший кефир готовят...

Вновь вываливается стекло, Меркулов судорожно хватает его и, уже не снимая оправы, вставляет на место.

– Я вчера зашёл в магазин, – с напором продолжил Георгий Иванович, – купил бутылку кефира.

Директор молкомбината побагровел и насупился.

– Пришёл домой... открыл... – в кабинете гробовая тишина, – пивнул!

Все боялись даже шелохнуться.

Слева направо: Т.И. Трубеко, Н.Н. Стерехова, Г.И. Меркулов, Л.С. Третьяков. Вручение подарка Г.И. Меркулову в связи с сорокалетием Победы. 6 мая 1985 года

– А он – кислый! – На лице Георгия Ивановича была неподдельная обида. – Как это понять? А? И мне пришлось его вылить! – воскликнул Меркулов, подняв палец вверх.

Все взгляды сидящих устремились на потолок. Георгий Иванович сам посмотрел на свою руку, понял, что заговорился, и вдруг, резко опустив палец вниз, закончил:

– В раковину!

Все разом опустили головы, посмотрели в пол, куда показывал Георгий Иванович, и с облегчением вздохнули, а багрянец переключал от директора молкомбината на лицо председателя райпо, который, как теперь выяснилось, проквасил прекрасный кефир местного производства.

После долгого и непростого разговора о работе местной промышленности значился не менее трудный вопрос подготовки к зиме. Совещание продолжалось.

– Как у нас говорят, летом готовь сани, а зимою телегу ремонтируй. Вот и поговорим о подготовке котельных к зимнему сезону.

Меркулов задумался, видимо, уже и сам сильно устал или в наших глазах просьбу о пощаде прочёл, но вдруг решил свернуть этот вопрос.

– Вот есть список ответственных лиц, утверждённый исполкомом районного Совета. Да, я его зочитывать не буду, словом, котельные в сёлах должны быть подготовлены к первому июня.

Гул негодования в кабинете.

– У кого иная точка зрения, кто не согласен с мнением первого секретаря райкома партии? – поднял строгий взгляд Меркулов.

Все молча уставились в розданные графики сдачи котельных.

– Ну вот, все согласны. Хо-ро-шо! Обращаю ваше внимание на важность этого вопроса, завтра же езжайте по котельным и возглавьте ремонтные работы, и пока эти работы не начнутся, не возвращаться! Есть вопросы?

Встал Гуфистов.

– А вот у меня вопрос.

– По существу или по субботнику?

– По котельным, Георгий Иванович.

– Давай, Николай Дмитрич.

– А вот если там долго работы не начнутся, что, мне и заночевать там можно?

Георгий Иванович прищурил глаза на Гуфистова и скомаандовал:

– Женщины свободны, мужчинам остаться. – И, не дождавшись, пока женщины покинут кабинет, начал отвечать: – Я вот что по этому поводу думаю, Николай Дмитрич... если могёшь – оставайся.

В тот день большого совещания я уходил от старика последним. Георгий Иванович хлопнул на прощание меня по плечу и сказал:

– Иди, сынок, работай, если что – скажи, я за тебя руки выверну. – Подумал, смахнул старческую слезу и продолжил: – Ну а если это баба будет – то ноги.

ПАРОДИСТ

(об А. Федюке)

А нам понравился розыгрыш, и я тут же предложил Сашке научиться говорить голосом первого секретаря райкома партии Николая Демьяновича – чистокровного Бурдыко со специфическим украинским говорком.

Сколько же добрых дел мы совершили в нашем районе! Голосом Георгия Ивановича заставили дорожную службу завалить большую яму около железнодорожного вокзала; у моего подъезда теперь всегда работало уличное освещение; но самое, наверное, великое – это когда голосом Николая Демьяновича мы поставили вопрос перед исполкомом об открытии спортивной школы. И ведь струхнули наши чиновники, добились в области финансирования и построили школу. Правда, стройка шла лет десять, но теперь это и неважно. Мало кто знает, что в действительности стало причиной такой заботы о детях.

В какой-то момент мы обнаглели и порою уже на спор с кем-нибудь решали хозяйственный вопрос. Наши друзья шалели от догадок, пытались выяснить причину столь мощного влияния на хозяйственные структуры города, но мы, естественно, молчали.

Но самый дерзкий подлог мы совершили чуть позже. Приехал к нам в город большой областной чиновник. И так получилось, что наши первые руководители и этот самый чиновник неслабо выпили, а тут ещё жара, вот и разморило их. Видели мы их на вокзале, чиновника с трудом загрузили в вагон, а наши – первый секретарь и председатель райисполкома – пошли, обнявшись, к машине.

Я выкрал у Маринки фирменный исполкомовский бланк и напечатал на нём письмо от имени председателя

исполкома тому самому чиновнику из области с просьбой выделить автомобиль ГАЗ-51 для нужд детского дома.

С этим письмом я побился к чиновнику на приём и положил письмо перед ним со словами, что вот, мол, был разговор – когда вы приезжали к нам в гости, обещали машину.

Чиновник читал письмо, сопел, но, видимо, вспомнить такой разговор и своё обещание не мог.

– А что Николай Демьянович? – осторожно спросил он.

Мне же терять было нечего: или пан, или пропал, рублю уверенно:

– Он и послал, но письмо от председателя райисполкома. Сами понимаете, партия не может просить.

Я боялся одного: чтобы только этот чиновник не позвонил к нам в райисполком.

– Да... – задумчиво вздохнул тот и чуть ниже подписи в письме начертал: «Для обязательного исполнения» и размашисто расписался.

Машина долго служила детскому дому, а моя подпись до сих пор очень похожа на подпись председателя райисполкома. На всю жизнь память о нашей шальной молодости.

К сожалению, мы многое не успели сделать. Однажды позвонили директору промкомбината голосом Георгия Ивановича и вдруг в трубке услышали изумлённого директора:

– Георгий Иванович, здесь звонят и говорят, что это вы!

Через секунду в телефонной трубке гремел меркуловский голос:

– Ал-лё, это кто говорит?

Мы бросили трубку и трусливо сбежали с работы. Долго бродили по городу и всё рассуждали: догадается или нет?

Догадался.

Утром Маринка передала распоряжение Меркулова явиться к десяти и строго добавила: «Без опозданий». Сердце ушло в пятки, но пульсировало почему-то в ушах. Обречённый явился в приёмную загодя и пытался выяснить, по какому случаю вызван.

– Не знаю, – пожала Маринка плечиками.

– Ну, а как настроение у старика? – не мог успокоиться я.

– Не очень, – авторитетно заявила Маринка, тряхнула легкомысленными завитушками волос на висках и принялась звонить по телефону.

Зашёл я к Меркулову, мужественно скрывая трусость, решил отрицать всё, клясться, если потребует.

Георгий Иванович, как обычно, приспустил очки на нос, оглядел меня и очень добродушно ответил на моё «здрасте»:

– Зоходи, дорогой, зоходи, – показал на стул у приставного столика. – Бери, содись рядом.

Я взял стул и сел сбоку его стола.

– Ближе, – он приподнялся вместе с креслом и сдвинулся на угол своего огромного стола.

– Сюда, что ли? – уставился я на старика.

– Ну да, кнопку довить будешь, Моринку вызывать.

На стене на уровне стола за креслом Георгия Ивановича была маленькая беленькая кнопочка звонка в приёмную и рядом такая же маленькая розетка для радио.

– Я, понимаешь ли, вчера довлю, довлю, а Моринка не идёт. И что, думаю, не идёт, глядь, а я розетку довлю.

Беда...

Я сел рядом с Меркуловым и понял, что нашим проделкам пришёл конец. Дед решил наказать меня с особой жестокостью.

– Дови, – приказал Меркулов.

Я нажал кнопку, и уже через секунду Маринка торчала на пороге, вопросительно-недоумённо глядя то на меня, то на Меркулова.

– Приглошай, пускай зоходят.

Меркулов повернулся ко мне:

– Мы сейчас совещание по благоустройству проведём. Ты веди, а я шалить буду, – и он пододвинул ко мне стопку бумаг.

– Так я не знаю повестки!

- Благоустройство.
- Георгий Иванович, я не могу, это...
- Могёшь! Ты всё могёшь!

Я корчился, путался, проводил совещание, Меркулов мне помогал. Через час я был выжат, как хорошо скрученная тряпка.

– Ты понял, сынок, что наскоком у нас ничего не делается? – спросил Георгий Иванович после совещания, глядя мне в глаза.

- Да, – ответил я.
- Ты понял, сынок, что во всём у нас есть план?

Я молча опустил голову.

- Ну и хорошо, иди.

На следующий день райцентр проснулся с ошеломляющей новостью, что место Меркулова после его ухода на пенсию займу я.

БОМЖ НА СЦЕНЕ

(о Н. Бурмаке)

Театр – тема заезженная. Знаменитые актёры каждую неделю с экрана телевизора травят байки из своей театральной жизни, и складывается впечатление, будто у них, что ни спектакль, то обязательно умора и конфуз. Но не будем оглядываться на великих, я не претендую на мхатовские высоты, нам своей славы за глаза хватило. Более того: на то, что мы могли творить на сцене нашего театра, в Москве в те советские годы смельчаков и не находилось.

Судите сами.

Идёт концерт, посвящённый передовикам производства. В первых рядах, как повелось, сидит весь райком, райисполком и прочее начальство нашего города и района. Я, Сашка Федько и Колька Бурмак – он в милиции работал криминалистом – ждём за кулисами своей очереди показать сцену из спектакля «Слуга двух господ». Труффальдино играл Бурмак, чистокровный бурят с характерным круглым и узкоглазым лицом, но пронырливого итальянца он изображал просто гениально.

Стоим курим; курить за кулисами нельзя, но мы уже были во Дворце культуры на уровне «заслуженных» и «народных» артистов, нам даже замечания не решались делать. Вдруг Колька и говорит:

– Мужики, я сценку придумал, зал на уши поставлю, толпа будет визжать и плакать, так что литрык с вас.

Я глянул в зал, битком набитый передовиками производства, глянул на сцену, где выступал камерный хор районной больницы, оценил обстановку. Тёмненький кудрявый пианист убивался над инструментом, хор тянул

слаженно, будто баржу по илистой реке, зал белел сотнями скучающих лиц.

– Нет, Колёк, – сказал я Бурмаку, подведя итоги наблюдения, – до визга эту публику не раскачать.

А Бурмак упёрся: поставлю на уши, я не я буду, так что готовьте беленькую. И мы распорились не на шутку. Дело молодое, озорное, горячее – ударили по рукам и разбежались. Пока Бурмак гримировался для своей придуманной сценки, предстояло выполнить кое-какие поручения: я должен был найти полмешка пустых бутылок, а Сашка – шапку-ушанку и старую фуфайку. Не знаю, где Санька раздобыл фуфайку, но мне собрать в выпрошенный у технички мешок пустые бутылки в фойе и урнах не составило никакого труда.

Забрав у нас инвентарь, Бурмак загадочно подмигнул:

– Ждите, скоро увидите, литряк мой. Топайте в буфет, не теряйте время.

Мы не спешили потратить свои скудные финансовые ресурсы и остались за кулисами. Камерный хор утомил зал и потому покидал сцену под бурные аплодисменты, переходящие в овации, но стоило ему попытаться вернуться на крикнутое кем-то в шутку «бис!», зал аж затопал ногами. Аплодисменты не всегда плата за удовольствие.

Конферансье Серёжа начал объявлять, как всегда, с подвыванием:

– Следующий номер нашей программы...

**Николай Бурмак на работе
в райотделе милиции**

Николай Бурмак (справа) на сцене ДК им. Кирова. 1975 год

В это время крышка люка из подвала, который иногда использовали как суфлёрскую будку, неуверенно встала на ребро и с грохотом шмякнулась об пол. Зал вздрогнул, впрочем, и мы стояли, вытаращив глаза на клубы поднимающейся пыли. Никогда не подозревали, что на сцене может быть столько пыли. Серёжа-конференсье от испуга засучил ногами, ретируясь к краю сцены, — очень было похоже на танец маленького лебедя.

А тем временем из квадратного отверстия на сцену вылетела пустая бутылка и, упав, покатилась. По залу прошёл ропот недоумения. А из люка вдруг появилась шапка-ушанка, затем мужик вытянул полмешка пустых бутылок и шумно поставил их на сцену. Зал сконфузился и зашуршал. Серёжа-конференсье опрометью кинулся вон, чуть было не сбил нас, промчался дальше, и уже в коридоре мы услышали его истошный голосок:

– Милицию! Быстрее милицию!

Тем временем загримированный так, что и мы не сразу узнали, Коля Бурмак вылез из люка, поймал откатившуюся бутылку, сунул в мешок, мешок закинул на плечо и повернулся к залу. Он удивлённо таращился на зрителей, зрители на него. Наконец Коля преодолел паузу и сказал зачарованным голосом:

– Ха, мужики, а вы чё тут делаете?

Зал молчал, будто и не было там четырёхсот человек.

Коля, слегка покачиваясь, побрёл к боковому спуску со сцены в зал. На задних рядах кто-то крикнул:

– Надо милицию вызвать!

– Чего?! – с угрозой спросил Коля.

Зал трусливо замер в ожидании.

Коля подошёл к пожилому седовласому мужчине, который сидел с краю на пятом ряду, и спросил его, но так, что слышал весь зал:

– Папаша, а ты чё ждёшь?

В мужчине я узнал самого интеллигентного человека нашего города – редактора местной газеты. Тот поправил очки и замахал рукой:

– Выходите, пожалуйста, здесь концерт. Идите, идите, там выход.

– А чё показывают? – Коля пьяно качнулся, мешок на плечах мотанул его, и он уселся на колени к крупной даме, нечаянно сбив с неё лисью шапку. Дама охнула и вдруг завизжала, но по проходу уже стучал коваными сапогами милицейский наряд.

Началась борьба, зал безмолвствовал, наблюдал брезгливо и стыдливо: конфуз – в зале первый секретарь райкома партии, директора Дворца культуры можно считать уже снятым с работы, а заведующая отделом культуры в лучшем случае отделается выговором. Не знаю, думал ли кто-нибудь в те секунды об этом, но я почему-то подумал именно так.

Бутылки разбились, Коля сопел, но мешок не выпускал. Наконец-то с Бурмаком справились и выдворили в фойе, протаскивав волоком за ноги через весь зал.

Народ вдруг вышел из комы и заговорил возмущённо и негодуяюще:

- Кошмар!
- Ужас!
- Как он здесь оказался?!

Минут пять зал бушевал негодованием, но вот на сцену вышел трясущийся и бледный Серёжа-конфёрансье, мучительно делая вид, что ничего не произошло, и произнёс:

- Следующим номером нашей программы...

Из-за кулисы появился Бурмак, на его лице уже не было усов, милиционеры его узнали ещё в фойе и отпустили. Но, видимо, во время потасовки ему кто-то успел-таки заехать под глаз. Серёжа-конфёрансье аж присел от неожиданности – думаю, что он почувствовал себя в клетке со львом. Бурмак остановился около рампы, снял ушанку и низко поклонился публике.

Зал оцепенело молчал.

Коля отошёл на два шага назад и вновь поклонился в пояс.

Аплодисменты и рёв сотни глоток чуть не смели Бурмака со сцены. После оваций публика не могла угомониться, и потому пришлось объявлять незапланированный антракт.

Мы с Сашкой пошли за водкой. Наша сцена из спектакля была отменена: Труффальдино не мог появиться на сцене с заплаканным глазом и распухшим носом.

СТИХИЯ

(об О. Титовой)

Боевой дух проявился с рождения! Этим отличался весь Бибеевский род Титовых, все, кто родился на этой благословенной болотнинской земле. Оля дралась со всеми, кто пытался ущемить её свободу, Валера защищал младшую сестру, потому что «старшой». И всем скоро стало ясно, что на свет народилась «стихия», с которой что-то надо делать. А делать особенно было некому, потому что папа – лётчик-истребитель морской авиации, боевой герой и орденосеиц, а мама под стать папе – боевая радистка, и если для всех война как бы кончилась победой над фашизмом, для родителей она продолжилась и в Корее, и во Вьетнаме, и потом в Египте. Семья на тот переломный момент оказалась в Новосибирске, и справиться с детьми помог учитель физкультуры школы № 40 Ленинского района Иван Максимович. Его приговор тогда, ещё в 1961 году, обжалованию не подлежал:

– В спорт, – сказал он родителям, – на стадион! У детей характер чемпионов.

Что Оля, что Валерий перешагнули нормативы юношеских разрядов за лето: Оля в толкании ядра и метании диска, а Валерий в метании копья. Все эти виды относятся к высокотехническим – только силой не справиться, нужно подключать голову. И дети владели этим счастливым потенциалом.

Скоро Валера стал чемпионом Новосибирской области, потом выиграл чемпионат России по метанию копья среди школьников и сделал неожиданный ход – ушел в десятиборье. Все легкоатлеты знают, что десятиборцы – спортсмены штучные, потому что в зачёт идут суммарные баллы по десяти дисциплинам: 100 метров, толкание ядра, мета-

Ольга Титова

ние диска, метание копья, бег на 1500 метров, прыжки в длину и высоту, бег с барьерами на 110 метров, прыжки с шестом и бег на 400 метров.

У Оли всё складывалось не столь романтично. Она, что называется, «поймала» технику метания диска, и брат, видя её успехи, с благословения первого тренера привёл её за руку к заслуженному тренеру России знаменитому Юрию Ивановичу Гусеву. Тренеру необычайного таланта, маленького роста,

но твёрдого характера, который держал в ежовых рукавицах людей неуёмной энергии, направлял эту энергию в мирных целях и помогал каждому подопечному становиться личностью. За спиной, но очень уважительно его звали Шеф.

Норматив мастера спорта школьница Оля выполнила через три года, в 1964 году. А потом посыпались победы как горох: спартакиада среди школьников России в Москве, спартакиада школьников СССР в Минске.

Красивая, миловидная белокурая девушка метала диск за отметку 62 метра, отчего не ожидавшие такой прыти судьи в поле разбегались от свистящего снаряда в разные стороны. После преодоления 18-летнего рубежа пошла череда международных соревнований: памяти братьев Знаменских, Юбилейная спартакиада народов СССР, Кубок Европы в 1967 году в Киеве, на котором Оля заработала серебряную медаль. В эти же годы у неё появилось прозвище Зуська, потому что Оля удивительно была похожа на польскую актрису Полу Раксу, сыгравшую роль Зоси в популярном в те годы одноименном фильме.

Мастером спорта международного класса Ольга стала в 1967 году и отправилась на Всемирный фестиваль молодёжи и студентов в Софию, где подтвердила высокое звание и стала чемпионкой фестиваля в метании диска, показав результат лучше, чем Тамара Пресс на Олимпийских играх. В 1967 году Ольга становится членом сборной команды СССР по лёгкой атлетике, но юный возраст не дал ей возможности поучаствовать в Олимпийских играх.

Пока ехали в Софию, придумали спортсмены мериться с Олей силой на руках, и тут обнаружилось, что у нашей красавицы нет достойных соперников. В вагон заходили всё новые соискатели победы над девчонкой из Сибири и были посрамлены, в это число вошли самые отчаянные легкоатлеты разных специализаций, баскетболисты, даже несколько смелых хоккеистов пытались победить девчонку из Бибеева. Когда слава о сибирячке дошла до хмельного вагона с артистами, с чемпионкой решил сразиться артист театра «Современник» Олег Табаков. Когда его поверженная рука легла на стол, он сказал, что это не считается, мол, не успел подготовиться; вторая и третья попытка оказались столь же стремительно проигранными. Говорят, что артист отчаянно и обиженно гулял до самой Софии.

Ольга Титова на стадионе «Локомотив», г. Новосибирск

В этом же поезде Ольга встретила с другим знаменитым спортсменом из Болотного, тренером Спорткомитета СССР по тяжёлой атлетике Юрием Анатольевичем Сандаловым. Он специально пришёл к ней в вагон, чтобы познакомиться с легендарной землячкой.

Валерий закончил спортивные выступления и после окончания техникума физкультуры стал судьёй республиканской категории и надолго связал свою жизнь с хоккеем с мячом.

Рекордсменкой мира Ольга Титова стала в Берлине в 1968 году, а в 1973 году закончилась короткая, но яркая спортивная жизнь спортсменки. Ольга вышла замуж и стала Ольгой Богинской, ждала первенца. Жизнь продолжалась, на свет рвалась новая неуёмная «стихия».

ТЁТЯ СТЕША

На лыжной базе, на той единственной базе «Локомотив», которая пристроилась под косогором у самого уреза водокачки, жила тётя Стеша – женщина добрая, сильная, одинокая, с огромным родимым пятном на лице. Вот такое несчастье у человека, а для женщины особенно горестное. И свербит меня вопрос: откуда же такая несправедливость? Почему доброте с красотой так трудно встретиться? И чего же она, красота эта, всё по злюкам-змеюкам шастает? И почему человеку, чтобы доброту понять, надо горя хлебнуть, несчастья отведать, беду встретить?

База разместилась удобно – шаг шагнул, вот и мосток, с которого дамба начиналась, а под мостиком сливной канал, перегороденный шандорой из толстых горизонтальных листовых плах, которые, зажатые в пазах направляющего вертикального рельса, держали тысячи тонн воды. А поверх шандоры катила ровным валом лишняя вода...

Так было всё лето, но в дни обильного весеннего снеготаяния молодая и сильная вода меняла свой ровный нор: она клекотала, бесновалась, нахраписто и злобно набрасывалась на бетонную дамбу, беззубо кусала оголившуюся местами арматуру и в конце концов, уместившись в бетонном проёме сливного канала, летела вниз с трёхметровой высоты, ударялась о деревянный настил и, по-змеиному шипя и розово пенясь, скрывалась в зарослях грязного и ломаного ивняка. Тут же, недалеко от шандоры, у береговой отмели лодочная станция – сарай с амбарным замком, в котором хранились вёсла и спасательный круг; когда начиналась смена, тётя Стеша вывешивала спасательный круг на уличной стороне сарая. Рядом, но чуть в стороне, деревянный помост, удобно спускающийся под воду, к нему подтянуты упругой цепью лодки. Они, будто пойманная

рыба, нанизанная на сучок неровными связками, слегка покачиваясь и тоскливо потираясь боками, лежали у причала. Лодки с деревянными бортами, но с лёгкими боками из толстого шпона, – и все аккуратно пронумерованы.

С утра выстраивалась очередь, и тётя Стеша выдавала вёсла, записывала в журнал, отрывала билет, как в трамвае, а когда человек отказывался его брать, рвала и кидала в мусорное ведро. Членам Добровольного спортивного общества «Локомотив» лодки выдавались вне очереди. Поэтому членами ДСО «Локомотив» хотели стать не только железнодорожники.

Детвора часами могла смотреть на водопад сливного канала, бросать щепки и наблюдать их несчастную судьбу. Да что детвора, редкий прохожий имел силу пройти равнодушно мимо шумного водопада; иная баба, и та, перегнувшись через перила, любовалась блестящим водяным языком, мол, вот бы мне такой, всех бы переговорила, никогда б не умолкла!..

Много встретил я людей разных, и с характером, и с необычной судьбой, много прочитал книг, но всегда вспоминаю тётю Стешу, если речь заходит об отзывчивости и доброте.

Как-то при ней я пожаловался на головную боль, которая донимала беспощадно и каждый день. Она остановилась напротив, глянула мне в глаза, будто проверяя, а не пришла ли мне в голову мысль обманывать людей, потом показала палец и попросила, чтобы я смотрел на него, отвела его в сторону, а потом заключила:

– Приходи после семи, полечу, раньше не могу, у меня база до семи работает.

Я пришёл из любопытства, а что же будет потом, после вот этих манипуляций перед глазами. Но и не только из любопытства, я уже слышал от людей о её знахарских способностях. Лечение она начала не мешкая: взяла уже приготовленный шнурок, приставила один конец к моему лбу, а вторым завела сбоку за затылок с одной стороны, а потом с другой.

– Сотрясение у тебя, милоч. Вспоминай, когда упал или ударился. Лечить будем.

Лечить начала тут же. Обернула мою голову скрученным в жгут ситцевым платком, в узелок вставила палочку и стянула до такого чувства, что я думал: ещё секунда, и моя голова лопнет, как раздавленное куриное яйцо! Собственно, я ей об этом своём ощущении и сказал.

– Сиди уж, – улыбнулась она, – вылечим мы твоё куриное яйцо, но потерпеть надо. Мужик ты или не мужик? – И ушла.

Я сидел и через окно видел, как мой лечащий врач ходила с ведрами воды, потом колола дрова. Более нелепой ситуации я не мог припомнить. Доктор уже мёл двор, а пациент всё сидел с намертво скрученной головой. Полчаса длилась эта пытка, когда она наконец-то вошла. Я сделал вид, что не обижен, мне просто уже хотелось быстрее уйти и не успеть за это время наговорить человеку гадостей. Я ушёл, небрежно буркнув «спасибо».

Утром я собрался на работу и только уже по дороге понял, что у меня не болит голова. Когда я пришёл к ней на вечерний сеанс, она опять меня измерила шнурком и только сказала:

– Вот что значит хороший организм и мужество, а то вечно мужики стонут.

Потом уложила на спину и, пристроившись у моей головы, взяла её в руки и, мягко манипулируя, стала слегка сжимать с разных сторон, а потом, довольная, хмыкнула:

– Хорошие косточки, мягкие, податливые.

– А что вы делаете? – поинтересовался я.

– Косточки разминаю, чтоб подвижными были меж собой, – она встала и светло, даже как-то блаженно улыбнулась. – Вот и всё. Ко мне можешь больше не приходиться.

Я предложил ей деньги, она отказалась.

– Медицина у нас, молодой человек, бесплатная.

И тогда я приволок ей со станции, с первой разгрузки, крупный астраханский арбуз. А она, увидев его, вместо того

чтобы обрадоваться, начала сетовать и беспокоиться за мою спину. Но арбуз приняла с благодарностью.

Жила она совсем одна, но я знаю, что приходили к ней мужики – тут же насосная станция была, которая воду на станцию для паровозов качала. Зайдёт, бывало, кочегар от безделья и водки и эдак гусаком пред нею пройдётся, вот, мол, пришёл осчастливить тебя. А она с понимающей усмешкой спросит:

– Ты как, нужду справить или серьёзно поговорить хочешь?

Уважали за серьёзность её кочегары, о своих бесславных походах сами же и рассказывали, стойкой бабой гордились, потому и помогали: за водой с флягами ходили, дрова кололи, уголь в углярку загружали за так, из уважения к человеку.

Прошло много лет, очень много, нет в живых тётки Стеши, уже нет лодочной станции и лыжной базы «Локомотив», но осталась память о доброй женщине, и я понимаю, что и в благодарность, и в память я должен написать о ней, чтобы люди одни вспомнили, а другие узнали про тётю Стешу и порадовались, что такой человек жил среди нас, ходил с нами по одной земле, дышал одним воздухом, только вот фамилии её теперь уже никто не помнит.

Квартиру тётке Стеше, уже по старости, выделили железнодорожные власти, и она с радостью переехала жить в заливную часть Болотного. С тех пор я больше её не видел.

ГОСТРЕНЕР

(о Ю. Сандалове)

Вдалёком 1939 году в Болотном в доме № 1 на улице 2-й Кондукторской родился Юрий Анатольевич Сандалов, будущий заслуженный тренер СССР, заслуженный работником физической культуры Российской Федерации.

Учился Юрий в 23-й школе, которую успешно закончил в 1958 году. Мы попытались восстановить фамилию директора школы тех лет, но дети запомнили только его прозвище – Рашпиль.

Спортивная жизнь Юрия Анатольевича началась в Болотнинском бору в компании известных лыжников Вениамина Калабина и Лидии Евстафьевой.

В институт с первой попытки попасть не удалось, и тогда по решению семейного совета, чтобы не терять год до армии, Юра поступает в профтехучилище № 14, заканчивает его, получив профессию экскаваторщика. В армию Юрий ушёл, выполнив норматив первого спортивного разряда.

Служить Юрий Анатольевич отправился во Владивосток, в морскую авиацию. Именно в армии повстречал тяжелоатлета с Украины, с которым и начал усиленные тренировки. Когда сослуживец демобилизовался, то оставил Юрию книгу Николая Лучкина по тяжёлой атлетике, по которой Юрий продолжил тренировки. В 1961 году Юрий

Юрий Анатольевич Сандалов

Анатольевич поступил в Московский институт физкультуры, в 1965-м окончил его.

Ю. А. Сандалов посвятил тяжёлой атлетике без малого половину столетия. Начав свою карьеру в качестве младшего, а затем став старшим научным сотрудником Всесоюзного научно-исследовательского института физической культуры, он затем перешёл на тренерскую работу и достиг на этом поприще значительных успехов, приняв участие в подготовке нескольких чемпионов Олимпийских игр, мира и Европы. С 1975 по 1992 год он являлся государственным тренером по тяжёлой атлетике сборной команды СССР, а с 1992 по 2000 год – сборной команды Российской Федерации.

Длительное время являлся первым вице-президентом Федерации тяжёлой атлетики России. В 1980–1992 годах состоял членом Технического комитета Международной федерации тяжёлой атлетики, а в 2008–2012 годах – вице-президентом Европейской федерации тяжёлой атлетики.

Ю. А. Сандалов – судья международной категории по тяжёлой атлетике, в качестве арбитра и руководителя делегации он принял участие в девяти Олимпийских играх.

Кроме того, Ю. А. Сандалов – кандидат педагогических наук, автор ряда научных работ, которые получили высокую оценку спортивных специалистов.

Заслуги Ю. А. Сандалова в деле подготовки отечественных тяжелоатлетов мирового уровня отмечены медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени и медалью «За трудовую доблесть».

ПОКРОВ ДЕНЬ

(о В. Калугине)

С Калугиным я познакомился во дворе Литературного Института, что на Тверском бульваре. Он стоял в кругу студентов, его задорный смех «от души» немного удивил и понравился. Может быть, потому, что я сам смеюсь громко, меня успокаивало очевидное: этот недостаток не только мой. Я подивился, что не был знаком с ним, хотя ничего удивительного, всего вторая сессия. Прозвенел звонок. Помню, то было первое занятие по практической грамматике, я по школьной привычке широко разместился на последней «парте». Растворилась дверь, на пороге появился Калугин. Я замахал рукой и позвал: «Старик, подгребай, отсюда видней». «Старик» вдруг смутился, прошёл на кафедру, ответил: «Мне здесь удобнее будет вести урок». Студенты рассмеялись.

Василий Васильевич попытался сбить нашу весёлость, вызвал меня к доске. Я сделал необходимые ошибки, и следующие годы учёбы прошли в тяжёлом единоборстве с грамматикой, но я завоевал, увы, не знания, но уважение.

С Калугиным наладились отличные отношения, какие только могут быть у преподавателя и студента. На четвёртом курсе я, рассерженный на своих литературных оппонентов, пришёл на кафедру, встретил там Василия Васильевича и потребовал стилистического анализа своих рассказов. Рассказы Калугину понравились, и он рекомендовал плевать на всех и не обращать внимания на «происки врагов». С тех пор я равнодушен к критике.

Объём институтских заданий на год физически невыполним, поэтому мы, уже опытные студенты, выбирали, как нам казалось, самые важные и нужные предметы, изучали их, а остальные – только бы сдать экзамен. Учебник

стилистики я не открывал весь семестр. Ну, во-первых, потому что предмет сам по себе замороженный, а во-вторых, стилистику принимал Калугин. И, что греха таить, после столь лестного отзыва о рассказах я чувствовал себя «классиком». А зачем «классику» стилистика?

За несколько дней до экзамена, как опытный студент, я подошёл к Василию Васильевичу и наплёл невесть что про трудности жизни. Растроганный моей историей, преподаватель вынул из портфеля конспекты лекций, вручил мне: так он, наивный человек, пытался помочь. Но дело было сделано: студент подготовил почву и уронил семя надежды. Лекции Калугина взахлёб читались однокурсниками, вдруг обнаружившими жажду знаний, а я готовился к следующему экзамену. Правда, стоит признаться, накануне что-то дрогнуло во мне, и я выучил пятый билет – так, на всякий случай.

И вот экзамен! Я – один из первых, захожу в аудиторию, смело беру билет, сажусь, готовлюсь. Сценарий был продуман заранее и позволял с честью выбраться из трудного положения не только мне, но и преподавателю.

Праздник начался. Я перед Калугиным вещаю содержание пятого билета.

– Позвольте, – вдруг прерывает мою песню Василий Васильевич, – Николай, а какой у вас билет?

– Пятый, – не моргнув глазом, отвечаю я.

Калугин глянул в свой блокнот.

– Николай, у вас двадцать седьмой билет.

Так классно придуманный сценарий рушился на глазах, я чуть слышно попытался исправить положение:

– Какая разница, Василий Васильевич, это же не принципиально, поставьте мне троечку, и делу конец.

Калугин опешил. С трудом, честно сказать, не сразу, но наконец он понял, что о стилистике говорить со мною не надо.

– Хорошо, Николай, отложим билет, в конце концов, это действительно не принципиально. Расскажите тогда, как вы понимаете...

– Боже упаси, Василий Васильевич, – шёпотом возопил я. – Да поставьте же мне тройку!

Калугин надолго задумался. Я пододвинул к нему свою зачётку.

– Поставьте троечку, – смиренно, преодолевая позор, со стыдом и мольбою заканючил я.

– Хорошо, – вдруг очнулся Калугин, – в конце концов, главное – сдать экзамен. – Он наклонился над зачёткой и написал: «отл».

– Ты что делаешь! – вырвалось у меня.

– Вы, Николай, хотели оценку. Вы получили что хотели.

Если бы мы были в кабаке и пьяные, я бы его ударил. Я встал и вышел вон. Трепещущие студенты кинулись ко мне, выхватили раскрытую с невысохшими чернилами зачётку и, как лёгкие пощёчины, зашелестело:

– «Отлично», «отлично», Калугин поставил «отлично»!

В тот день я поклялся выучить стилистику. Прошли годы, но я не сдержал слово.

...Неширокая Нерль спокойно несла свои тёмные воды среди низких берегов, неопрятно заросших высокой жухлой травой. Тёмные кудлатые деревья угрюмо разглядывали её глубь. Ничто не нарушало покоя засыпающего вечера. Только око лунного бельма и несколько мигающих звёздочек на ещё светлом небосклоне.

Князь Андрей стоял на берегу задумчивой реки. Слабый, не по-осеннему тёплый ветерок дружески цеплял полу его длинного плаща, и не ветерок даже, нет, дыхание – полей, тлеющих ароматом трав, утомлённой земли, многоцветье пышных кустов дышали ему в лицо. За спиной раздавался хrap взнузданных лошадей, негромкий человеческий говор, смех. Не в битвах томилась его душа, не в усмирении строптивых бояр, не в высокоумных хитростях, – всё то как Божья кара, как тяжёлый крест. И не роптал он, нёс свою повинность стойко, по умению и совести, во славу родимой стороны, в угоду Господу Богу. А тяготела душа его

к великолепию храмов, лику Божьей Матери, к красоте Русской земли, – рвалась всеми силами человеческими: не воевать – а миром ладить, не убивать – а защищать, не грабить – а строить. Улетали годы, спешил жить князь Андрей по прозвищу Боголюбский, достойный сын могучего отца своего князя Долгорукого, внук великого Мономаха. Бог наградил его тяжестью строптивного характера отца и нежностью матери, красавицы-половчанки. Мука и радость – Божья отметина.

– Батюшка!

– А, Прокопий, – князь чуть уловимым движением руки позволил приблизиться слуге. – Смотри, кругом красота-то какая, вот он – храм Божий, лучшего не сотворишь. Вишь, луна как неровно резана, будто хлеба ломоть, звёздочки в чёрной сини веселятся, там Господь наш Праведный, смотрит на нас и радуется. Как разумеешь, аль печалится, глядя на нас, грешных?

– Да что ж не радоваться, вон ты каких хором настроил, всю Русь церквями украсил. Ты, батюшка, всё о Боге печёшься, чего же гневаться? Это я, супостат, всё по молодкам, морок меня не берёт. А ты – Божий человек, Боголюб.

Приятна князю лесть Прокопия, знал, что от души, знал, что любит его холоп, то и было ему оправданием. Огорчали проделки Прокопия: не мог тот без бабьего люда, остёр становился на слово, ловок в уха-жёрстве, дерзок до непослушания, а ведь не молод давно, лыс да морщ ликом. «Отправлю в монастырь тебя, собака!» – ругался князь, но то напускное всё, любил Прокопия, терпел шалопаистого.

– Слышь, Прокопий, а ведь уж десять лет тому, как на княжество шёл, стал тут лагерем, – князь простёр руку в сторону Боголюбова, – и решил тогда: жить мне на этой земле. Жить!

Последние слова его прозвучали так торжественно и сильно, будто не с холопом речь вёл. Вдруг почув-

ствовал единство своё с окружающим миром и небом.

– Жить! – повторил он, а повернувшись к Прокопию, приказал: – Здесь ныне ночуем.

– Помилуй, батюшка, в болотине этой, а до хорм пять вёрст!

Князь строго глянул:

– Ставь лагерь. А баб до завтра забудь, целей будут.

Прокопий поклонился и прочь заспешил, ведая, что отшучивался князь единожды, потом – гроза. Знал крутой характер, не раз лечил синяки от его крепкой руки.

Князь шёл полем, сухая трава шелестела, туго ударяясь о кожу сапог. Память растревожила его. Вспомнилось, как уехал из Вышегорода, не предупредив отца, знал наперёд волю Долгорукого, но всё чуждо было ему в Южной Руси, не стерпел более царства алчущих власти, гнездилища злодейств и грабительских междоусобиц. Распри от скудоумия казались ему достойными гнева Божьего. Горестью болела душа за отца, не понимающего бесплодия борьбы за власть с единокровными братьями своими, не желающего видеть бед людских и ненависти. Чувал иное своё предназначение, не хотел более бороться с тягой к родному краю.

Не понимал князь Андрей, за что прогневался Бог на Русь, на весь род людской, почему не слышал мольбы его.

– Господи! – прошептал он, остановившись среди поля, – Господи, знаю, наступит час, и я паду ниц пред Тобю, знаю, не уйти от ответа ни лукавством, ни мольбою. Но, ещё не переступив порога Твоего, хочу понять: зачем такова жизнь? Отец, надоумь, подскажи, открой суть страдания, людской злобы, искушений и безнадежности! При жизни открой истину греха дум моих. Ты наградил меня заботами о хлебе, радением о близких и борьбою с горем. Кому нужна боль моя? Я могу, надоумь же, как исцелить мир от проказы греха! Прости, дерзок я, но роптать буду, как откроешь врата

и впустишь меня в обитель Свою. Но, ещё не переступив порога Твоего, прошу: поведай мне, зачем испытываешь терпение Своё? Почему недостойный люд дорог Тебе? Распри, битвы, кровь, сироты, голод и разруха – зачем лишил разума нас? Ад бытия моего в поисках Тебя, Господи. Скажи, зачем мятущаяся душа моя? Боль моя?

Князь был слаб только перед Богом, молился неистово – искал убежища душе своей. И ночью поднимался с постели, истерзанный думами, падал пред иконой Святой Богородицы, просил открыть путь к жизни без греха, по завету Божьему, знал – Истина у Бога.

– Духа Свята дай мне, Господи! – молил он. – Силы праведной!

Долго бродил в раздумьях князь Боголюбский, вернулся в ночи, когда вдруг налетел дерзкий ветер, затмились звёзды тяжёлыми тучами. На огонь костров шёл князь. Прокопий, завидев его, кинулся:

– Батюшка-государь ты наш, с ног сбились!

– Спать, Прокопий, теперь спать.

...Недавно я был в Москве в совершенно удивительный день. Погода шокировала: то лил проливной дождь, то начинало припекать близкое июньское солнце. В этот день на собрании кафедры ректор настоял не продлевать с Василием трудового договора на следующий учебный год. Иначе говоря, мой друг оставался без работы. И ничего в том удивительного, потому как Калугин обладал не только великими знаниями, но и строптивым характером, вкусив который редкий начальник продлит договор. К сожалению, я не понял его бурную, трагическую реакцию на это решение. Абсурд был столь очевидным, что я не смог прочувствовать его горя. И слава богу, думалось мне, знать, вырос Василий из этих штанов, пора по-настоящему, всерьёз заняться наукой.

В тот день моего приезда, день его увольнения, Василию предстояло принимать экзамен у одной из очных

групп. Я, маявшийся в ожидании, забрёл к нему на экзамен. Расстроенный Василь Васильевич собрал студентов в аудиторию, оглядел их тоскливым взглядом и спросил: «Кто знает на тройку? Давайте сюда зачётки». Меня, сидящего в стороне, обалдевшие от радости студенты чуть не смели со стула. Василий надолго склонился над столом. Когда наконец-то с зачётками было покончено, он оглядел оставшихся: «А кто знает на четыре?» С места не тронулось пять «наглецов», остальные со сдержанным спокойствием подошли к столу преподавателя. С новой партией зачёток Василий справился достаточно быстро. Я радовался гениальному ускорению приёма экзамена, я понимал, что Василию теперь уже, по большому счёту, всё равно, да и не в том он был состоянии, когда можно было вытерпеть одному такую пытку: с билетами, подготовкой и бредовым лепетом. Но я не угадал, сценарий вдруг изменился, и Василий разложил на столе билеты. Полтора часа он принимал экзамен у «отличников». Не зря я недолюбливал этих зубрил ещё со школы.

В тот вечер Калугин много пил, был саркастичен и едок, сильно переживал. Его уязвлённое самолюбие было так чисто, его негодование так по-детски откровенно, что вызывало только удивление: как можно, дожив до сорока лет, сохранить в себе столько наивности?! Настоящие, действительно великие учёные воистину – большие дети, они ни фиги не понимают в интригах, подставках и закулисной мышью возне бездарей у власти, – да, у власти, пусть это всего лишь институт, но страсти здесь те же, что и на вершине государственного олимпа. Василий слишком талантлив, чтобы уметь подличать, пресмыкаться и угождать. А если ещё и правду – в глаза, то и жизнь складывается интересно.

Мы не задержались в Москве ни на час, как только выяснили, что под забором вот уже год стоит новенькая «Волга» – память об умершем муже Галины Александровны, де-кана заочного отделения.

Решение было принято в тот же миг. И вот я веду тяжёлую машину, а Василий с Галиной Александровной сидят на заднем сиденье и всё спорят про институтские дела. Васька кричит, что всё бросит, уйдёт, а Галина Александровна, как мать родная, утешает его, убаюкивает, хвалит, ругает всех Васькиных обидчиков, – хороший она человек. Сколько помню, она со всеми прогульщиками, пьяницами и двоечниками была удивительно терпелива. «Они такие талантливые», – заступалась она, в очередной раз отстаивая провинившегося «классика», как всегда, под свою ответственность и, как всегда, на свою же шею.

Мы с трудом пробиваемся через автомобильные пробки, суетный пригород. Хороший хозяин был муж Галины Александровны, добротный мужик, царство ему небесное, машина ухожена, послушна, в багажнике запчастей – новую собрать можно.

Землица Центральной России так себе, никчёмная: песок да глина рыжая. Это не наш сибирский чернозём, в руках – как сливочное масло, жирный, лоснится отливом, упругий, на вкус попробовать хочется. Но люблю Подмоскovie за берёзовую прозрачность, широту изумрудных полей, за золото воздушных маковок церквей, проплывающих вдоль дороги на Владимир. А Василий всё рычал, полупьяный от пива. Я расспрашивал о церквях, Галина Александровна рассказывала, отвлекая моего друга от тяжёлых дум, ошибалась в датах, и тогда Василий вступал в спор, стыдил Галину Александровну, не подозревая о нашей игре, а она всё баюкала его, пестовала, как дитя малое, капризное, была тонка, податлива, мудра. Поклон тебе, милая женщина!

Не доезжая двадцати километров до Владимира, мы свернули влево, прокатились грязным после дождя полем, свернули в узкую щель в берёзовом колке, и вот он, дом-крепьш, дача Галины Александровны. Мы топили печь, садили картошку, парились в бане, пили пиво и много говорили: я про свои командировки на Сахалин,

а Василий всё пенял, что приехал я не вовремя, в такой его чёрный день. Но я-то знаю другое и, конечно, приеду ещё в светлый Васькин праздник, какие наши годы. Там мы и обменялись нательными крестами, побратавшись уже навеки.

...Когда утром князь вышел из шатра, то невольно прикрыл глаза рукою. Вся даль полевая, повозки, деревья – всё в снегу. Белое великолепие сияло. Снег и теперь валил, снедаем томной рекой и крупами несёдланных лошадей. Прокопий слепил снежок и засунул зазевавшегося конюху за ворот.

– А, ты, сучий сын, собака... – но, увидев князя, осёкся мужик, молча извиваясь, вытряхнул из одежды снег.

– Балуеть всё, – довольный князь зачерпнул горсть, смял с удовольствием, по пальцам стекла холодная влага.

– Покров день, батюшка, Господь с нами, – Прокопий трижды перекрестился. – С праздником, государь.

– Да, Покров, – задумчиво вторил князь. – Знать, услышал Боже мою молитву, знак верный. Защитит нас Покров Богородицы от недугов тяжких и ворогов лютых.

И стал вдруг князь будто вкопанный, вспомнил, как вёз из Вышегорода полюбившуюся икону Святой Богородицы, как молился, вглядываясь в печальные очи Матери Божьей. Как искал защиту и поддержку в них, веровал и поднимался с колен с новой силою.

– Что, батюшка, – подскочил Прокопий, почуввав неладное, – хворь, бледен-то ликом стал?

Но отстранил его князь и сказал:

– Быть здесь церкви во славу Божию. И наречена будет церковью Покрова на Нерли!

И долго молился князь, стоя на коленях в снегу, и люди его поклоны клали без устали. А снег валил и валил, и лошади мерно жевали овёс, и таял снежок на их тёплых спинах.

Тайна

Весь следующий день мы кочевали по Владимирской и Суздальской земле. Василий, великолепный знаток русской старины, провёл самую длинную в своей жизни лекцию. Я, учившийся как-никак шесть лет, не подозревал о его уникальных знаниях: он наизусть читал летописи. Я просмотрел самый живой фильм, когда стоял во дворе кремля и слушал его рассказ о поворотах и трагедиях русской истории на старославянском языке Летописца. Обязательно, по возможности, конечно, загляните во двор полуразрушенного монастыря или войдите в церковь, где хранится дух русичей, прикоснитесь к святыням нашим – и почувствуете, как вольётся в вас сила и укрепитя смущённая вера. Там вы поймёте не своё одиночество, но связь крови вашей и души с тысячелетней историей, с миллионами русских, со всей Святой Русью.

Не всё запомнил я из рассказов Василия, и невозможно было, не под силу памяти, но прикосновения к белокаменной стене церкви, тягучий, далеко уплывающий тонкий голос колокола над туманным от моросящего дождя полем, гвалт испуганного воронья, тихую Нерль, томящуюся в травяных берегах, – всё помню. Помню лики святых в сумеречных церковных сводах, замершее пламя свечи в руке, молитву свою помню. Отщумел, откипел и Василий мой, отбурлила обида в нём и негодование, остудилась душа, загустели чувства, задумчив стал. Умом, может, он тогда ещё и не понял всю ничтожность своих переживаний, но душа уже окрепла, наполнилась. И кто знает, в какой миг, рассказывая историю русскую, ощутил он единство и обрёл силу. Никто не знает. Но я видел перед собою уже другого человека – готового жить дальше.

ЗЕЛЁНЫЙ ЧАЙ

(о Н. Тельпухове)

Из окна моей детской комнаты, с высоты второго этажа, хорошо был виден заснеженный просторный двор, высокий сеновал напротив, а под ним тёплые бревенчатые стайки, но только в нашей, самой крайней справа, жила корова Зорька. А если расплющить нос и посмотреть направо, то была видна труба красного уголка дистанции пути, а слева за одноэтажной бревенчатой вечерней школой – две водонапорные башни.

Наступал 1961 год. На улице бушевала вечерняя и обильная метель, а в доме вихрилась и путалась своя суета – готовился новогодний стол, уже подходили гости с подарками, и в моём укромном углу, как и у старшей сестрёнки, копились конфеты и душистые апельсины. Потом пришли гости, и с клубами пара в коридор протиснулись девочка, основательно укутанная шалью, и мальчишка в шапке с опущенными и завязанными под подбородком ушами. Мама начала помогать им раздеваться, а взрослым крикнула, выглянув на лестницу:

– Там веник в углу, обметайтесь!

Женщины всё время смотрелись в зеркало, которое отец недавно прикрепил к стене в коридоре. Они украшали себя блёстками, кокетничали и смеялись. Но вот отец пронёс в гостиную огромную чашку с парящим картофелем, и все как по команде расселись за праздничным столом.

– Наливай! – скомандовал отец и откупорил бутылку водки, ловко сорвав с горлышка пробку в виде металлической бескозырки.

– Хлеб! – всплеснула руками мама. – Опять про хлеб забыла!

Она умчалась на кухню, а я хочу признаться, что всю последующую жизнь она всегда забывала поставить на стол хлеб.

– А что, Тельпухова не будет?

– Николая Ивановича редактор в Кандереп отправил, срочный репортаж в первый номер.

– А на чём он в такую метель?

– Он на райкомовской кошёвке*.

– На кошёвке – это полегче? А что, другого дня не нашлось?

– Товарищи, да что вы волнуетесь, в Кандерепе он Новый год встретит, не дурак же он в такую метель ехать – перемело даже по нашим улицам, а в поле и подавно.

Мы играли в детской комнате, потом в просторном коридоре, потом на печи и полатях, но самое интересное, конечно, разыгрывалось за столом. Гости уже шумели и наперебой предлагали тосты. Отец решил похвастаться новым приобретением – радиолой «Рекорд» и поставил пластинку с модной песней «Течёт река Волга, а мне семнадцать лет». Но на него нашумели и сказали убрать музыку. И опять тосты и уверенные разговоры о новом счастье и достижениях. И вот наступил торжественный момент Нового года: включили радиолу и все встали в ожидании кремлёвских курантов. Но дверь вдруг отворилась, и в дом ввалился Тельпухов, весь в снегу. Он сорвал шапку-ушанку, обрызгал нас холодным снегом и закричал:

– Я приехал, ребята! Я прорвался!

– Коля! Ты?!

В это время в приёмнике ударили куранты.

– Один! Два! Три! – считали все хором, а Тельпухов уже скидывал тулуп, под которым оказалось ещё и пальто. – Четыре! Пять! Шесть! – Для его прибора разгребли место на столе, тут же шумно раздвинули стулья для табурета. – Семь! Восемь! Девять!

* Кошёвка – лёгкие сани с плетёными бортами.

– Коля, держи! – мама протянула Тельпухову фужер.

– Десять! Одиннадцать! Ура!!! – И гимн! Самый лучший гимн в мире, самой счастливой страны – Советского Союза.

Тельпухов нам очень понравился, он был самым смешным. Он бурно рассказывал, как кандерепские мужики проводили его, пробивая, как трактором, дорогу своими тяжёлыми санями перед его лёгкой кошёвкой, до самой Турнаевской развилки и только потом отпустили одного ехать в Болотное. Зада-

**Николай Тельпухов за рабочим столом.
27 ноября 1969 года**

ние он выполнил, передовиков сфотографировал, интервью взял, и теперь в первом новогоднем номере газеты «Путь Ильича» будет обширный рассказ о героях Кандерепа.

Мы с сестрой и малыми гостями сидели под праздничным столом и шалили. Нас пару раз уже выгоняли, но мы по-партизански пробирались опять в комнату и прятались под столом. Вдруг Тельпухов отодвинул свой табурет и сказал:

– Ребята! Я такое стихотворение сегодня написал! Хотите, прочту? – И, не дожидаясь согласия гостей, он встал на табурет. В его руке чудесным образом появился тетрадный лист, и он начал читать:

Вы пили чай,
Заваренный смородиной,
Побегами почти с загаром девичьим
И листьями, как башенки, зубчатыми,
Прохладными от утренней росы.

Николай Иванович не читал, он кричал своё стихотворение, делая удивительные акценты, то возвышая голос до громогласного, то понижая чуть ли не до шёпота:

Встревоженные,
Лягут вам в ладони,
Пахнут в лицо лесной глубинной свежестью.
Потом, в реке промытые, повиснут,
Покорные,
Смиренно и бессильно...

Я слушал и не понимал – почему, если это стихотворение, то такое нескладное? Я уже знал несколько, и они все читались легко и в рифму.

...Молитвенно сложив ладони листьев,
Над котелком с клокочущей водой.
И на минуту ярь смилив кипенья,
Вдруг одарят нежнейшим ароматом,
Таким исконно русским,
Что с другими
Его не перепутать никогда.

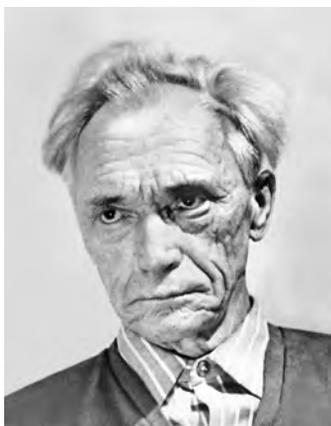
Мне показалось, что комната наполнилась запахом смородины. Тельпухов спустился с табурета со счастливым видом победителя, и все разом вдруг захлопали в ладоши.

А я понял, что к нам домой пришёл настоящий поэт.

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

(о М. Кубышкине)

О Михаиле Павловиче Кубышкине я узнал ещё в раннем детстве от друга нашей семьи – журналиста и поэта Николая Ивановича Тельпухова. Тельпухов был холост, энергичен и очень громко пел романсы и арии из опер, и всем очень хотелось его женить. В редакции в начале шестидесятых работали корреспондентами Олег Бочков и Ольга Теплова – по уши влюблённая в Николая Ивановича, но Тельпухов был непобедим. Именно благодаря этому обширному знакомству я впервые увидел Кубышкина на втором этаже редакции. В тот день вся редакция светилась солнцем, льющимся сквозь многочисленные окна, и молодостью, и только Кубышкин там был старик, худой и крайне строгий; его пристальный взгляд пугал. Впрочем, он имел вид довольно добродушный.

Михаил Павлович
Кубышкин

Прошло несколько лет, и моего отца перевели на работу в Новосибирск. Квартиру нам выделили в удобном месте, ровно между железнодорожным вокзалом и оперным театром, и все болотнинские знакомые непременно заглядывали к нам. В тот день Тельпухов вихрем ворвался к нам в квартиру, спросил про родителей, которые, естественно, были на работе. Тельпухов грустно задумался, но потом решительно рубанул:

– Колька, а «Румынская» есть? Грамм пятьдесят, ну, сто пятьдесят, – неважно!

Николай Иванович упрямо вот уже несколько лет «Посольскую» водку называл «Румынской». Я достал спрятанную от отца початую бутылку, и Николай Иванович с удовольствием не отказался от угощения. И вдруг он всплеснул руками:

– А ну, Колька, пошли со мной! Мы с Кубышкиным договорились в «Центральной» гостинице встретиться! Ты знаешь, какой это поэт! Эх, Колька, Колька, и ни черта ты не знаешь!

До гостиницы идти было пять минут спокойного хода, и вот в просторном холле на третьем этаже в богатом кожаном кресле я вновь увидел худого и строгого старика. Мы деловито познакомились. Я сел в сторонку на диван, Тельпухов плюхнулся в свободное кресло напротив Кубышкина, и скоро у них завязался горячий спор. Кубышкин что-то втолковывал Николаю Ивановичу о стихах и литературе. Михаил Павлович много цитировал – огромные тексты наизусть. Он не говорил Тельпухову, хороши у того стихи или плохи, он как бы исподволь пытался подтолкнуть Николая Ивановича к очевидному и добровольному выводу. Мне показалось это крайне занудным – нет чтобы сказать, мол, вот тут – хорошо, а вот тут – плохо, и все дела. И вдруг Кубышкин помянул Горького. А мы в школе как раз проходили Горького, и я решил встрять в разговор и со знанием дела и на чистом глазу высказался, что Горький писатель так себе и если бы не революция, никто бы о нём и не знал. Наступила недоумённая пауза, я сидел наглый и одухотворённый, потому что на равных смог поговорить с поэтами.

– А что вы, молодой человек, читали Алексея Горького? – спокойно спросил Кубышкин.

– Ну... – я уверенно задумался, – эти... сказки старухи Изергиль и роман «Мать»!

Сказать по-честному, роман этот я начал было читать, но потом выпросил сюжет у дотошного одноклассника и на том успокоился.

– Иначе говоря, – так же спокойно продолжил Михаил Павлович, – вы мало знакомы с наследием Алексея Максимовича. Предлагаю вернуться к этому разговору, когда вы прочтёте хотя бы половину собрания сочинений Горького.

Я был унижен, и мне захотелось домой. И я ушёл.

Да, я сильно обиделся на этого неуклюжего высокого старика, но всё же это не помешало мне прийти в библиотеку, и за последующий год я прочитал практически всего Горького. И – о чудо! – Горький стал моим любимым писателем.

Третья встреча с Кубышкиным состоялась через пару лет. По дороге в Дзержинский район города Новосибирска, куда из Болотного переехал тогда Кубышкин, я узнал от Тельпухова, что жена его тоже писательница и автор знаменитого романа «Школа». «Женщина с характером, из чистокровных дворян. Знаешь, она какая? Ух! И только держись!» Что такое «ух» и почему «только держись», Николай Иванович не пояснил, а потому дальнейшее путешествие для меня прошло в тревоге.

Когда мы поднялись на третий этаж, дверь нам открыла, как мне показалось, пожилая женщина, которая, оставив дверь открытой, молча ушла в квартиру. Странная женщина, подумалось мне, и я совсем оробел. В коридоре показался высокий старик:

– О! Николай Иванович, проходи!

Мы вошли, меня неловко представили хозяйке дома, которая, видимо, не очень довольная появлением громкого Тельпухова, скоро оделась и покинула пределы квартиры.

Поэты, и я с ними, разместились в маленькой кухоньке, где уютно жарили картошку на сале и строгали салаты на электроплитке, прочно обосновавшейся на газовой плите. Пожилая чета панически боялась пользоваться газом.

Впрочем, мои новые друзья, обременённые преклонным возрастом, не дожидаясь картофельного деликатеса, уже начали пить «Московскую», которая была добыта хозяином из тайного, но крайне остроумного места.

Меня же подмывало поговорить о Горьком, но Кубышкин, видимо, забыл о том нашем разговоре и читал наизусть Льва Толстого – целые страницы из «Войны и мира»! Когда водочка, как ртутный столбик в термометре, опустилась к нулевой отметке, они запели. Господи! Какие это были чудесные голоса, как слаженно они интонировали! Кубышкин пел низким – третьим, неимоверно сильным голосом, Тельпухов слегка вибрировал и взял чуть выше, а потом я не выдержал и тоже вступил, но очень звонким и высоким голосом. Три голоса сплелись в тугую песню; Кубышкин, удовлетворённый, слегка кивнул, и из приоткрытого окна на тускнеющий проспект Дзержинского полился «Вечерний звон». Когда допели до колоколов, Михаил Павлович показал нам рукой, мы стихли, и покатилося, будто каменный шар, – кажется, по всему Новосибирску и до самой родной Болотной, – низкое, полное любви и крайне печальное: «Бом, бом...»

То был чудесный день. В конце Михаил Павлович подарил мне маленькую книжечку в тонкой обложке с поэмой «Кисельные берега», которую я сохранил, но взять автограф ума не хватило.

ОТКРЫТЫЕ СТРАНЫ

(о Н. Карнеевой)

Роман «Школа»

Работа над книгой «Народная летопись Болотнинского района», которая началась в 2018 году, заставила вспомнить многих наших славных земляков, в том числе и Михаила Павловича Кубышкина, но когда мы уже сверстали книгу, я вдруг вспомнил о его жене и её романе. Я помнил только название. «Школа» – легко запомнить, однако на мой запрос интернет молчал, в районной библиотеке пожалы плечами, но я продолжал искать, не мог же роман исчезнуть бесследно и чтобы его никто не запомнил. Но вдруг узнаю, что её фамилия не Кубышкина, а Карнеева, однако и после этого уточнения интернет не дал никакой информации. После долгих расспросов выяснилось, что только один специалист районного музея слышала о ней, а несколько изрядно поживших жителей Болотного даже читали когда-то этот роман, но никаких документальных и достоверных сведений о писательнице больше не было.

Книгу с романом «Школа» Натальи Карнеевой я нашёл в Новосибирской областной научной библиотеке. В тот же вечер я с чувством мореплавателя, находящегося на пороге великого открытия, принялся за чтение.

Первое удивление пришло сразу, когда я только познакомился с содержанием обложки: фамилия автора была написана с очевидной ошибкой – Карнеева, через букву А, но книга 1953 года – это эпоха внимательной корректуры и крайне щепетильных редакторов, которые, по устоявшемуся мнению, никогда не ошибались. И потому я только уди-

вился, но не усомнился в правильности написания фамилии автора, и пока музейные работники искали хоть какую-нибудь информацию о таинственной писательнице из Болотного, я приступил к основательному прочтению романа.

Ожидания сбылись: я читал настоящую, мощную прозу, язык образный, лёгкий, элегантный. Моя душа пела и ликовала! «Болотнинцы! – мысленно восторгался я. – Вы понимаете, как и какие люди рядом с нами жили и писали о нашем районе!» Теперь поиски информации о писательнице продолжились с особым рвением.

Тираж книги «Школа» огромный – тридцать тысяч экземпляров!

Расследование

Совместно с краеведческим музеем района мы продолжали по крохам собирать разрозненную информацию о Наталье Борисовне Карнеевой, и скоро я узнал, что родилась она на станции Вырица, недалеко от Ленинграда, а детство её прошло в Саратове, даже нашлись фото, где она на руках кормилицы, а потом и фото родителей.

Как Наташа Карнеева оказалась в Сибири, никто не знает. Сначала она работала в Болотнинской семилетней школе, потом в Большереченской школе, потом в Варламовской, а после уже в Болотнинской вечерней школе – эту информацию наскребли работники районного музея. Друг Кубышкина – Николай Тельпухов умер, дети у Карнеевой были – два мальчика, и оба тоже давно умерли, и родственников и знакомых никого в живых нет, да и как им быть, если с того времени прошло более шестидесяти лет, а сама Карнеева родилась 7 октября в 1910 году. И ещё одна загадка: Карнеева вышла замуж за Михаила Кубышкина, но осталась на девичьей фамилии. Видимо, и этому решению есть объяснение, но мы его пока не знаем.

Роман «Школа» сканировали в редакции Издательского Дома «Историческое наследие Сибири» целый месяц,

правили, сверяли с подлинником. Но вот раздался звонок из Болотного, звонила Тамара Николаевна Хомченко.

– Коля, привет, – взволнованным голосом приветствовала меня Тамара, – у нас появился архив Кубышкина, понимаешь, две коробки с его дневниками и документами.

– Архив Кубышкина? Откуда? Тамара! Так не бывает!

– К нам позвонила Городецкая, помнишь, главврачом в ЦРБ работала?

– Да, Валентина Филипповна.

– Они купили домик на улице Октябрьской, под дачку, а сосед ей говорит, мол, лежит у меня на чердаке две коробки бумаг, вот не знаю, то ли сжечь, то ли нужны кому. Говорят, тут какой-то поэт жил. Я отправила по адресу своих сотрудниц Тамару Егорову и Любу Кириченко. Они пришли, посмотрели и ахнули. А мужик видит радость и говорит, мол, так не отдам, только за пузырь беленькой. Девчонки наскребли на полторашку пива и с коробками бегом в музей. Вот сию теперь перебираю.

– Тамара! Всё, брошу все дела и завтра буду у тебя! – резюмировал я наш разговор.

Прошёл час или два, и опять звонок от неё.

– Коля, передо мной рукопись, обёрнута газеткой и перетянута бечевой, мне кажется, это то, что ты ищешь, – вторая часть романа «Школа».

Я приехал в Болотное на следующий день к вечеру, музей сдавали на сигнализацию. На столе Тамары Николаевны лежала рукопись, завернутая в пожелтевшую газету.

– Коля, я без тебя не стала вскрывать, побоялась.

– Давай ножницы! – с нетерпением и решительно попросил я.

Мы перерезали тугую бечеву, газету развернули: перед нами лежала машинописная рукопись, но название незнакомое – «Неоткрытые страны», и фамилии автора на первой странице не было. Я начал читать. Я понимал: если это то, что ищу, то скоро встречу имена полюбившихся героев, но имена были чужими. Я закрыл рукопись.

– Тамара, дашь рукопись с собой, в гостиницу? Не могу понять, не могу вот так, с лёту, вчитаться надо. Знакома и интонация, и стилистика, но надо читать.

– Хорошо, бери, но завтра она должна быть здесь, – пригрозила мне Тамара Николаевна. – Да, я совсем забыла, посмотри, в одной коробке я нашла письмо от Новосибирского книжного издательства, – она положила передо мной официальный бланк.

В гостинице, не мешкая ни минуты, я завалился на кровать и начал читать рукопись. На двадцатой странице (наконец-то!) стали появляться знакомые сюжеты, потом просочились и имена, вот они: Каролинка, Агриппина, Малуха! «Здравствуйте, девчонки мои!» – ликовала душа.

К утру мне стало очевидно, что передо мной рукопись романа «Школа», но какой это вариант, однозначно ответить я не мог – окончательный или первый, самый черновой? Почему у главного героя иное имя, только отчество осталось, почему роман потерял такой объём, так сильно

похудел? От переработки? Вопросов стало ещё больше, чем было до находки рукописи.

Тамара Николаевна разрешила увезти рукопись с собой, потому что у меня в редакции есть оборудование, способное считывать полуистлевшие тексты, и программы, способные их распознавать. В тот же день я собрал специалистов, и Владимиру Ивановичу Кирпиченко было поручено сканировать рукопись.

Но уже утром меня ждала неприятность: Владимир Иванович сообщил, что в рукописи отсутствуют некоторые страницы.

Судьба

Наталья Борисовна родилась в семье дворянина, отец занимался, по выражению самой Натальи Борисовны, «любимым делом» – агрономией. Невзирая на наступившие смутные времена, революцию и Гражданскую войну, Наташа успела получить не только хорошее воспитание, но и образование, и с 1926 по 1930 год закончила Саратовские курсы иностранных языков. Таким образом, она получила свидетельство о высшем образовании и профессию учителя немецкого языка и переводчика-корреспондента французского языка; кроме этих языков, она в совершенстве владела ещё и английским. Наталья Борисовна прекрасно знала русскую и зарубежную литературу, была человеком начитанным и в высшей степени образованным. Уже позже я узнал, что она знала наизусть сотни страниц из произведений Толстого, Тургенева, Пушкина и пр.

Как и по каким причинам ещё совсем юная Наталья Борисовна проехала всю Россию до Дальнего Востока, а потом оказалась в Сибири, нам выяснить так и не удалось, но уже в 1932 году, в 22 года, в провинциальном сибирском посёлке Болотное у неё рождается первенец – сын Алексей. Её мужем стал подающий литературные надежды, интеллигентный, начитанный сын бедного пензенского крестья-

Наталья Борисовна Карнеева

нина Михаил Павлович Кубышкин, родители которого живут в Болотном.

Обосновавшись в Болотнинском районе, Наталья Борисовна Карнеева начала работать учительницей немецкого языка. Потом мужа, Михаила Кубышкина, переводят в соседний Коченёвский район, где он начинает работать учителем математики, а потом его приглашают в редакцию районной газеты. И вся семья на несколько лет, с 1937 по 1942 год, уезжает из Болотнинского района. Уже

в Коченёво в 1938 году у Натальи Борисовны родился второй сын – Владимир.

В январе 1942 года Михаил Кубышкин добровольцем уходит на войну. В июне 1942 года умирает его отчим, и Наталья Борисовна с двумя детьми возвращается в Болотное, где живёт свекровь. Не мешкая, она устраивается контролёром на Болотнинской электростанции, а через месяц приходит сообщение, что под Харьковом рядовой Кубышкин Михаил Павлович пропал без вести.

Живёт Наталья Борисовна Карнеева с детьми в доме свекрови на улице Ремесленной. Живут тяжело, за дровами ходят с двухколёсной тележкой в Загородный бор по Павинскому мосту, на котором часто дежурит милиционер и проверяет, чтобы люди собирали только хворост, а деревья не рубили. Загородный бор во все времена тщательно охранялся. В августе 1942 года Наталья Борисовна получает направление в Варламовскую школу учителем русского языка и литературы и долгое время работает там.

В январе 1945 года пришло известие, что Михаил Павлович освобождён нашими войсками из плена недалеко от польского города Калиш. Последующие годы он отбывал срок наказания на тяжёлых земляных работах в северных районах Советского Союза. Вернулся домой в 1950 году.

Семья соединилась вновь. Но беды не отпускают. После десятого класса у сына Алексея, который окончил школу с золотой медалью и отличался удивительной эрудицией и энциклопедическими знаниями, проявляются признаки психического расстройства, а сын Владимир попадает в тюрьму. Выяснить детали случившихся бед нам не удалось, да и не ставилась такая задача, приняли как данность.

После выхода в 1953 году в Новосибирском книжном издательстве романа «Школа» издательство предложило Наталье Борисовне поторопиться и подготовить вторую часть романа к переизданию в 1957 году, но роман по неизвестным нам причинам не вышел. Михаил Кубышкин устраивается на работу в районную газету «Путь Ильича», много пишет и издаётся. Наталья Борисовна преподаёт в Болотнинской вечерней школе. В 1960 году для местной газеты она пишет «Историю вечерней школы Болотнинского района».

Рука мастера

В одной из коробок архива мы обнаружили несколько невзрачных ученических тетрадок – «Записки» Натальи Борисовны Карнеевой за разные годы. Эта чудесная находка открыла нам многое из жизни замечательной землячки.

Когда вы будете читать роман «Школа», обратите внимание, как тщательно выписаны характеры героев, предложения идеальны и каждое слово на своём месте. Главный персонаж романа – Сергей Иванович Суханов, двадцати лет от роду, который после ускоренных педагогических спецкурсов едет в далёкое село «учительствовать». Вот упоминание о нём в «Записках» Карнеевой:

«18 июня, 1942 год

...Бережно укладываю каждый листок... Рукописи – проза и стихи (Саратов). Наброски о школе и школьниках Большеречки, начатая до войны повесть, или роман, или что, тоже сельская школа, куда приезжает симпатичный мне прототип Петра Ивановича Климович, моего бывшего ученика в Болотнинской ШКМ, а потом коллеги 19 лет, на пять лет моложе меня».

Искренний, трудолюбивый, полный планов и надежд, он приезжает в Елшанку, прототипом которой стало село Варламово, в те годы это село называли Варламов Падун, а в просторечье – Варламовка. Я увлёкся романом, потому что по страницам текла череда ясных, как звёздочки на чистом небе, характеров и образов деревенских детей, разворачивалась панорама сельской жизни: люди активно и увлечённо строили новую жизнь, трудно, а порою и неумело. Радовала правдивость и реалистичность описания жизни! Не в плоскости идеологической заданности, чего, скажу честно, я опасался, потому что роман описывает бурные тридцатые годы прошлого столетия. Но литературное полотно романа создано в объёме жизненной противоречивой правды, наполненной горем и радостью, любовью и ненавистью, всем чёрным и грешным, и всепобеждающим светом человеческой души!

Как мелодичен белорусский говор, и как знает этот язык автор! Хорошая литература, но это всегда редкость, и когда вдруг открываешь талантливую автора, душа начинает петь, настроение плещется радостью. Подкупает особая авторская искренность, она обворожительна. Как нам не хватает сегодня этой простой и ясной искренности!

Удивительны детские характеры, особенно десятилетней девочки – Каролинки. Вот что пишет сама Карнеева об этом персонаже: «Но главное в той рукописи – девочка 10 лет. Её образ давно и прочно сложился в моем представлении и живёт: восприимчивая, живая и чуткая, до обидчивости, остро чувствует несправедливость не только по отноше-

нию к себе, но и к другим, рвётся навстречу всему новому. Я только не знала, как её зовут. Но однажды в Большеречке выдавала книги детям из библиотеки, то есть из шкафа в коридоре. Старенький учитель Киселёв, белорус по происхождению, очень хлопотливый и старательный, топтался тут же, выстраивая своих второклассников за книгами. И вдруг укоризненно окликнул: «Каролинка! Куда же ты поперёд? Стань на место». Каролинка! Вот как зовут ту девочку – больше никак...»

Чувствуется, что автора переполняет, давит немислимо большой объём информации, и она не справляется с ним, а выплёскивает его на страницы романа и путает читателя. Да, такое количество действующих лиц способно только запутать.

И ещё... Догадка, предположение, интуиция! Читая роман «Школа», – сам сюжет, развитие событий, – предполагал, что учитель-энтузиаст, великий созидатель и холостяк дождётся взросления Каролинки – и вот она, идеальная пара! Но нет! Карнеева придумала какую-то несуразную девушку, которая так же несуразно покидает Сергея Суханова, и тот остаётся один. Да, очевидно, Карнеева сама была влюблена в своего героя Сергея Суханова, в того «ученика, а потом и коллегу» Петра Климовича, и не могла она отдать его никому на свете, так и остался он холостяком до конца романа. Так это или нет, трудно сказать, но если вспомнить её запись, там есть отгадка: «на пять лет моложе меня!» Понимаете, она свой возраст примеряла к его юности с сожалением и разочарованием. Вот и думай теперь! На подкорочке это у неё, как оговорка. Она в тридцать первом выходит замуж за Кубышкина, а в тридцатом она ещё свободна, она преподает в ШКМ, там готовят ускоренным курсом учителей для глубинки. Женская душа – потёмки! Но скоро появился Михаил Кубышкин, на два года старше её.

Роман «Школа» вечен, он будет интересен и через сто лет, потому что честно, правдиво и талантливо отразил трудное, но счастливое время строительства великой стра-

ны. И искренне переданное настроение ожидания счастливого будущего есть основа любого созидания, сотворения самого важного, нравственно высокого в жизни человека, а потому и вечного.

Роман «Школа» вышел в 1953 году, но вдруг через двадцать лет Наталья Борисовна, уже в преклонном возрасте, возвращается к нему и начинает писать тот же роман, но заново, на страницах знакомые персонажи и тут же новые, старые коллизии и новые сюжетные линии, та же Варламовка, Ясногорск и «Металл-лес», но очевидно, что это новый роман с новой идеей, а потому и под другим названием. Зачем? Ответ один: идёт переосмысление прошлого и настоящего. Роман называется «Неоткрытые страны». Читаю с неменьшим удовольствием, чем роман «Школа», потому что на передний план выходят вопросы не становления школы на селе и коллективизация, а роль учителя в образовательном и воспитательном процессе. Роман стал тоньше, драматичнее и ярче. Появляется политическое осмысление роли коммунистической партии в жизни государства. Она, дворянка, всегда сдержанная и отстранённая от дел политических, вдруг становится если не коммунисткой, то человеком, всей душой поддерживающим социалистический строй. Почему она коснулась темы социальной справедливости? Я долго удивлялся этому, пока не понял, что Наталья Борисовна почувствовала смертельную опасность разложения и исчезновения, по ее выражению, «общего дела» – социалистического строя как высшего достижения человечества, как того, ради чего она жила. Для неё было бесспорным, что именно общее дело стало причиной расцвета всей страны, выхода нищего населения из землянок и подвалов, появления лучшего в мире образования. И это всё были достижения социализма.

В главе об августовском совещании учителей в Ясногорском (читай: Болотнинском) районе, где начальник отдела образования с известной в Болотном фамилией Рудковская сообщает о том, что ЦК партии и правительство

осудили нововведения, уменьшающие роль учителя в воспитательно-образовательном процессе, Наталья Борисовна ярко и глубоко, с реальным примером показывает пагубность этого процесса. И поражает то, что её идея сохранения роли учителя как решающего фактора актуальна сегодня как никогда прежде, в современный период сплошной и повсеместной цифровизации!

Цифровизация образования – это абсолютно новый термин, который появился в связи с введением государственной программы «Цифровая экономика РФ» 28.07.2017 г. Её цель – данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности, включая научно-образовательные сообщества. Образование как вид экономической деятельности (услуги!) призвано формировать конкурентоспособных профессионалов, готовых работать в условиях цифровой экономики. Термин используется для обозначения процессов информатизации и компьютеризации образования, а также, и вот тут очень важный, если не самый главный момент, этот термин используется ещё и для описания трансформации (замены) аналогового (физического, в аудитории) ресурса на цифровой (удалённый, дистанционный). Аналоговое обучение существует за рубежом как элитное и дорогое наряду с цифровым, общедоступным, в процессе которого заменяются функции преподавателя (воспитателя) на функции тьютора (консультанта, сопровождающего учебный процесс). Эта подмена и есть не что иное, как начальный этап перехода на платное образование.

Советские дети во всех городских или сельских школах имели элитное, аналоговое образование, вот почему страна была впереди планеты всей, а теперь такое образование останется только для тех, кто готов платить, а в капиталистическом обществе готовы платить, как правило, не очень честные люди, люди с очевидно сомнительной нравственной репутацией, люди, для которых где их деньги, там и родина!

То есть цифровизация в том виде, в котором она сейчас вводится в нашей стране, грозит лишением государственного суверенитета и установлением полного контроля извне. Именно такой процесс пресекли руководители Советского государства в 1931 году.

Кризис нравственного, социально ориентированного государственного строения, омещанивание и идеологическая инфантильность населения стали причиной появления нового–старого романа «Неоткрытые страны». Наталья Борисовна почувствовала опасность разложения общества, его нравственную деформацию ещё далеко до государственного переворота 1993 года и подспудно, интуитивно пишет роман опять о школе и учителях и об их решающей роли в образовательно-воспитательном процессе. Она всем романом криком кричит и предупреждает читателей о грядущей беде, как это делал Достоевский в романе «Братья Карамазовы». Но ни Достоевский, ни Карнеева Русский мир от очередной смуты не спасли. Но гений их в предвидении!

«Записки»

Найденные тетрадки датированы 1941–1944, 1965–1967 и 1971–1973 годами – это записки Натальи Борисовны. Именно «Записки» – так определила она жанр на форзаце одной из тетрадей, она датирует свои записи и тем придаёт «Запискам» образ личного дневника, но обращается при этом к стороннему читателю, отчего становится понятным, что эти «Записки» она писала для общего пользования.

Роман «Яблоко и черви», повесть «Степь», наброски «Село Солёное», «Осень в Александровке», «Школа» – книга первая и вторая, – неполная библиография писательницы Натальи Борисовны Карнеевой. Как выяснилось из «Записок», вышеперечисленные произведения только часть её литературного наследия. Говорят, что рукописи не горят. Это ложь, бравада, намёк на что-то запредельное. Горят, и ещё как горят, потому мы не можем найти ни второй части ро-

мана «Школа» и ничего из вышеперечисленного... Только первая часть романа «Школа» и несколько рассказов, когда-то опубликованных в районной газете «Путь Ильича».

А теперь прервусь, чтобы сообщить любопытную информацию для будущих исследователей: в 1930 году Наталья Борисовна работала в Болотнинской семилетней школе и преподавала немецкий, русский языки, литературу, и в это же время написала рассказ «Осень в Александровке»; примечательно то, что в это же время в той Александровке работал учителем Стась Олисевиц, великий подвижник, активный селькор и драматург, он написал несколько пьес (воистину, Болотнинская земля благоволит литературному таланту) и создал учебник на белорусском языке. Это село белорусское; кстати, жители Большеречки и других близлежащих деревень сплошь белорусы. К сожалению, он умирает от болезни в 1931 году, но, чуя мое сердце, «Осень в Александровке» не случайное произведение, потому что в прозе Натальи Борисовны – всегда человек-подвижник, человек-созидатель. Эх, найти бы этот рассказ, а ещё бы пьесы Олисевица и его учебник на белорусском языке! Эх, найти бы всё, что было создано пытливыми и пылкими умами наших славных земляков-писателей!

Удивительно богат Болотнинский район на писательские таланты: в те же двадцатые – тридцатые годы в Болотном живет некто Огурцов, который не только пишет пьесы, но и ставит их на новой сцене клуба имени Октябрьской революции. Тут же учащиеся 21-й школы ставят сатирические сценки «Живой газеты», подсмотренные из жизни болотнинцев.

Но «Записки» Натальи Карнеевой, по моему убеждению, стали самой важной частью её литературного наследия, потому что они золотым ключиком открывают дверь в удивительную страну – её творческую жизнь.

Наталья Борисовна в своих «Записках» естественным образом освобождается от рамок и законов литературы, а литературные законы, как мы знаем, бескомпромиссны

и жестоки. Сам жанр «Записок» – это свобода общения с нечаянным читателем, и назвала она эти тетрадки «Записками», чтобы освободить людей от нравственного препятствия, не позволяющего читать письма или личные дневники. Но ведь Пушкин знал, что его письма к Наталье Николаевне будут читать и изучать! «Я памятник воздвиг себе нерукотворный, к нему не зарастёт народная тропа...» Он знал, что его литературное наследие, а в том числе и эпистолярные упражнения, будут изучать пытливые потомки. Потому и писал их тщательно и с улыбкой над собой и читателем. И эта серьезная и ответственная улыбка угадывается в «Записках» Карнеевой.

В своих «Записках» Наталья Борисовна делится впечатлениями, размышляет и пытается осмыслить происходящее. И если её муж Михаил Павлович Кубышкин был замечательным писателем-художником, то Наталья Борисовна, безусловно, писатель-философ.

Смысл жизни

Всегда интересно, в чём человек находит свой смысл жизни. Особый интерес вызывают суждения людей необычной судьбы или большого таланта. В «Записках» Натальи Борисовны есть слова, датированные 16 октября 1965 года. Но надо помнить, что за девять дней до того, то есть 7 октября, ей исполнилось 55 лет, и она стала пенсионеркой – для женщины серьёзной это трудный психологический рубеж. Но именно эта запись раскрывает очень многое: её человеческое достоинство и некоторые принципиальные нравственные скрепы, форма этой записи – скорее притча, она, как искра, нечаянно и вдруг, на один лишь миг, освещает часть жизни, и боли и смысла жизни замечательной писательницы. Синтаксис авторский.

«– Человек! Хотел бы ты родиться из небытия в возрасте 55 лет, на этот короткий срок?

– Почему же нет? Хотел бы!

– Да, но есть ещё некоторые условия. У тебя тяжёлое несчастье, несчастье всей жизни, неизлечимое горе.

– Согласен переносить. Ещё что?

– Два горя. Оба – неизлечимы.

– Согласен. Ещё?

– Наружность у тебя будет не ахти – невзрачная. Сердце не выдерживает большой нагрузки. Зубов кое-каких не будет. Немного ревматизма и радикулита...

– Чепуха. Руки у меня будут? Смогу я ими облегчать жизнь себе и своим близким?

– Да.

– И глаза? Я буду читать книги, видеть деревья, небо, картины художников, осенние листья, детей, снег, звёзды?

– Да.

– И я смогу сколько-нибудь работать, что-то делать для людей нужное, участвовать в общей жизни?

– Да. Но твоего личного горя не облегчит никто и ничто.

– Всё ясно. Согласен! Рождаюсь».

Мне кажется, что комментировать вышеприведённый текст излишне, эта запись сильнее любого покаяния. Это субстанция нравственного подвига души, в этих строках заключён ответ на наш риторический вопрос: а в чём смысл жизни человека, отдавшего себя служению людям? Конечно, в людях! И ещё это слова «участвовать в общей жизни»! Как это важно Наталье Борисовне, человеку достаточно замкнутому и одинокому. Вот почему не надо спешить осуждать человека и обижаться на него, потому что человек – это всегда загадка.

Алексей

Всё как-то необычно в моей жизни, я всегда оказывался в самых жарких точках и становился свидетелем исторических бифуркаций или встречался с людьми, которые потом вызывали у окружающих интерес. С сыном

Натальи Борисовны Карнеевой и Михаила Павловича Кубышкина – Алексеем я встретился летом 1977 года. Но всё по порядку...

Директором Болотнинской спортшколы в ту пору работал Николай Андреевич Моршнев. Николаю было под сорок, и чтобы не платить налог за бездетность, он добыл в нашей больнице справку о том, что не может иметь детей, и сдал это признание в бухгалтерию районо. Новость о том, что Коля – импотент, тут же разлетелась по всему учреждению и почему-то вызвала к Николаю очень большое женское внимание. И скоро к нему в дом пробралась инспектор районо, молодая женщина лет тридцати пяти по имени Людмила Александровна. Потом, я знаю, она забеременела от Николая, сильно обиделась и стала посещать его значительно реже. Кстати сказать, скоро забеременела и главный бухгалтер районо, отчего Коля тут же и беспощадно был лишён налоговой льготы.

Людмила Александровна, не помню, по какому случаю, пригласила меня, как она сказала, «к очень интересному человеку» – к сыну знаменитого писателя Алексею Кубышкину. Я с радостью согласился. Но Людмила Александровна тут же предупредила, что Алексея иногда несёт, что у него психическое расстройство и чтобы я был осторожен в словах. Это сообщение вызвало у меня ещё больший интерес. И уже вечером после работы и магазина, в котором я купил еды и водки, мы оказались на улице Октябрьской, 22. Алексей встретил Людмилу радостно и даже восторженно, но когда увидел меня, насторожился, и его настроение резко изменилось. Мы объяснились, но на Алексея наши слова мало действовали, он нам не верил и откровенно ревновал Людмилу Александровну ко мне. Позже нас несколько примирило моё признание, что для Алексея она в самый раз, а для меня – двадцатилетнего – старовата. Алексею на тот момент было сорок пять лет. Но когда вернулась в комнату Людмила, он демонстративно поцеловал её.

Речь зашла о литературе, и я эдаким асом и знатоком высокой литературы развалился в старом и протёртом до дыр кресле. Алексей читал свои стихи о вечном – любви. Строки складывались ровными рядками, рифмы сцепляли четверостишия и превращали в бетонный монолит; сравнения, гиперболы, метафоры и прочие литературные средства изображения использовались виртуозно и даже чересчур многообразно и мастеровито. Это была классика! Нет, это могло быть классикой, но автор, очевидно, увлекался ассоциациями. Он начал с посвящения Людмиле Александровне, и стихотворение было, конечно, о любви, он коснулся сравнения с цветами и тут же улетел на поляну, благоухающую ароматами и травами, которые косил косец, и литовка скашивала тысячи травинок, как смерть скашивает тысячи людских жизней; повествование очутилось на кладбище у креста – этого страшного орудия казни, и вот уже христианство косит, и языческие идолы плотной чередой пронесли перед глазами, и взор поверженных богов устремился в небо, во вселенную и Млечный Путь, и повёл нас невесть в какую даль, мы блуждали по всем закоулкам вселенной и человеческой грешной души, но на поляну цветов и любви мы так больше и не вернулись.

Тайное общество

Я продолжаю разбирать архивы, все подряд: истлевшие, дрожащие от худобы тетрадные странички рукописей, непонятный, островатый почерк Михаила Кубышкина, каллиграфический – Натальи Борисовны, размашистый и неумный почерк их сына Алексея. Но вот письмо, я пытаюсь понять... оно Алексею! Я начинаю читать и понимаю, что Алексей из Болотного на одной волне с Алексеем из Томска, у них одни интересы и дела. Вот это письмо:

Дорогой тезка!?

Три дня с нарастающим волнением вникал в доставленного «Колдуна», торжествуя, что интуиция не подвела – оные Кавья-Кави (Kavis'ы – слагатели ведических гимнов, творцы брахманизма в Индии и основатели царских династий в дозораострийском восточном Иране) с их варунической (греч. Урану) теологией, предшествующей дева-асурскому (небесно-хтоническому) дуализму, ...точно соответствуют инвентарю и ритуальной символике? (графические изображения двух собак и т. д.) камерных могильников с отверстиями для души и бороздчатой керамикой, археологическое движение которых точнее хронологически прослежено от Атлантики – IV тыс.-тия до центральной Европы начала III тыс.-тия... Причём, игральные кости в могильниках южной Германии, на Кубани и в средней Азии идентичны друг другу и описаниям в Бахманах и в Махабхарате!

Об этом писали археологи Клейн и Резепкин, но я сразу подумал, что следы мегалитической теологии... не могли не сохраниться в Ведах и в Авесте. Отыскились жреческие кави – «кавешы» у лидийцев и кабиров и правовые «кавео» и «коен» у латинов и греков.

Ты же в позавчерашнем письме не довольствуешься «лишь индоевр. элементами» штудий Ив и Топ. относительно связей Велеса – Валы – волхвов (волибьы, волшебный), но игнорируешь древность вепск. Volh, финск. velho tagus, морд. Velen ras и т. п., а также основательное мнение П. Н. Третьякова о финском характере восставших волхвов, хотя призываешь и в письме и эссеисе учитывать финский элемент. Поскольку же финно-угры набрались велесовой радиации от ирано-скифов, как и славяне, то не учитывать «иранский элемент» просто методически абсурдно, ибо именно в центральной и северной Руси представления о Велесе-Волосе стали подлинно народной (крестьянской) религией, и лишь горожане-дружинники-торговцы-колонизаторы, поклоняющиеся Перуну и Хри-

сту (или Магомету), могли по чистой отрицательности дуализма связывать Велеса с хтоническими или космическими пресмыкающимися? ся лесных пущь и озер.

О каких-либо связях между иранцами и финно-уграми с одной стороны и «кетондами» говорить можно, лишь исчерпывающе изучив сей вопрос (а тем более с чукчами и американцами). О диффузии сухопутной Сибири и Америки мыслимо предполагать в потепление – IV – III тысячелетий. Теплынь тогдашняя конечно оставила хтонические следы у всех народов северного полушария... в форме «низшей зоолатрической ступени интеллекта», но вот что-то крылатых змеев ни у североамериканских индейцев, ни у финнов, ни у арийцев не отмечено, лишь у южан, мексиканцев и китайцев, оставшихся в «зоатрических» джунглевых климатах.

Я не против полетов мысли, но за разграничение полетов и имперической науки. Методическая четкость только и может хоть как-то различить научный порядок от эстетического беспорядка.

Короче, я хочу лишь научно упорядочить твой эссеис, дабы он мог представить интерес не только для «просто читателей» (советско-эстетской шпане), но и для людей гуманитарной научности в самом... узком смысле – Топорова, Аверинцева и т. п., ставших академиками лишь в этом году, людей глубоко... религиозных.

Я бы спокойно устранился от иного редакторства... если бы был уверен, что эссеис в его исходном виде всерьез заинтересует серьезных людей. Если ты сомневаешься в моей компетентности – напиши, и Стах завезет тебе эссеис для авторской доработки, – я подкину тебе кучу актуальных конспектов и книг. Смотри сам, но в наличном виде эссеис не заинтересует ни один даже самоиздательский журнал.

Переведи недели за две заключение Колдуна. В конце ноября, в начале декабря, и к тебе заедет кто-нибудь, возможно, Стах.

Приготовь стопку, чтобы не забыть, Мирольо, «Синдром Маугли», «Язычество древней Руси» и Латинский словарь (очень ворчит Людмила Семеновна), и Бегуна о масонах.

Будь здоров!

Привет Н. Б.

Закину что-нибудь почитать.

Пиши по делу, не ворчи. Может, придет в голову название для эссеиса?

С чаем туго, – тяни или можешь?, я гоняю вторак.

Подпись: Алексей Камбалов. Адрес отправителя: Томск, 634004, Пирогова, 15, кв. 19. Письмо датировано 12 ноября 1989 года.

Понимаю, что Алексей Кубышкин создал эссе, которое назвал «Колдун» (с удовольствием прочитал бы это произведение ещё одного болотнинского писателя-философа) и отправил его на экспертизу своему товарищу Алексею Камбалову в Томск. Я пытаюсь найти хоть что-нибудь об этом загадочном философе из Томска. И вот успех: выясняется, что в 70–80-е годы в Томске существовала группа интеллигентов, которая создала самиздатовский журнал. Именно в эти годы самиздат процветал, это явление появилось в противовес цензуре, которая не давала свободы слова лицам, имеющим иные политические взгляды. В эту группу входили преподаватель университета Александр Казаркин, Владимир Прок, Владимир Ширяев и Владимир Тупицин, а также сын известной писательницы Марии Халфиной Алексей Камбалов и наш покорный слуга – сын писателей Натальи Карнеевой и Михаила Кубышкина Алексей Кубышкин. Самиздат скоро вычислили товарищи из КГБ, и дело закончилось банальным, но показательным судом, на котором три человека были осуждены на срок от трёх до трёх с половиной лет, один осужден условно и один определён в Томскую психиатрическую больницу. Привлечённые в качестве свидетелей, в том числе и наш Алексей Кубышкин, отделались «лёгким испугом» –

допросами и обысками. В философском самиздате распространялась в основном отсутствующая в открытом доступе литература по восточной, русской и современной западной философии, мистике, религии и богословию. Особый вклад в самиздат внёс поэт-философ из Болотного Алексей Михайлович Кубышкин своими высококачественными переводами А. Камю («Миф о Сизифе»), Ж. Дюмезиля, К. Г. Юнга и др., которые предоставлял для самиздата через сына томской писательницы Марии Халфиной Алексея Камбалова.

Сохранилось единственное фото Алексея Кубышкина. Очевидно, ему за сорок, на лацкане пиджака вузовский «поплавок» – значит, всё-таки Томский университет Алексей закончил, собственно, там, видимо, и познакомился с будущими заговорщиками самиздатовского журнала.

Прошло много лет, многие подробности забылись, но только теперь мне стала понятна истинная причина нервной настороженности к моей персоне, появившейся у Алексея в тот июньский тёплый вечер в доме на Октябрьской, 22: он опасался слежки КГБ, он видел во мне пронырливого сексота – секретного сотрудника. Но я был слишком прост, искренен и безграмотен, отчего он скоро принял меня и чуть ли не до утра читал свои лирические стихи, а потом мудрёные пятистопные вирши и подражания Данте Алигьери, Франческо Петрарке и Себастьяну Бранту, а после чтения стихов я смотрел в окно на приплюснутую слегка луну и пел высоким и чистым голосом русские печальные песни. Алексей и Людмила Александровна слушали меня, сидя обнявшись, Алексей вздыхал и, будто после очередной рюмки водки, изредка кряхтел: «Хорошо!».

Позже до меня дошёл слух, что Алексей женился и даже усыновил ребёнка, чему я был искренне удивлён. Но теперь думаю, что мы плохо понимаем их – высокообразованных, многознающих и творческих, у них иная шкала и мера, у них горе от ума, а у нас горе чаще от недоумия, но что лучше или хуже – трудно сказать. Могу утверждать только одно: умным и талантливым живётся значительно

труднее, я это видел, и не один раз. А мы думаем, что они не от мира сего, – они от нашего мира, но только обитают не рядом, а очень высоко.

Смерть

В конце шестидесятых Михаилу Павловичу Кубышкину выделили однокомнатную квартиру в Дзержинском районе города Новосибирска, куда он и переехал вместе с Натальей Борисовной. Бывшие хозяева – Николай Самохин, замечательный прозаик, с женой Татьяной – переехали в трёхкомнатную квартиру поближе к центру. Маленькая квартира на третьем этаже пожилой уже чете понравилась, прежние хозяева оставили краску, приготовленную для ремонта, показали, как пользоваться газом. Но ни Наталья Борисовна, ни Михаил Павлович так и не смогли переступить страх перед «вонючим» газом и на газовые горелки прочно утвердили обычную, но такую привычную электроплитку.

Сын Алексей остался в доме родителей на улице Октябрьской, 22, Наталья Борисовна периодически приезжала, прибиралась, готовила пищу для сына. В один из таких дней, когда супруга уехала в Болотное к Алексею, Михаил Павлович присел к кухонному столу и умер. Похоронили его в Новосибирске.

Овдовев, Наталья Борисовна практически всё время жила в Болотном всё в том же доме на Октябрьской, 22. Летом 1990 года в возрасте восьмидесяти лет она умерла. Алексей поехал в Новосибирск за припасёнными на чёрный день деньгами в квартиру Натальи Борисовны, но не вернулся. Хоронили её, так и не дождавшись сына, в складчину, на деньги, собранные учителями. Теперь уже трудно будет найти могилу Натальи Борисовны, но, может быть, когда-нибудь и найдётся маленький холмик над кладбищенским прудом.

Алексея начали искать после похорон и выяснили, что он умер в тот же день, когда приехал в Новосибирск

за деньгами: он стоял в очереди за продуктами на поминки, и сердце остановилось. Думаю, он понимал, что жизнь его кончилась вместе с жизнью матери, и сердце остановилось. Его похоронили как неопознанного.

Так прервалась нить жизни замечательных людей, наших земляков. Вечная им память и наши слова благодарности за рассказы, повести, романы, поэмы и стихотворения, которые они оставили нам в наследство.

Удивительное, талантливое литературное наследие обрело вторую жизнь с выходом серии книг «Писатели-земляки». И это хорошо, потому что жизнь должна продолжаться и прошлое должно шагать с нами рядом всегда.

И в заключение

Теперь, познакомившись с жизнью и литературным наследием Натальи Борисовны Карнеевой, прочитав её «Записки», понимаю, что этот человек не мог лукавить. Помните, я усомнился в правдивости описания директора школы – бездельника и пьяницы, которого исправила советская власть. Теперь я уверен – исправила, так оно и было, потому что Наталья Борисовна на ложь, а тем более политическую ложь не способна.

И опять обращаюсь к будущим исследователям творчества этой замечательной писательницы: найдите могилу, она на болотнинском кладбище, искать надо там, где хоронили в девяностые годы. Найдите и поставьте красивую стелу, устремлённую ввысь, к совершенству, куда всю жизнь стремилась наша землячка Карнеева Наталья Борисовна. Для неё всегда было самой высокой целью в жизни служить будущему.

ВЛАДИМИР КАРПОВ И «БОЛОТНИНСКАЯ БЫЛЬ»

(о В. Карпове)

Я прочитал замечательную статью о Владимире Николаевиче Карпове, которую написала Козина Людмила Викторовна, и с облегчением выдохнул, мол, значит, мне писать не надо. Прошло буквально два дня, и опять это чувство недосказанности поскребло душу, но у меня веские аргументы – я мало знал Карпова, я практически его не знал, потому что познакомился, только когда приступил к работе над книгой «Болотнинская быль».

Нет, не так. Я знал его раньше, но то было шапочное знакомство, которое позволяет только поздороваться при встрече. А позже, действительно, наше знакомство началось со ссоры. Я вдруг случайно узнал, что в Болотном принято решение о создании книги по истории района. Узнал, потому что мне позвонили ребята, которые заключили с администрацией района договор на книгу, но обратились ко мне, мол, дай людей. Я выпытал всю информацию у нерадивых исполнителей и позвонил Карпову как главному представителю заказчика. Я разговаривал с ним вспыльчиво и грубо, я говорил, что дело не в заказе и деньгах, а в том, что именно у меня самая профессиональная редакция исторического профиля и что именно я должен был создавать эту книгу, потому что родом из Болотного. Я бросил трубку и не жалел, что только что оскорбил человека. Обида клоко-тала и не давала мне успокоиться.

Прошло два месяца, и вдруг позвонил Карпов и предложил делать книгу. Я сильно удивился и обрадовался его звонку, спросил про сроки. Он ответил. Я ругнулся, но на следующее утро был уже в Болотном. Я не помню, когда я так горел работой. Я не помню, когда и над какой книгой мои редакторы, дизайнеры и корректоры работали

с таким азартом. Видимо, я заразил их этой своей увлечённостью. Всё кипело, крутилось и работало, любой вопрос Карпов решал мгновенно, влёт, в одно касание, будь то вопрос транспорта, людей, поиска информации или фотоматериала. Взаимодействие, а главное, взаимопонимание было просто безукоризненным, и когда мы редактировали уже собранные материалы, Карпов стал одним из самых принципиальных и вьедливых экспертов; конечно, ему помогло образование историка, но он был ещё более требователен и зануден, чем я. И я не удержался и спросил:

– Чего ты хочешь от книги?

– Я хочу, – ответил он, – чтобы она была честной.

– А я хочу создать такую книгу, – в свою очередь сказал я, – которая стала бы образцом для других районов, чтобы культура книгоиздания краеведческой литературы поднялась на новый рубеж. Книга должна стать современной – интересной и красивой.

– Красивой! – повторил Карпов. – «Красота спасёт мир», – сказал Достоевский, а знаешь, почему он так сказал? – Карпов улыбался и испытующе смотрел на меня, а потом продолжил: – Потому что красота – это стремление к совершенству. Так-то, товарищ писатель.

– Слушай, Владимир Николаевич, – мне неудержимо захотелосьдохнуть перчиком в его сторону, – ты же родом из Ордынки?

– Да.

Я поднял увесистую рукопись:

Владимир Николаевич Карпов

– А чё надрываешься, будто твоё?

– Моё, – сдержанно и немного с обидой ответил он.

Карпов обладал той разумной сдержанностью, которой Бог не дал мне, он как-то умело и терпеливо мог отвечать на мои дерзкие и провокационные вопросы невпопад. Но Болотная – это моя родина, я родился и жил на Линейной, а он из Ордынки... Но, что было очевидным, Карпову Болотная тоже стала родиной. Почему и за что он её полюбил, я не знаю. Но азарт, восторг от работы, который мы испытывали, и такая увлечённость и равнодушие, честность и бескомпромиссность бывает только у тех, кто любит.

Мы сдали книгу в типографию, и вот он, первый, сигнальный экземпляр! Я мчусь в Болотное и, как нечто драгоценное, кладу книгу ему на стол. Он смотрит и медлит взять, потом садится и начинает листать, вдруг наклоняется и нюхает книгу. Я тоже нюхаю книги, только что вышедшие из типографии. Мы посмеялись над этой нашей общей причудой, пожали друг другу руки, и я уехал.

Уже вечером, дома, я налил себе вина и открыл свой сигнальный экземпляр «Болотнинской были», и тут зазвонил телефон. Это был Карпов. Он тоже сидел с книгой и перед ним стоял фужер вина, мы поговорили, подняли бокалы и выпили. И вдруг он сказал:

– У нас книга 640 страниц, а по договору 300.

– Этой книгой, если что, быка можно свалить с ног, – не очень ловко пошутил я. – Володя, ты же знаешь, что на Родине не зарабатывают, Родине служат.

– Спасибо, Николай. Мы сделали большое и очень важное дело. Я люблю тебя.

– Тебе спасибо, старик, – ответил я, – и что обиду на меня не держал, спасибо. Я тоже люблю тебя.

Мы не стали друзьями, мы просто любили Родину и готовы были служить ей до конца дней своих искренно и честно. Через год Карпов неожиданно умер, а книга осталась.

История.

Люди.

Судьбы

ИСТОКИ

В 1551 году снаряжённый купцами Строгановыми отряд вольных казаков во главе с атаманом Ермаком шагнул за Камень-Урал, вторгся в пределы Сибирского ханства и двинулся на восток. Присоединяли новые земли как придётся, где кнутом – с применением оружия, где пряником – подкупом и сладкими обещаниями, вполне воспользовались неоднородностью и противоречиями, существовавшими среди сибирских племён.

Сибирь поразила первопроходцев своей суровой красотой, изобилием и бескрайностью. Летописец монах Савва Есипов писал: «Дивно убо есть, какими Божьими судьбами рекам тамо бысть. Вода камень тверд раскопа и бысть реки пространны и прекрасны зело. А на исходящих их дёбрь плодовита на жатву».

За короткий срок русские прошли всю Сибирь – от Урала до Тихого океана. По подсчётам известного норвежского исследователя Ф. Нансена, начиная с XVI века «русское государство в среднем увеличивалось приблизительно на 128 квадратных вёрст в день, или на 46 800 квадратных вёрст в год, что в семь лет составляло пространство, равное по величине королевству Норвегия...».

Нельзя сравнивать «скальпирующую» колонизацию Северной Америки европейцами и Сибири русскими, которые происходили приблизительно в одно и то же время. Для европейцев коренное население было конкурентом, а для русских отношения с местными народами складывались иначе. Дело в том, что в середине XVII века «сибирская рухлядь» (то есть пушнина) приносила ежегодно в казну русского царя по 600 тысяч рублей, или треть государственных доходов. Фискальные интересы государства заставляли действовать относительно коренного населения

«не жесточью, а лаской». «Так складывалась своеобразная система покровительства “туземцам”, – замечает алтайский историк Н. С. Модоров. – Этого не было в практике западноевропейских колонистов. Если для Москвы туземец служил источником дохода, а потому подлежал охране, то для западных искателей земель и промысловых угодий туземец-дикарь был опасным конкурентом и подлежал уничтожению. В Сибири всё было наоборот. Численность, например, алтае-саянских народов за два века выросла более чем в шесть раз».

Присоединение огромной территории, развитие торговли и промышленности поставило перед Московским царством вопрос о транспортных путях. Но прежде чем рассказать о начале строительства Московского тракта, или, как его изначально называли, Большого Московско-Сибирского тракта, крайне необходимо упомянуть о существующем с древнейших времён водном пути через всю Россию, по которому, собственно, и шёл Ермак со своим войском. Именно по этой причине Енисейск основан в 1619 году, а Красный Яр только в 1628 году. Вот этот путь: с Волги через Каспийское море, в реку Урал, немного волоком до реки Тобол, из неё в Иртыш, из Иртыша в Обь и далее через Колпашево по реке Кети – притоку Оби, до реки Кас – уже притоку Енисея. Между этими притоками существовал, а позже он был реставрирован (1884), Обь-Енисейский канал протяжённостью 197 км. На восстановлении, а по сути строительстве канала работало более 1200 человек, а руководил строительством томский инженер барон Б. А. Аминов.

Долгие разговоры о начале строительства железной дороги сопровождались возражениями именно из-за существующего водного пути. И некоторые советники царя предлагали не строительство железнодорожного пути, а усовершенствование водного, и реально это строительство шло параллельно, а в действительности конкурировало. Более пятидесяти лет шла полемика и горячие споры, и только в 1882 году начались работы по сооружению железной

дороги Екатеринбург – Тюмень, то есть тогда, когда Обь-Енисейский канал уже действовал. Но сухопутный путь, его целесообразность уже не вызвали ни у кого сомнений.

С 1730 года началось сооружение Сибирского тракта – сухопутной дороги от Екатеринбурга до Иркутска и далее по двум направлениям – на Якутск и Кяхту. Значение тракта было очень велико. Ведь недаром его называли «государевой дорогой». К 1760 году строительство дороги в основном завершилось. Это была самая протяжённая в мире трансконтинентальная магистраль, созданная трудом тысячи крестьян и каторжников. Появление тракта привело к развитию гужевого транспорта, который для многих при трактовых деревень стал весьма прибыльным делом. Именно вдоль транспортной артерии стали появляться новые поселения.

Тракт, который проходил по территории современного Болотнинского района до 1815 года, делал большой крюк, он проходил через деревни Старая Чебула, Карасёво, Зудово и далее – на Большечёрную. Нужно было спрямить тракт так, чтобы это был более короткий и безопасный путь. Ещё в 1810 году зелеевскими крестьянами предлагался вариант изменения направления Большого Московско-Сибирского тракта, он затем с некоторыми поправками почти полностью совпал с реальной дорогой. Однако война с Наполеоном, длившаяся почти три года, и голодные неурожайные годы (1812–1814) отсрочили эти изменения.

В мае 1815 года вышел Указ Его Императорского Величества земскому управителю Богданову, к которому предлагалась «Роспись о почтовых станциях и о содержании на оных курьерских и почтовых лошадей», в которой приводились все станции в пределах всего заводского ведомства и число лошадей на каждой станции. По тракту от Тобольска к Томску назывались станции в следующем порядке: Колывань – Красный Яр (на территории нынешнего Колыванского района) – Дубровино – Ташара – Ояш – Болотная – Проскоково (в некоторых документах Проскаково) –

Зеледеево – Варюхина – Калтай. На каждой из названных станций должно было содержаться по 6 курьерских и 20 почтовых лошадей. Наибольшее число из всего списка приведённых в росписи станций приходилось на Болотную – место ответвления дороги на Барнаул. Там станции шли в следующем порядке: Болотная – Кайлы – Гутово – Агафоново и т. д.

Как видим, после станции Ояшинской направление Московского тракта изменялось, и станции старого направления – Елбацкий, Елизаровский и Черновский «станцы» – в росписи на 1816 год не называются.

Окончательно почтовая и прочая ямская гоньба по новому изменённому направлению Большого Московско-Сибирского тракта на перегонах от станции Ояш через «станцы» Болотная и Проскоково до станца Варюхино сформировалась и вошла в эксплуатацию в начале 1816 года.

Дорога требовала постоянного ухода. Работа на дороге называлась прокопами, количество вёрст было закреплено за каждым поселением. Но, несмотря ни на что, поездка по тракту не доставляла удобств.

И вот в результате «спрямления» в 1816 году образовалось село Болотнинское, которое существует до настоящего времени уже в статусе города. Этот милый сердцу уголок России – наша малая родина.

Много ратных и трудовых подвигов совершено болотнинцами за эти годы! Много прекрасных и интересных событий связано с нашим хлебосольным краем, много замечательных имён зажглось на небосклоне нашего города и украсило корону Российской империи!

РЕФОРМА И ЛЮДИ

Заселение Сибири с самого начала интенсивного освоения, ещё с XVI века, являлось делом государственной важности и носило политический характер. Более пяти веков население Сибири медленно, но неуклонно росло, и только в конце прошлого столетия, в связи с рядом неудачных правительственных реформ, наметился отток населения из Сибири, который продолжается и сегодня. В настоящее время за Уралом проживает 24 миллиона человек. В начале же прошлого столетия министр правительства Российской империи Пётр Аркадьевич Столыпин начал реформу, которая должна была решить сразу несколько задач: заселить пустующие территории Сибири, улучшить положение российских крестьян, а также оживить предпринимательскую и хозяйственную жизнь страны.

Реформа Столыпина подразумевала глубокую реорганизацию социальной, политической и экономической жизни государства. К концу XIX века стало очевидным отставание России от европейских государств во всех видах жизнеустройства, в том числе в технико-экономическом, промышленном и сельскохозяйственном отношении. Необходимо была повсеместная и глубокая индустриализация, в противном случае России грозила печальная участь сырьевого придатка Европы, подобно участи Турции и Ирана. Волнения 1905 года стали первыми вестниками глубокой болезни слабеющего государства, в 1906 году Столыпин начал решительные преобразования сразу по нескольким направлениям.

Для осуществления земельной реформы в Сибири земли выделялись безвозмездно всем желающим. Кабинет министров всячески стимулировал переезд крестьян на восток страны и развитие там инфраструктуры. Более того, пере-

возка крестьян-переселенцев по железной дороге осуществлялась специальными поездами, состоящими из вагонов IV класса, которые с 1908 года стали заменяться вагонами новой конструкции, имевшими печи, титаны для кипятка и туалеты, – так называемыми «стольпинскими вагонами». В 1909 и 1910 годах плата за проезд с переселенцев не взималась.

Всем желающим устроить свою жизнь в Сибири достаточно было получить проходное переселенческое свидетельство, которое становилось волшебным средством в решении всех насущных вопросов: получение ссуды, переезд, получение земли, инвентаря, а в некоторых случаях и домашних животных.

Остановочных пунктов для переселенцев функционировало 11, из них 8 вдоль линии железной дороги – на станциях Татарская, Каргат, Новониколаевск, Болотная, Тайга, Томск, Мариинск, Боготол. Здесь переселенцы получали приют, совет, медицинскую помощь. В 1909 году на переселенческих пунктах детям выдавали бесплатную пищу, для взрослых были устроены специальные столовые с ценами значительно ниже существующих. Предполагаем, что некогда железнодорожная столовая № 7, которая располагалась в тридцати метрах от вокзала в Болотном, выполняла функцию обслуживания переселенцев: для этого служил обширный зал, способный принять сразу до сотни посетителей. И поговаривают, что ещё с тех незапамятных времен на стене висела огромная картина Василия Перова «Охотники на привале». Ходили слухи, что копию сделал некий болотнинский умелец. Но, глядя на главного враль-охотника на этой картине, верить в эту легенду не хочется. Но в том, что у многих посетителей столовой первая встреча с живописью произошла именно там и за вкусным обедом, – сомнений нет.

Иного объяснения наличия сразу двух мест питания – достаточно просторного буфета с горячим питанием на вокзале и соседствующей столовой – у нас нет. Но традицион-

ная выпечка, которая горами лежала на раздаче, а особенно вкусные пончики с повидлом и жаренные в масле калачи с неровной дыркой, сохранилась в ассортименте железнодорожной столовой до её закрытия.

В Болотном переселенцев встречали специальные агенты, которые были уполномочены помочь нуждающимся оформить льготы, получить юридическую консультацию, а при необходимости и бесплатную медицинскую помощь.

Скоро реформа стала называться Столыпинской, но очевидно, что эти преобразования не устраивали реакционную часть придворной элиты и западные страны. За период с 1906 по 1911 год на Столыпина было совершено 11 покушений, последнее стало роковым, и от тяжёлых ранений Пётр Аркадьевич скончался. Столыпинские реформы имели огромное положительное влияние на жизнь государства, но прекратились в связи со смертью Столыпина и началом глупой, бесполезной и кровопролитной Первой мировой войны.

МАСЛО

Железная дорога действительно стала решающим условием в бурном промышленном развитии Сибири: кузбасский уголь потёк по всей стране, алтайский хлеб шёл через Болотную в Китай в большем количестве, чем в европейскую Россию, из-за дополнительного налога, который пролоббировали московские капиталисты. Железная дорога, конечно, имела военно-стратегическое значение. Однако для болотнинцев одной из весомых статей дохода стало сливочное масло. С приходом железной дороги в Болотной появилось новое оборудование, в том числе и сепараторы, которые позволили уйти от кустарного и начать промышленное производство сливочного масла. А наше сибирское масло – масло особо полезного качества и пользовалось огромной популярностью в Европе. Экспортировалось в основном топлёное масло высшей категории.

И скоро по Транссибу побежали вагоны-ледники, прототипы современных вагонов-термосов и рефрижераторов. Для них на узловых станциях были организованы ледники – хранилища льда, который использовался в вагонах-ледниках; более того, льдом пользовались и пассажирские поезда для хранения продуктов питания. С западной стороны вокзала на станции Болотной, на полпути от вокзала до элеватора, между путями и улицей Вокзальной до семидесятих годов функционировал склад льда, который хранился под открытым небом всё лето, но укрытый толстым слоем опилок. Зимой из специального крана в морозы намораживалась гора льда, которым потом пользовались до новых морозов. И должен сказать, весь лёд за лето использовать не успевали. Представляете, какая гора льда возвышалась на станции? А мальчишкам была радость отколоть кусочек и сбежать от нерасторопного железнодорожника. Ледяные

хранилища были не только в Болотном, но и на других станциях, расстояние между которыми не превышало 200–250 километров.

Проводники или работники, обслуживающие вагоны-ледники, приходили с алюминиевыми ведрами овальной формы литров на двадцать и кололи лёд, иногда в помощь шли багажные тележки.

И в Болотном появились дельцы-посредники, которые скупали масло и отгружали потребителю. Не всегда, однако, представлялась возможность отправлять масло по железной дороге сразу и без задержки. Но на станции Болотной так и не было организовано хранение масла, ближайшие пакгаузы-ледники находились в Новониколаевске.

Средняя скорость «масляных» поездов значительно превышала скорость обычных грузовых. В советское время система была взята под государственный контроль и сбоев не имела. Опыт рефрижераторных поездов получил начало ещё в дореволюционное время, уже тогда формировались поезда из вагонов-ледников, которые имели приоритет даже перед пассажирскими поездами и перемещались по России с огромной по тем временам скоростью. Этот опыт скоростных составов использовался железнодорожниками во время Русско-японской войны. После была проведена модернизация, и уже к 1941 году наши поезда могли преодолевать расстояния до 900 километров за сутки. Вот почему железнодорожникам удалось уже на третий день Великой Отечественной войны наладить новый, то есть скоростной, график передвижения поездов с военной техникой и эшелонов с бойцами. И мало кто задумывался, какую роль в этом сыграло наше сибирское масло.

СОРВАННАЯ РЕЗЬБА

Я родился после войны. Моё детство было бедным и радостным, потому что вокруг меня жили счастливые люди, они много улыбались и всегда были вместе: на сенокосе, или если соседу помочь дом поднять, или если на каток, или в кино, и всегда с нами – многочисленной мелюзгой. И нас, детей, было очень много, не было детских площадок, но дворы кипели детским гомоном и суетой, и всё наше детство проходило где-то на задворках в огромных лопухах, которые росли между вечерней школой и отдышаловкой для машинистов на улице Вокзальной; на старых ранетках, что росли в саду интерната всё на той же Вокзальной, или в играх в «сопку», в «войну», в «Чапая», или на катке КОРа, или на санках на склонах Лоханки. Или на велосипеде, единственном на всю улицу велосипеде, который мне купил отец вопреки беспощадным, как прокурорский приговор, доводам мамы, а потом ещё у нас появился телевизор, и все соседи по вечерам собирались смотреть кино у нас дома.

Мне, ещё совсем мальчишке, запомнилось общее настроение жизни, никогда я более не видел людей с такой жадной жизни. Отец сидел за учебниками, а мать подталкивала нас прочь из дома на улицу, мол, не мешайте папке учиться, у него скоро экзамены. И мне казалось, что этот неведомый экзамен сродни какой-то неистовой попытке, допросу или даже казни. Когда собирались фронтовики, а они кучковались всегда вместе, было много смеха, и они помогали друг другу во всём и безоговорочно. И ещё вот этот возглас: «Махнёмся не глядя?!» – и менялись часами. У отца всегда были новые часы, а однажды даже без механизма внутри, только стрелки. Но это был не обмен, это у фронтовиков была такая игра в обмен. И они неустанно чем-то махались

друг с другом. Фронтовик – это всегда был знак качества на работе, честнее и ответственнее людей ты не встретишь.

Много инвалидов в Болотном появилось через несколько лет после войны, потому что им пришлось долго лечиться в госпиталях; они осваивали новые профессии: чинили обувь, одежду, часы, изготавливали деревянные маленькие бочонки, столитровые кадки, корыта, а более всего я любил деревянные игрушки. Фронтовики-инвалиды, не помышлявшие о творчестве, вдруг раскрывали в себе такие тонкие таланты художников, что некоторым профессионалам и не снилось такое. У нас был один инвалид, который вязал пуховые шали, рукавички, свитера и много пел. В те годы люди много пели, и не только во время застолья, а даже старшие девчонки в школе, на переменах сидели на подоконниках в коридоре и пели.

Мы сейчас не умеем любить своих детей – нет у нас того мудрого терпения, каким обладали наши родители. Мы, кажется, всегда были рядом и вместе с родителями – и в гараже, и на покосе, и в огороде. И к нам относились не как к детям, а по-взрослому, поручали дела важные и самостоятельные, чем приучали брать ответственность на себя. И у всех было много детей, в каждом дворе по несколько детей, хотя жили бедно. Я эту бедность запомнил по одежде, которая передавалась от старших к младшим. Родители менялись детской одеждой на нашей улице, и мы не стеснялись этого. Нищета не была препятствием для появления на свет нового ребёнка, никому не приходило в голову оценивать жизнь будущего человека своим благосостоянием.

Мы жили, как и вся улица Линеиная, да и вся Болотная, и, подозреваю, что и вся Советская страна, очень бедно, но счастливо, потому что мы жили ожиданием лучшего и собственными руками создавали это лучшее. Даже мы, сопливые первоклашки, знали, что Родине важно, чтобы мы получали пятёрки. Каждая пятёрка – как точный выстрел по врагу, а двойка – как предательство или трусость.

Но не любил я, когда отец и дядя Толя с первого этажа пили водку. И тот и другой прошли тяжёлый путь войны, однако наступал момент, когда после душевного разговора и мужицких песен лились солдатские слёзы. Вот к чему я никак не мог привыкнуть, так это к слезам взрослых мужиков и к слезам тёти Кати, которую позже жестоко избивал пьяный дядя Толя. Отец спасал её, борол соседа. Потом дядя Толя стоял перед тётей Катей на коленях и просил прощения. Я ненавидел водку, потому что она рождала неистовую, невиданную, нечеловеческую жестокость. Я ещё не знал, что дело не в ней, не в водке, а в войне, с которой вернулись наши отцы победителями, но с ранеными, порванными напрочь нервами.

Цоканье костылей, посвистывание подшипников инвалидских тележек, натруженный скрип кожаных протезов – привычные звуки детства. Особенно много инвалидов было в воскресенье на базаре. Меня не пугали пустые рукава, пришитые к карманам пиджаков: у нас директор 23-й школы был инвалидом войны – высокий, интеллигентный, но без левой руки. Меня поражали безногие колясочники: они сидели на тележках с маленькими колёсиками, а в руках у них были деревянные кулаки, которыми они упирались в землю и толкали себя вперёд, а на лесенках с невероятной ловкостью и силой перемещали своё тело вверх. Я запомнил одного, который поднимался на эстакаду через железнодорожные пути у вокзала, ведущую в Чётный Парк: он шёл на руках, неся своё тело без ног на весу. Он шёл боком, сначала одну руку ставил на верхнюю ступеньку, потом другую, а люди расступались, пропуская его вверх. Я и после видел его, он ездил в пригородном поезде до Новосибирска с гармошкой на груди и пел жалостливые песни:

Дорогая жена, я калека,
У меня нету правой ноги,
Нет и рук, они честно служили
Для защиты родной стороны.

На обрубках ног лежала серая в крапинку кепка, в которую сердобольные пассажиры кидали мелочь. Иногда поездной милиционер выгонял инвалида из поезда, а тот не ругался, выходил, но уже на перроне какого-нибудь полустанка вдруг рвал меха гармоники и неистово допевал куплет:

От жены я письмо получаю,
С ней я прожил всего восемь лет.
Она только в письме написала,
Что не нужен, калека, ты мне...

Особое впечатление осталось от посещения железнодорожной бани, той, что стояла между церковью и вагонным депо. Ведь в те времена люди массово ходили в общественную баню. Вход в женское отделение был с одного торца бани, а в мужское с другого. Когда я впервые зашёл в мочную, то увидел просторный зал с двумя рядами бетонных скамеек и по периметру такие же толстенные бетонные плиты, каждая скамья разделена неглубоким желобком на два места. Банная шайка громыхала колокольно, а по залу гоняло из угла в угол нескончаемое эхо. На скамьях сидели мужики, и среди них было неожиданно много людей в шрамах. Выцветшие швы неровной резьбой впивались в руки, ноги, грудь. Но больше поразили инвалиды без рук и ног. У них тоже были швы, неровно стягивающие на торцах култышек кожу – уродливые обрубки. Я смотрел во все глаза, пока отец не подтолкнул и не заставил мыться, но я всё равно через мыло в глазах смотрел на изуродованных людей, и любопытство перебивало страх и брезгливую оторопь. Вот только когда я почувствовал всю беспощадность прошедшей войны.

Как в каком-то кошмарном сне, безрукие и безногие шли в парилку. Из кипящего котла с неистовым гулом стартовавшего самолёта в парную врывался густой пар, из-за него ничего не было видно, один хлёт и кряхтение, и периодически крик: «А ну-ка, поддай-ка пару! Пару, сынок, не жалеи!» И кто-то вновь открывал кран, и пар с угрожающим рыком наполнял парилку нестерпимым жаром.

После бани тут же, в предбаннике, небольшой буфет: мне покупался вкуснейший лимонад, который готовил наш пищекомбинат на улице Водопроводной, а отцу – кружка пива из деревянной бочки, доставленной из Тогучина. В Тогучине главным пивоваром на заводе работал немец, депортированный ещё во время войны из Поволжья, он готовил лучшее в нашей области пиво.

Ненавистное спиртное продавалось везде. Я ещё не знал, что это специальная мера государства в помощь фронтовикам; я не знал, что спиртное служило успокоительным, снимало нервное напряжение у тех, кто прошёл военное поле смерти. Вино продавалось вместе с фруктовыми соками. На стойке стояли огромные конусы с вишневым и томатным соками и вином. Я пил томатный, потому что вишнёвый был дороже, а отец – стакан вина. Но можно было купить и рюмочку водки, но в нагрузку шёл бутерброд с подсохшим и неловко прогнувшимся сыром или с тусклой килечкой. Без закуски водку не продавали. Только в шестидесятые годы вдруг пришёл негласный запрет на свободную продажу спиртного, и конусы с вином исчезли, остались только соки. Зато появилось мороженое, по десять копеек за стаканчик. Мороженое делал наш молкомбинат, очень вкусное мороженое.

А ещё около гостиницы, недалеко от центральной площади, был погребок, где продавали пиво в огромных гранёных кружках. Там всегда былолюдно и до потёмок накурено. Мужики в полинялых гимнастёрках, позвякивая орденами и медалями, стояли вокруг высоких и совершенно круглых столов, пили пиво и разговаривали. Их было много, но когда заходил колясочник, он подкатывал к стойке, голова его еле была видна продавщице, но он всегда получал своё пиво без очереди, и мужики смирялись и не мешали ему. Я ненавидел драки, потому что мужики дрались не как мы – до первой крови или «лежачего не бьют», а неистово и жестоко. Дерущихся тут же разнимали соседи по столику, у особо ярых отбирали финки, немецкие финки с орлами

и зловещей свастикой, и все возвращались к неторопливому поглощению пива. Я запомнил ещё одну удивительную особенность: фронтовики никого и ничего не боялись. Если кто-то начинал орать, безумно угрожая окружающим, никто не пасовал перед угрозой или ножом, забияку скручивали и выкидывали вон из погребка – «освежиться». Эта смелость свойственна только тем, кто готов был к смерти и привык смотреть в её чёрные глаза. Не было страха ни за свою, ни за чужую жизнь. Страх остался там, на войне.

Разговоры шли всё о ней, о войне. Я сидел на широком подоконнике под сводчатым потолком оконного проёма в пивном полуподвале и слушал о неведомой и невиданной жизни – о войне; тогда я ещё не понимал, что главной бедой в те годы была глубокая и непрерывно саднящая душевная рана. Люди, прошедшие войну, люди, не один раз принимавшиеся в атаку, люди, десятки раз хоронившие друзей, смотрят на жизнь и видят жизнь иначе, по-другому. Я не понимал, как, но чувствовал, что по-другому. Значительно позже, уже взрослым, я понял, что в том погребке собирались фронтовики – люди без кожи, люди с оголёнными нервами. Они убивали на войне людей и слишком часто видели смерть, чтобы скоро научиться жить мирной жизнью и бережно относиться к чужой жизни. Есть статистика Героев Советского Союза, есть данные об орденосцах, но нет данных о тех вернувшихся с войны солдатах, которые скоро угодили в тюрьму. Они тоже жертвы войны – люди с оголёнными нервами. Много лет наши воины учились засыпать без кошмаров, без криков и стонов во сне.

Любая война – это вечно заживающая рана, и это горькое послевоенное заживление вынес наш народ, наши милые, терпеливые, неистово сильные женщины и, конечно, мужественные и героические мужчины. И не дай Бог нам оказаться в такой переделке, как война, и потерять кожу, оголить нерв – незарастающий, неумирающий нерв скорби, горя и жестокости.

Вечная память героям.

В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРЕМЕН

Кажется, ничто не предвещало беды. Только что прошла московская Олимпиада – триумф советских спортсменов, безукоризненная организация. Американцы бойкотировали Олимпийские игры 1980 года, но на общем настроении это никак не отразилось, люди остались равнодушными к этим ожидаемым недружественным выпадам заокеанского соседа. Следующая Олимпиада проходила в Лос-Анджелесе, и на неё не поехала команда СССР. Теперь мы сожалеем о том, что опустились до уровня американцев, также считаем, что нельзя было опускаться до уровня «белого флага» на Олимпийских играх 2018 года в Пхёнчхане. Этот наш извечный поиск здравомысленной середины периодически оборачивался разочарованием.

Истоки очередного разочарования, начавшегося в 1985 году, надо искать в далёком 1952 году. Тогда только что была опубликована работа И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», в которой он размышлял о хозрасчёте, о новой ценовой политике, подводя к мысли о рыночных отношениях в стране социальной справедливости. Как известно, Сталин собственные статьи по экономике или языкознанию писал самостоятельно, при этом проявлял удивительные знания предмета, а при написании стихов – литературный талант.

Он давно пришёл к очевидному выводу, что партия хороша только в кризисных ситуациях, когда требуется её идеологическая сплочённость, мобильность и высокая дисциплина. Роль партии в Гражданской войне и Великой Отечественной войне никто не оспаривает и сомнению не подвергает. Слова красноармейцев, идущих в атаку: «Прошу считать меня коммунистом!» – не случайные слова.

Сталинская работа по модернизации экономики специально вышла накануне XIX партсъезда, и, собственно, съезд собирался для решения накопившихся проблем. И скажу, забегая вперёд, если бы Сталину удалось провести те экономические реформы и отстранить партийную номенклатуру от руководства страной, то не было бы ни перестройки, ни приватизации, ни развала СССР.

Отношение Сталина к роли партии было достаточно умеренным, в подтверждение приведу его слова: «Товарищи забывают, что коммунистическая партия, какой бы она ни была популярной, является лишь маленькой частицей народа. Подавляющее большинство населения, народ, считают своим представительным органом правительство, поскольку оно избрано депутатами, за которых проголосовал народ».

То есть Сталин открыто говорил, что партия не есть руководитель страны. На съезде он высказался ещё прямее: «Стране и партии нужны проверенные, преданные нашей идее и нашему делу люди, патриоты и профессионалы. А не те, кто с помощью членства в партии заботятся о своей карьере...» Тогда же Сталин высказался против роста численности членов партии. Очевидно, что Сталин считал роль партии в мирное время неэффективной. Более того, в мирное время партноменклатура стала развращаться: пьянство, материальные преференции, взяточничество, любовницы, откровенный разврат. Проще говоря, партноменклатура стала превращаться в барствующее сословие.

В то же время наступило время диктата партийного секретаря. Очень неожиданно и ярко это проявилось в жизни Болотнинского района. В 1977 году руководители хозяйств района, возмущённые некомпетентностью и волюнтаристскими наклонностями первого секретаря райкома партии, поставили вопрос ребром: или мы, или он. Первый секретарь обкома партии, а тогда работал Фёдор Степанович Горячев, сначала наотрез отказался выслушать «забастовщиков». «Будут они мне указывать!» – возмутился Горячев,

но потом остыл и в конфликте сторон поручил разобраться специальной комиссии. Комиссия скоро сформулировала рекомендации: перевести первого секретаря Болотнинского райкома партии на работу в Новосибирск, а в Болотное отправить первого секретаря райкома партии Здвинского района Бурдыко Н. Д. Что и совершилось в конце 1978 года. Руководители хозяйств добились снятия неуютного секретаря, но принципиально в районе ничего не изменилось.

После войны и до самой перестройки повсеместно осваивалась система дипломатического молчания – деликатной «политкорректности» и полного и безоговорочного подчинения партноменклатуре, по сути своей малограмотной, но амбициозной. И об этом говорил И. В. Сталин: «Они не хотят учиться...» Одна из самых часто употребляемых поговорок застойного времени: «Слово – серебро, молчание – золото».

С 1982 года началась череда похорон генеральных секретарей ЦК КПСС – 1982, 1984, 1985 годы. Собственно, такой исход предположить было легко, пожилые члены Политбюро естественным путём и в глубокой старости уходили из жизни. В 1985 году избрали самого молодого среди членов Политбюро, крайне тщеславного, но малограмотного М. С. Горбачёва, который был вначале принят народом с энтузиазмом, и в первые два года его правления даже наметился экономический рост. Далее пошло разрушение государства: как оказалось, предложенная перестройка не имела плана. Советский писатель Юрий Бондарев сравнил перестройку с самолётом, который подняли в воздух, не зная, построен ли аэродром в пункте назначения. Образно говоря, самолёт рухнул и раскололся на пятнадцать независимых государств. Величайшее в мире государство Союз Советских Социалистических Республик прекратило своё существование. В Беловежской Пуще три бывших партноменклатурщика, а на тот момент уже руководители новообразованных «суверенных» государств подписали Беловежское соглашение, которое в народе было

принято как подписание пакта о добровольной и безоговорочной капитуляции.

Бунт председателей хозяйств на болотнинском корабле был последней попыткой вернуться к коллегиальному решению вопросов жизнеустройства. Сегодня уже не секрет, что барствующая партийная элита при бездействии Комитета государственной безопасности совершила тот государственный переворот, который закончился стыдливым спуском советского красного флага в ночь с 25 на 26 декабря 1991 года. «Демократический» расстрел Дома Правительства в 1993 году завершил фазу затянувшейся интриги. Из-за спины бывшего первого секретаря Свердловского обкома партии, секретаря ЦК КПСС, а затем самого ярого антикоммуниста Б. Н. Ельцина выглядывали молодые реформаторы, в рядах которых оказались 1200 американских консультантов из ЦРУ.

ЗАПАС ПРОЧНОСТИ

Преодолев разруху после Гражданской войны 1918–1922 годов, молодая советская власть начала укрепление государства и в первую очередь – вооружённых сил, понимая, что капиталистические страны не смирятся с появлением на карте мира страны равноправных людей и социальной справедливости.

Для этого в аграрной стране в первую очередь необходимо было изменить систему производства сельхозпродукции, уйти от личного хозяйствования с той лишь целью, чтобы увеличить производство сельхозпродукции посредством индустриализации сельского хозяйства. В то же время коллективизация позволяла высвободить людей из аграрного сектора в промышленное производство. И крестьяне пришли в промышленность, строили мощные электростанции, новые рудники и шахты, крупнейшие в мире металлургические заводы. Без коллективизации осуществить планы экономического прорыва было невозможно. С этой же целью и в это же время реализуется ленинский план ГОЭЛРО. С 1932 по 1937 год (2-я пятилетка) ежедневно вводятся в строй по три промышленных предприятия. Ежедневно!

В эти же годы в неграмотной стране строятся тысячи школ, появляются сотни вузов, которые готовят инженеров для металлургии, конструкторов, технологов, химиков, моторостроителей, радиоинженеров и т. д.

Требовались военные кадры – и в СССР появились сотни военных школ и училищ, которые готовили строевых командиров, лётчиков, танкистов, артиллеристов, военно-морских специалистов, радиоинженеров, сапёров. В каждом крупном городе в парках выросли парашютные вышки – для обучения будущих десантников. Для юношей считалось неприличным появляться в общественном месте

без значка ГТО, «Ворошиловский стрелок», «Осоавиахим» или значка парашютиста. Считалось модным после работы и учёбы заниматься парашютным спортом, учиться летать на планерах, обучаться вождению тракторов (читай: танков) и владеть стрелковым оружием.

Коллективизация в Болотнинском районе, как и во всей стране, началась в 1929 году, а уже в 1930 году в районе было 248 колхозов, из них 30 – национальных меньшинств. На этот период в Болотнинском районе, который объединял земли, которые позже отошли Мошковскому району, было 210 населенных пунктов и проживало в них 82 425 человек, из них в Болотном – 10 110 человек.

На стадионе около элеватора постоянно проходили футбольные матчи, в бору – соревнования по лыжным гонкам и мотоспорту, в недавно открывшемся тире ДОСААФ не смолкала канонада соревнований болотнинских стрелков, там же при ДОСААФ работали различные секции, в том числе по подготовке лётчиков и радистов. Именно в нашем ДОСААФ Марина Попович (Васильева) почувствовала вкус неба, продолжила обучение в Новосибирске и стала 103-кратной чемпионкой мира по авиаспорту.

Болотнинский район вносил свою посильную лепту в укрепление обороноспособности страны. Без коллективизации и без индустриализации сельского хозяйства представить независимое будущее нашей страны было невозможно.

НА ПОРОГЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Новая революция

В ночь на 26 декабря 1991 года был спущен флаг над Домом Правительства в Москве. Флаг над Болотнинским райисполкомом гордо реял до Рождества Христова и вызывал у жителей района робкую надежду на то, что всё обойдётся. Не обошлось. Восьмого января флаг исчез, остался голый флагшток, упрямо поддерживающий тяжёлое, серое зимнее небо.

США и их союзники из Европы действовали не силой, а с помощью новых информационных технологий, и скоро изящная манипуляция сознанием – «помощь границе» – помогла новой политической поросли убедить народ в том, что свершившийся государственный переворот вовсе и не переворот, а сознательный выбор самого советского народа на пути к своему светлому будущему.

28 октября 1991 года в девять часов утра через Восточный переезд в Болотное въехала зелёная перламутровая «Тойота-Корона Марк II», примерно час она простояла около дома Геннадия Андреева на улице Восточной, 63, а после стремительно помчалась по Московскому тракту к Западному переезду. Прохожие удивлённо оборачивались, с любопытством провожая необычную для здешних мест машину. Никто и не подумал, что по территории района пролетела первая ласточка – символ наступившего беспредела – «рыночной экономики».

В Болотнинский район перестройка ступила ещё в конце восьмидесятых: вдруг разрешили жить и проявлять инициативу без согласования с райкомом партии, вплоть

до самостоятельного решения организовывать собственное коммерческое предприятие или кооператив.

В Болотном появились первые платные видеотека, дискотека и концертно-развлекательные программы. Первое желание у власти было вернуть всё на прежние хорошо накатанные рельсы, и видеотеку скоро закрыли. Но свободу уже нельзя было остановить.

Нынче уже не помнят, что на территории между Болотным и Дивинкой появились крупные коммерческие предприятия «Каскад» и «Энергия». «Энергия» успела построить кирпичный завод, гостиницу и даже бассейн. Но прошёл слух, что появилась директива, в которой предписывалось ужесточить контроль над коммерсантами. Скоро слух подтвердился: несколько налоговых проверок, огромные штрафы – и крупных фирм не стало. Кирзавод, гостиницу и бассейн разобрали.

6 ноября 1991 года решением президента России Б. Н. Ельцина была запрещена коммунистическая партия, она распускалась, а имущество компартии национализировалось. Все ждали перехода коммунистов на нелегальное положение и партизанскую борьбу, но этого не случилось. Объявленная свобода позволяла всем заняться и реализовать свои амбиции в коммерческой деятельности, чем и занялись многие секретари комсомольских и партийных организаций.

Следом за роспуском райкомов вдруг и разом перестали выплачивать зарплаты бюджетникам: учителям, воспитателям, врачам, библиотекарям, милиционерам и пожарным. В Болотнинский райисполком потянулись делегации с требованиями, просьбами и слезами. Но райисполком не был готов решать самостоятельно подобные вопросы, не было ресурса, и самим работникам РИКа зарплату тоже выдать было нечем. Именно в эти годы произошёл отток лучших, наиболее деятельных специалистов из бюджетной системы, люди пошли искать заработок, чтобы прокормить семьи.

В 1993 году принимается новая Конституция, проходят радикальные преобразования, названные самими реформаторами «шокотерапией».

Следующая беда не заставила себя долго ждать: рухнула финансовая система, а за нею и способность вести хозяйственную деятельность. Появилось незнакомое явление – бартер. В эти же дни промышленность поразили кризис неплатежей.

Спасая предприятия, руководители вынуждены были увольнять людей, отказываться от содержания детских садов и других объектов соцкультбыта. В Болотном произошёл всплеск безработицы и сопровождающей ее преступности.

Два крупнейших предприятия Болотного – швейная фабрика и гофротарный завод – меняли свою продукцию на всё что угодно, а для реализации товаров, приобретённых по бартеру, организовали сеть магазинов. Кроме того, чтобы выжить, швейная фабрика создала дополнительные производства – хлебопекарню и мясоперерабатывающий цех, что позволило выдавать рабочим зарплату деньгами, а не товаром. Гофротарный завод, продукция которого пользовалась повышенным спросом, пошёл по пути модернизации производства, построил новые цеха и закупил новое оборудование.

В эти же годы сельхозпредприятия района учились выживать без помощи государства, они начали самостоятельно заключать договоры на реализацию своей продукции, но без господдержки в режиме свободных цен и инфляции 1 % в день им выжить было нереально.

Разорение колхозов и совхозов района привело к автоматическому закрытию молкомбината, элеватора, мясокомбината, «Межколхозстроя», «Мелиоводстроя», «Сельхозтехники» и других предприятий.

Уместно сказать, что массовое разорение сельхозпредприятий наблюдалось не только в Болотнинском районе, из 89 регионов России в 86 случилось то же самое, в дей-

ствительности произошло повальное уничтожение сельского хозяйства России.

Сокращения, невыплаты зарплат создали обстановку беспрецедентного психологического стресса, который стал причиной ранней смерти целого поколения людей, тех, кто родился в шестидесятые и семидесятые годы.

Поезд следует без остановки

Началась реформа железной дороги. 19 декабря 1996 года к Западно-Сибирской железной дороге присоединили Кемеровскую железную дорогу. Обновлённую дорогу возглавил В. И. Старостенко – человек высокопрофессиональный, жёсткий и бескомпромиссный. В условиях рыночных отношений для железнодорожников главным приоритетом стал не план, а прибыль. Руководство Западно-Сибирской железной дороги поставило перед собой новые задачи, и прежде всего требовалось добиться дальнейшего повышения производительности труда, наращивать темпы снижения эксплуатационных расходов, без каких-либо послаблений продолжать внедрение ресурсосберегающих технологий. Надлежало с новых позиций оценить и штатное расписание, поставив количество задействованных в трудовых процессах людей в жёсткую зависимость от объёма перевозок. Новые экономические условия требовали гибкой тарифной политики, комплексного развития системы связи, телекоммуникаций, вычислительной техники. Из состава дороги необходимо было вывести предприятия и подразделения непрофильной сферы деятельности. Это только беглый перечень первостепенных задач, которые поставили перед собой руководители Западно-Сибирской железной дороги. Только объединение дорог высвободило более 1400 человек и позволило получить реальный годовой эффект в размере 108 миллионов рублей.

Перестройка железной дороги велась по двум направлениям: слияние, выделение предприятий или реоргани-

зация их в обособленные структурные подразделения с лишением статуса юридического лица. В апреле 1999 года реорганизация предприятий была завершена.

На станции Болотной ломка началась, как и по всей сети дорог, с приходом к власти Б. Н. Ельцина. Резко упали грузоперевозки, железнодорожники перешли на бартер, началась задержка выдачи зарплат. Некоторые железнодорожные организации начали развивать подсобную вспомогательную деятельность: ремонт вагонов вне плана, изготовление гаражей из списанных вагонов, изготовление бань из контейнеров, на одну баню уходило два пятитонных багажных контейнера.

После объединения дорог крупная железнодорожная станция Болотная превратилась в станцию, на которой перестали останавливаться поезда. Скорые поезда мчались мимо знаменитого вокзала, чуть сбросив скорость на входных и выходных стрелках. Но вот что писали сами железнодорожники: «Ликвидация междорожных стыковых пунктов Болотная, Тогучин позволила увеличить участки обращения локомотивов и работы локомотивных бригад». Теперь поезда ходят от Инской и Новосибирска-Главного до станции Тайга или Белово без остановки, именно это дало экономический эффект.

Сокращение поездных бригад на станции Болотной было радикальным, более 90 человек приняло вагонное депо. Машинистов и помощников машинистов переучивали на сварщиков, слесарей по ремонту подвижного состава, дефектоскопистов и т. д.

На станции Болотной прекратили существование железнодорожные организации: пропарочный пункт, НГЧ и СМУ. Произошло сокращение штата в организациях: ПЧ – связисты и среди энергетиков.

Кроме организационных и технологических преобразований, железнодорожники поставили перед собой ещё одну задачу, а именно – избавиться от «социалки». С 1997 года ЗСЖД приступила к передаче жилья, объектов коммуналь-

но-бытового назначения, здравоохранения и отделов рабочего снабжения муниципальным организациям. В итоге выгода от этих манипуляций получилась колоссальной, но нищие муниципалы, получив непосильный объём вдруг свалившейся на них дополнительной «социалки», вынуждены были закрывать некоторые из них, а высвободившиеся здания продавать. Из трёх детских садов, принадлежащих железнодорожникам станции Болотной, остался только один.

Но в 1999 году по результатам отраслевого соревнования за первый и четвёртый кварталы Западно-Сибирской железной дороге были присуждены первые премии Министерства путей сообщения и Центрального комитета профсоюза.

Новый этап перестройки 1993–1994 годов ознаменовался ваучерной приватизацией. Произошло беспрецедентное в мировой истории перераспределение бывшей общенародной собственности крупнейшего в мире государства узким кругом лиц (отечественных и зарубежных) с помощью крупномасштабной ваучерной кампании.

В 1994–1996 годах начался основной этап денежной приватизации. Большинство обладателей ваучеров были в полной растерянности, не знали, что с этими «ценными бумагами» делать, и практически никакого влияния на процессы перераспределения собственности оказать не могли. В Болотном некоторые остроумные люди обклеивали стены туалета ваучерами, некоторые продавали. Один ваучер стоил бутылку водки.

С некоторым опозданием в приватизационную гонку включились директора предприятий, которые благодаря этой акции превращались из наёмных работников государства в хозяев промышленных предприятий, колхозов, совхозов, а также довольно многочисленный номенклатурный слой. Они и составили социальную базу и движущую силу процесса приватизации.

В статье использованы материалы доктора экономических наук, заслуженного экономиста России, действительного члена Академии прогнозирования – Российского отделения Международной академии исследования будущего А. А. Кисельникова; доктора исторических наук, члена-корреспондента Российской академии наук В. А. Ламина; информацию по теме также предоставили В. А. Бохан, Г. М. Голошевская, Н. И. Мелихова, П. Ф. Мысик, Ю. Н. Попов, Н. Ф. Томилов, А. И. Федюк, Н. Н. Шабунина, А. В. Целько.

ИМЕЛИ ЧЕСТЬ. СОХРАНИЛИ ДОСТОИНСТВО

Спортивные традиции Болотнинского района удивительные и интересные, они уходят в глубь веков.

К сожалению, многие имена заслуженных спортсменов и работников этой сферы мы уже не сможем восстановить.

Я приехал в Болотное в 1975 году и вскоре занял место председателя райспорткомитета. Физкультура и спорт в районе были развиты неплохо, спортсменов хватало. Особенно хорошо обстояли дела у железнодорожников. Отделение Добровольного спортивного общества (ДСО) «Локомотив» возглавляла Лидия Ивановна Евстафьева – мотогонщица, лыжница, человек решительный, принципиальный и жёсткий. Мы достаточно скоро нашли с нею общий язык и уже вместе начали проводить районные спортивные мероприятия.

Мне необходимо было решить два важных кадровых вопроса – найти человека на пустующее место председателя ДСО «Урожай» и директора для только что открытой детско-юношеской спортивной школы (ДЮСШ). Неоднократно я приезжал в Новосибирский техникум физкультуры, выступал перед выпускниками, звал на работу в наш район. Специалисты поехали, но все инструкторами в хозяйства района, там выделяли жилплощадь. Несколько лет тянулась эта история с вакансией председателя ДСО «Урожай». Должность пробовали, но не справлялись, работы было мало, а зарплата мизерная. Но дело даже не в зарплате. И вдруг я узнаю, что райком партии готовит очередную кандидатуру – второго секретаря райкома ВЛКСМ, который уже по возрасту не мог работать в комсомоле, но и для карьерного роста никаких талантов не проявил. Человека

с таким багажом нельзя было подпускать к руководству сельским спортом – очередная пустышка, которая развалит всё напрочь и уже окончательно. Действовать надо было стремительно!

Я буквально вцепился в молодого, спортивного Александра Федюка, который только что демобилизовался из армии, и повёз его в Новосибирск в облсовет ДСО «Урожай». На вопрос, согласовал ли я кандидатуру с райкомом партии, я уверенно соврал. Скоро мой блеф обнаружился, и я получил свой первый выговор. Но человек уже был устроен на работу, и райкому партии пришлось смириться.

Если с председателем ДСО «Урожай» я вопрос всё-таки решил, то директоров спортшколы откуда только я не привозил, даже из Челябинска пригласил Николая Андреевича Моршнева, с которым когда-то учился. Но дело всё равно не клеилось. Позднее мы вместе с Лидией Ивановной провели соревнования по лыжным гонкам на приз Героя Социалистического Труда Т. С. Игутовой и на них пригласили юргинцев, заманили призами – дефицитными самоварами, которые раздобыли на базе райпо. Так мы познакомились, а потом пригласили к нам работать мастера спорта СССР, тренера с высшим образованием Николая Александровича Мастыко. Дела в школе оживились, но директора так и не было.

Тем не менее общерайонный спорт развивался активно, но всё делалось бы медленнее и дольше, если бы не энергичная помощь первого секретаря райкома партии Николая Демьяновича Бурдыко, заместителя председателя райисполкома Георгия Ивановича Меркулова, первого секретаря РК ВЛКСМ Галины Михайловны Голошевской и её заместителя Володи Колесникова. А фундаментом всего стал огромный актив спортсменов и общественных инструкторов, который сформировался в районе буквально за три-четыре года работы! Мы собирали до полутысячи спортсменов на парады, посвящённые 1 Мая и 7 Ноября, проводили эстафеты по улицам Болотного, летние и зимние

праздники ГТО в несколько этапов, в которых принимало участие до трёх тысяч человек. На крупных предприятиях появились профессиональные инструкторы физкультуры, наша молодёжь поехала учиться в техникум физкультуры и спорта (НТФКиС) в Новосибирск – это был кадровый прорыв, настоящая революция!..

Мы придумали проведение зональных летних спартакиад на центральных усадьбах колхозов и совхозов района, для которых хозяйственникам предстояло построить стадионы. Все эти задумки проводили через решения исполкома района, и наши инициативы принимали законную форму и обязательность к исполнению.

За три года все хозяйства района построили на своей территории добротные спортивные сооружения – стадионы и хоккейные коробки, а некоторые – и освещённые лыжные трассы.

Как замечательно работала Евстафьева! И каким энтузиастом оказался Федюк! Это был дружный и по-настоящему творческий тандем. Фантазия Александра Федюка была безгранична, порой требуя холодного освежающего душа от меня или Лидии Ивановны. Я поздно уходил с работы и, ложась спать, мечтал, чтоб поскорей настало утро, когда можно будет снова бежать на работу!..

Результаты не заставили себя долго ждать. Из отстающих в области Болотнинский район уверенно поднялся в лидирующую пятёрку в общекомандном зачёте по всем видам спорта. Особые достижения наши спортсмены показывали в лёгкой атлетике, лыжных гонках, пулевой стрельбе, шахматах, гиревом спорте, городках, волейболе, хоккее с шайбой и в детском футболе.

Мы выиграли первенство Новосибирской области по многоборью ГТО (пятиборью), поехали на первенство Сибири и Дальнего Востока в Читу, там стали победителями и вышли в финал, который должен был состояться в Таллине. К большому сожалению, с целью экономии средств на предстоящую Олимпиаду 1980 года финальную часть первенства СССР по многоборью ГТО отменили.

Особый, бескорыстный вклад в дело развития физической культуры и спорта в Болотнинском районе внесли: Борис Власов, Нина Липш, Владимир Конушкин, Геннадий Андреев, Анатолий Никифорцев, Надежда Александрова, Владимир Грибовский, Владимир Вернер, Владимир Золотайко, Леонид Пашкеев, Анатолий Каукин, Валерий Королёв, Юрий Сурганов, Любовь Белоусова, Виктор Казарезов, Александр Зайцев, Фёдор Сорц, Владимир Емельяненко, Александр Бондаренко, Владимир Переплёткин, Эдуард Можейко и ещё многие и многие.

Это был невероятный подъём в первую очередь массового спорта: практически в каждом коллективе в хозяйствах и на предприятиях района сформировались команды по различным видам спорта.

В районных соревнованиях принимали участие без малого все школы района. Но нам никак не удавалось наладить работу в спортшколе. Один Н. А. Мاستыко не мог решить все задачи, стоящие перед специализированным учебным заведением.

Эта проблема была решена, но уже без меня, потому что летом 1982 года меня с треском выгнали с работы. А было это так...

Шло заседание исполкома Болотнинского райсовета, и вопрос был один – мой поступок на Областных летних сельских спортивных играх в Купино. Понятно, что на заседании были члены исполкома, человек пятнадцать, среди них: заместитель председателя райисполкома Меркулов Георгий Иванович, начальник милиции Дымов Владимир Анисимович, первый секретарь райкома партии Бурдыко Николай Демьянович, председатель райисполкома Третьяков Леонид Степанович и, конечно, секретарь райисполкома Валентина Александровна Малзуб.

В общем-то, история простая. Все спортивные делегации стали заложниками нечестного судейства. Решить что-либо через протесты, которые мы подавали в судейскую коллегию, мы не могли. Кстати, ситуация очень схожа с той, которая к 2018 году сложилась в олимпийском дви-

жении. Унижение наших спортсменов, безапелляционные, надуманные обвинения и подтасовки: очевиден заказ наших спортивных соперников и политических врагов – американцев. Но мир трусливо оглох и ослеп.

То же самое, но не в мировых, а в областных масштабах, случилось тогда в Купино. Судьи будто оцепенели, организаторы и областные спортивные чиновники на наши требования не реагировали. Никто не хотел замечать очевидных подтасовок. Никто не хотел скандала, а признание необъективного судейства – скандал. Но по общекомандному зачёту мы продолжали лидировать. И всё же на третий день сельских игр я собрал всю спортивную делегацию болотнинцев – 26 человек, доложил ситуацию и предложил прекратить унижение и покинуть игры. С нами был секретарь по идеологии райкома партии Геннадий Никитович Симонов, который придерживался иного мнения и требовал продолжить соревнования, но спортсмены поддержали меня. Мы парадным строем, демонстративно подошли к автобусу, сели в него и уехали домой.

Расчёт был прост: во-первых, не позволить унижать нас, во-вторых, привлечь к ненадлежащей организации игр внимание прессы. Так и случилось. Ситуация получила большую огласку, и, кстати, с тех пор нареканий на судейство ни на одних играх больше не было. Но, получается, я ослушался секретаря райкома партии товарища Г. Н. Симонова, а это, по мнению Н. Д. Бурдыко, был самый страшный грех.

На заседание исполкома пригласили и Александра Ивановича Федюка. И вот во время обсуждения моего «неправильного поведения» на играх на улице вдруг начали скандировать: «Руки прочь от Александрова! Руки прочь от Александрова!» Все члены исполкома поднялись и выглянули в окно. Я тоже не утерпел и любопытствовал. Картина маслом: у райисполкома собрались спортсмены, человек пятьдесят! Дирижировал протестными выкриками легкоатлет Володя Конушкин. Председатель райисполкома Третьяков приказал мне: «Иди и прекрати это безобразие».

Я вышел и сказал: «Ребята, сейчас вы делаете мне хуже». Они молча разлеглись на газоне под тополями. В те годы напротив выхода из райисполкома росли огромные тополя. Когда я вернулся, он спросил: «Вот мы тут уже полтора часа тебе растолковываем, как да что, убеждаем. Скажи, а как бы ты теперь, после нашей беседы, поступил?»

Я по молодости был отчаянно искренним, поэтому абсолютно чистосердечно заявил: мол, после разговора с вами, товарищи члены исполкома, ещё раз убедился в правильности своего поступка! Владимир Анисимович Дымов, начальник милиции, шарахнул по столу кулаком и чуть не закричал: «Вы посмотрите, как он себя ведёт!» От неожиданности Валентина Александровна, которая сидела рядом, вздрогнула, её очки упали с переносицы. Рядом со мной сидел Александр Федюк, и мы непроизвольно, а может, от нервного напряжения, рассмеялись. Наш смех стал последней каплей, и меня уволили.

Через месяц трудовую книжку мне выдал новый секретарь райисполкома Сафронов Валерий Александрович. Я открыл книжку и прочитал: «Освободить от занимаемой должности за неправильное поведение и как снявшего команду района на областных финальных играх в п. Купино. Решение исполкома от 15 июля 1982 года № 135».

Зачем я рассказал эту историю? Во-первых, чтобы наши дети и внуки знали, что мы были энергичными и активными людьми, готовыми служить Родине, и правда для нас была выше благополучия. Во-вторых, чтобы на маленьком, но ярком примере показать технологию гонения инициативных и честных, искренних и трудолюбивых молодых людей, готовых совершать поступки и отвечать за них.

К несчастью, наступали времена, когда в первую очередь продвигались и поощрялись угодники – беспринципные люди, не имеющие собственных убеждений, готовые бездумно выполнить любой приказ свыше, те, кто в 1991 году, вместе с генеральным секретарём ЦК КПСС М. С. Горбачёвым, предали страну – Союз Советских Социалистических Республик.

«НОВОСИБИРСК? УНИЧТОЖИТЬ!»

В 1940 году Георг Томас, генерал и начальник военно-экономического управления Вооружённых сил Германии, разработал и предложил план по захвату Сибири через устья рек Оби и Енисея. Экономист понимал стратегическое значение природных запасов и промышленного потенциала Сибирского региона, а также решающее значение Транссибирской магистрали. Томас предлагал в самом начале войны против СССР перерезать Транссиб в районе Новосибирска и таким образом отсечь Сибирь от Восточного фронта.

Теперь с высоты прошедшего времени понятно, насколько генерал-экономист был прав, но Гитлер не поддерживал этой инициативы, хотя генерал просил всего несколько судов и пятьдесят тысяч десантников.

О плане захвата Сибири Гитлер вспомнил весной 1943 года, когда была уже проиграна Сталинградская битва, именно с этого момента Верховный главнокомандующий Вооружёнными Силами СССР Иосиф Виссарионович Сталин повел советские войска в наступление. Немцев могло спасти теперь только чудо.

К сожалению, не все шпионы и предатели были выявлены и ликвидированы в довоенные годы, а потому немецкая разведка докладывала фюреру, что заводы Новосибирска дают фронту *«27 % снарядов и мин, десять видов боеприпасов, начиная от винтовочных патронов, снарядов разного калибра, авиабомбы, а также реактивные снаряды для «Катюш». Новосибирский завод Чкалова производит половину самолётов-истребителей. Завод Кузьмина даёт более 217 тысяч тонн проката, предприятия лёгкой промышленности – одежду и обувь. А также Новосибирск изготавливает пулемётные тачанки, керосиновые фонари, обозы, полевые кухни, котелки, подковы – всего более 70 наименований. Кроме того, в Барабинске изготавливают*

бронепоезда, в Болотном ремонтируют санитарные поезда, в коченёвском небе обучают лётчиков-истребителей, на Тогучинской верфи изготавливают боевые катера, а в Колыванском районе изготавливают лыжи для красноармейцев, специальные лыжи для пушек, приклады для автоматов, а также собирают лечебные травы для госпиталей!». И это еще не весь отчет! Продовольствие стекается, как огромная лавина, по дорогам области и по притокам Оби к железной дороге, которая обеспечивает пробег эшелонам на Восточный фронт со скоростью 900 километров в сутки!

«Сибирь? Обь? Новосибирск? Уничтожить!» – фюрер приказал уничтожить Новосибирск.

Очевидно, Гитлер был ошеломлён разведанными, вот когда он смог по достоинству оценить способности своего опального генерала-экономиста Георга Томаса. Вот когда Гитлер понял, что чудо, которое может его спасти, – это перерезанная артерия Транссиба и уничтожение промышленного гиганта – Новосибирска, а по ходу и Барнаула, и Томска, и Красноярска, и Омска!

Но того, довоенного, ресурса у Германии уже не было, а потому приказ Гитлера с охотой принялся исполнять комбриг Красной армии – перебежчик Иван Бессонов. Его надежды были на заключённых ГУЛАГов, которые размещались в устье Оби. По сведениям всё той же шпионской сети он знал, что в заключении около Салехарда содержится несколько тысяч предателей, дезертиров и уголовников. Также Бессонов хорошо поработал среди пленных, набрал несколько сотен человек, они двинулись по северным морям к Обской губе. Но прежде он познакомился с планом Томаса. Изучив его, Бессонов составил свой план, в котором предполагал войти в устье Оби на немецких и захваченных советских судах и, продвигаясь к Новосибирску, уничтожить города и сёла, заводы и фабрики – всё живое на берегах Оби.

К сожалению, у нас нет точных данных о событиях и количестве жертв, но Бессонову не удалось взорвать Новосибирск, в 1945 году он попал в плен к американцам, но был передан советским властям, осуждён и вскоре расстрелян.

О тщательной подготовке немцев к войне на севере нашей страны говорит множество находок – это немецкое оружие и патроны, пуговицы со свастикой, которые находили у ненцев, уже после войны случайно обнаружили хорошо замаскированную базу ремонта и дозаправки немецких судов на берегу Обской губы, а также в устье Енисея и Лены. Обнаружены в районе Карского моря несколько немецких метеостанций. Были на Севере и вражеские аэродромы со взлётной полосой из металлопластин, которые назывались аэродромами подскока. Много ещё белых пятен в истории Великой Отечественной войны, они ждут своих исследователей.

Но есть свидетельства коренного населения. Вот как передаёт свою встречу с местными жителями историк-краевед Геннадий Зайцев: «Беседовал с Тусида Иваном Алеевичем, он рассказал мне, что его дядя Сэрпиво Левала как-то вот сидел, хороший день был, штиль. Курил трубочку, думал о ненецкой жизни оленевода... И вдруг он услышал свист, вой. Фонтаны начали всплывать. Его охватил страх. Как он говорит, подумал, что дух воды всплывает».

Более того, как только надежда на прорыв к Новосибирску по Оби была потеряна, «немецкая подводная лодка U-639 VPC, построенная на верфях Гамбурга, с экипажем из 47 человек под командованием 24-летнего обер-лейтенанта «цур зее» (морского флота) Вальтера Вихмана во время своего четвёртого и последнего похода выставила минное заграждение ОМИ-98. 1 августа 1943 года в Печорском море установили 16 мин и 20 августа – 24 мины на мелководье Обской губы. В обоих случаях глубина погружения составила 22–27 метров» («Эхо войны в Обской губе», Игорь Ермаков). Это стало известно после того, как эту подлодку в надводном положении подстрелили наши подводники сразу тремя торпедами. На месте подрыва из масляного пятна выловили вахтенный журнал, в котором обнаружили запись о минах. Полностью разминировать Обскую губу удалось только в 2012 году. Но и нынче на некоторых участках Обской губы нашим геологам не разрешено проводить исследования из-за опасности пострадать от фашистских мин.

НЕ НАДО ВРАТЬ

(размышления о настоящем)

По одной из версий, слово «врун» происходит от древне-го русского слова «выра», то есть говорящий напраслину. Говорить, врать, вор, ворог, враг – однокоренные слова. Если человек врёт, значит, ворует правду, а если он ворует, то очевидно, что он враг, который должен быть непременно наказан по закону военного времени, потому что мирного времени в природе не существует. Войны, как известно, бывают кровопролитные, холодные, биологические, информационные, а нынче против России ведётся гибридная война. Нет мира, но есть время нашей жизни, которая проходит в борьбе за настоящее и будущее, за право жить нам и нашим детям честно, счастливо и богато.

И сейчас речь пойдёт о том, почему нашего счастья и богатства и, собственно, самих нас с каждым годом становится меньше, но прежде – несколько иллюстративных сюжетов из истории района.

Как, каким образом и почему все удобные земли вокруг Колывани оказались в частных руках, теперь уже никто толком не скажет, и кто совершил это беззаконие, конечно, промолчит, но после череды выборов и смен глав нашего района губернатор предложил на эту должность землеустроителя из Новосибирска Виктора Аверина, который сделал попытку вернуть хотя бы часть земель Колывани.

Аверин был настойчив, но проиграл все суды и, уже обессиленный, обратился к губернатору, мол, у нас очевидников на землю немерено, а земли нет, Колывани развиваться некуда. Василий Алексеевич Юрченко – на тот момент губернатор нашей области, умел решать вопросы жёстко и конкретно, и скоро Колывани вернули 20 гекта-

ров, и именно тех земель, которые когда-то планировались под жилое строительство. После этих событий многие заужавали нового главу, который выступил последовательным защитником интересов района и его жителей. Но, к сожалению, человек слаб, и соблазн был велик, Аверин не удержался и продал добытые гектары коммерческой фирме под строительство цехов для выращивания индейки.

Узнав про индюшатник, на защиту Колывани поднялись общественники, они выступили против такого строительства, предлагая отдалить место строительства, и на то были серьезные основания: проданная земля находится с подветренной стороны от Колывани, в водоразделе реки Чаус и над водяной линзой, питающей районный центр. После двухлетней борьбы справедливость восторжествовала: областная прокуратура узрела нарушение в сделке, отменила договор купли-продажи, и земля вернулась под юрисдикцию района.

Вновь присланный глава района, уже из Татарска, Евгений Артюхов энергично взялся за обустройство депрессивного района, и скоро этот злосчастный, но единственный свободный кусок земли опять оказался всё у той же коммерческой фирмы по выращиванию индейки! Но теперь уже не в собственности, а в долгой аренде и совсем бесплатно! Вот так: экология, подветренная сторона, близость подземной линзы, доминирующий наклон к реке Чаус, усилия инициативных общественников, обращения в прокуратуру, к губернатору и президенту – это не причины для перенесения экологически опасного бизнеса на иной, более подходящий для этого участок, – капиталисты хотели именно этот участок, даже если люди задохнутся и захлебнутся в индюшачьем дерьме.

Однако в этот раз организаторы сделки все юридические сусеки зачистили, земля по генплану сменила своё назначение и оказалась уже промзоной, появилась хоть и сомнительного свойства, но положительная экологическая экспертиза, и уже неважно, какого она качества. Пока

жители будут разбираться, писать и судиться, а экологи вести умные и долгие споры, индюшатник успеют построить, а если вдруг бунт на корабле, глава – бывший силовик и юрист – пригласит доблестных бойцов Росгвардии, и они умело и очень доходчиво расскажут, кто в доме хозяин.

Наблюдая за историей Колыванского района за последние двадцать лет, я невольно думаю, что ни от какой беды Колыванский район не получал столько вреда, сколько от руководителей района! Чтобы понять логику вышеприведённых событий, а похожими экологическими сюжетами изобилует новейшая история нашего Отечества, нужно понять, почему так происходит, где эта собака зарыта, которая никак не позволяет нам наладить нормальную жизнь по правде и по совести?!

Пытаемся разобраться. Существует две системы государственного строительства: в одной правит диктатура народа, в другой – диктатура капиталистов. И отличия принципиальные: в одном случае во главу угла ставятся интересы народа, во втором случае интересы капиталистов.

Простая логика подсказывает, что если у власти капиталисты, то вся система государственного контроля, исполнительная власть, законодательная, судебная и прочие госструктуры обслуживают диктатуру капиталистов. И неважно, кто и какие люди работают в административных органах, – они в системе услуг диктатуры капиталистов, и независимо от своих личных качеств, политических убеждений или нравственных ориентиров они вынуждены служить в угоду капиталистам. Надо понимать и другое: диктатуре капиталистов медицина, образование и прочая «социалка» вместе с пенсионерами не нужны – это балласт, расходная и неэффективная часть бюджета, значит, его надо минимизировать или ликвидировать полностью. Но уменьшение социальных расходов, так же как и повышение цен, нужно делать, как советуют некоторые политтехнологи, постепенно – удавка должна затягиваться медленно, народ должен привыкать к ней.

Иной случай, когда в государстве диктатура народа – понятно, что народная власть решает насущные для народа вопросы: бесплатная медицина, образование, бесплатное жильё, обязательная работа, армия и милиция народные, и вся система исполнительной и законодательной власти плоть от плоти народная и решает вопросы народа. Но необходимо оговориться: случались воры и при диктатуре народа – да, конечно, и воры, и вруны, и карьеристы, и взяточники, и прочие нехорошие люди. Но их было мало, с ними эффективно боролась милиция и прокуратура, а судьи давали справедливые сроки заключения всем расхитителям социалистической собственности. Воры, они же враги народа, благополучно работали на лесоповале или на зоне верхонки шили.

Всё, о чем я сейчас пишу, в нашей стране уже было, мы это уже проходили. В феврале 1917 года царя-батюшку свергли именно капиталисты, среди заговорщиков были даже родственники царя. Диктатура капиталистов умудрилась за восемь месяцев до Октябрьской революции высосать все соки из народа и угробить экономику страны. Сейчас же иные сроки, вот уже тридцать лет трудолюбивая диктатура капиталистов выкачивает из страны богатства, но справиться не может – и это говорит лишь о том экономическом потенциале, который был создан советским народом за семьдесят пять лет народной власти.

Между двумя диктатурами существует принципиальное, непреодолимое нравственное противостояние. Диктатуре капиталистов такие нравственные ориентиры, как доброта, любовь, отзывчивость, милосердие, взаимопомощь, честность, не нужны и противоречат сущности капитализма – добыче прибыли, ради которой они, собственно, живут и работают не покладая рук. Но диктатуре капиталистов совершенно не мешают качества, которые называются пороками: жадность, накопительство, эгоизм, властолюбие, бесцеремонность, беспринципность, готовность обидеть, обобрать, украсть, обмануть, убить. Более того, капитали-

сту выгоден человек-потребитель – немного грамотный (вот для чего ЕГЭ и дистанционное образование) и много трусливый (вот для чего коронавирус и не проходящая борьба с терроризмом), человек-эгоист – ориентированный на себя и на свои меркантильные потребности, человек, лишённый высшего смысла своего существования, то есть человек сомнительных нравственных ориентиров. Вообще-то для капиталистов идеальным человеком является человек-корова, которого можно держать в стойле, кормить всякой гадостью и при этом ещё и доить. А лучше, если этим будет заниматься искусственный интеллект.

Сегодня и сейчас надо чётко понимать: если не будет диктатуры народа, то будет диктатура капиталистов, если нет приоритета общего интереса, будет приоритет частного интереса. Иного не дано: или плюс, или минус; или юг, или север; или добро, или зло. Собственно, что мы и доказали на простом примере непобедимого индюшатника в Колыванском районе.

К сожалению, государственный переворот 1991 года принёс нам беду – капитализм в самой вульгарной и непотребной форме – колониальный капитализм. Наша Родина стала сырьевым придатком самых агрессивных стран мира – наших извечных врагов. Итоги деятельности нынешней диктатуры капиталистов: уничтожены промышленность и сельское хозяйство, уничтожены образование и наука, медицина, отданы чужеземцам монополии и природные богатства, уничтожены великие социальные достижения, – всё перечисленное если и существует, то в остаточном количестве.

Страной все тридцать лет руководят люди, которые после отставки уезжают жить на свою новую родину, перед которой немало послужили – в Лондон, Тель-Авив или Вашингтон. За примерами далеко ходить не надо: Михаил Горбачёв, Михаил Касьянов, Владимир Якунин, Андрей Козырев, Елена Скрынник и прочие бывшие «патриоты». Более того, многие действующие государственные деятели

имеют недвижимость за границей, и дети многих министров и депутатов Госдумы уже живут и учатся за рубежом.

Но главные потери нашего народа находятся в сфере нравственной самодостаточности. Диктатуре капиталистов противоречит всё, что близко народу! Для диктатуры капиталистов крайне опасны традиция, нравственность и историческая память. Вот почему уже тридцать лет главным оружием диктатуры капиталистов стало откровенное враньё о нашей истории, нашей культуре, нашем народе! Уже тридцать лет осуществляется социальный заказ власти капиталистов на создание ужасающего образа нашего прошлого, поставлена задача: смешать с грязью даже достойнейшее, уничтожить память о Советском Союзе, его достижениях. Вы, надеюсь, понимаете, что речь идёт о вранье на государственном уровне, а не о мелкой повседневной прихоти человека, склонного для красного словца немного оправдаться или приукрасить, речь идёт о стране, о народе, о мире.

Прошлое – вот камень преткновения и объект ненависти современной диктатуры капиталистов, вот почему все центральные, то есть подчинённые диктатуре капиталистов, СМИ заняты одним и тем же – созданием образа страшного прошлого Советского Союза. Вот почему очевидны нестыковки того, о чём говорит и к чему призывает президент России, с тем, что происходит на самом деле. Враньё – это главное оружие диктатуры капиталистов. На фоне многословия о важности духовно-нравственного и патриотического воспитания – открытое воровство правды, предательство прошлого, наших родителей, предков, всего самого дорогого – нашей Родины. Все хорошие намерения в «Основах государственной культурной политики» или «Федеральном государственном образовательном стандарте», наштапованных умными словами о важности патриотизма, – не более чем фейк, дымовая завеса диктатуры капиталистов. Никто осуществлять все эти благие планы не собирается и даже не помышлял о том.

Вот почему большой проблемой для диктатуры капиталистов являются старики: они не только балласт, потребляющий невозвратный материальный ресурс, но и носители исторической памяти, те, кто сохраняет и передаёт будущим поколениям правду истории. И неслучайно именно коронавирус был выбран не только главным средством запугивания и подчинения населения, средством уничтожения и без того слабого промышленного потенциала, поводом для ускоренного сбора личных данных для последующей чипизации, но и средством умерщвления стариков – носителей исторической правды. Кроме перечисленных задач, коронавирус решает и экологический вопрос: по мнению диктатуры капиталистов, людей на земле слишком много, и, как заявил «любимец публики» господин Чубайс, вторя Биллу Гейтсу, нас на Земле должно остаться из семи миллиардов не более полутора, пять с половиной миллиардов человек лишние. А мы удивляемся тому катастрофическому уменьшению населения нашей страны, области, района.

В чём незавидная участь глав сельских районов и небольших городов России? Ответ прост: в отсутствии ресурса. Даже если глава, прошу прощения за ненаучный термин, сопрёт весь годовой бюджет района, а это несколько сотен миллионов рублей, он не будет принят в ряды акул капитализма, для них он останется презренным мелким воришкой, карманником, которого для видимости борьбы с коррупцией могут даже посадить в справедливую тюрьму, – это первая причина.

А вторая причина трагедии – в опасной близости к людям, к тем простым людям, которые и есть народ, к их проблемам, которые из-за этой опасной близости надо решать. Росгвардии на всех не хватит, их всего триста тысяч дубинок и столько же прочих полицаев, омовцев, но и их всех вместе не хватит усмирить сто сорок миллионов голодных и доведённых до отчаяния людей. Да и, надо признаться, в органах служит много порядочных людей, любящих и свою Родину, и свой народ. Армия же стрелять в народ

никогда не станет. Но и мы не должны допустить гражданской войны. Мы не должны совершить того, на что нас толкает диктатура капиталистов. Мы не должны опять потерять самых лучших из нас.

Что же нужно сделать, чтобы мы вновь услышали детское счастливое многоголосье на наших улицах и во дворах? Первое, для начала совсем небольшое, – перестать врать, то есть надо научиться говорить правду и слышать правду, узнавать правду, интересоваться правдой, добывать правду. Да, с непривычки это мучительно и раздражает, но зато как потом легко жить с чистым сердцем и с радостным чувством достойной жизни. Второе – бороться всеми законными способами за наше прошлое, настоящее и будущее и помнить, что идёт война не на жизнь, а на смерть, и отсидеться в окопе никому не удастся.

ЗВЁЗДОЧКА

ВКолывани в 1920 году случился так называемый Кулацкий мятеж. Зажиточные крестьяне и прочий торгующий и деловой люд согнали своих земляков в количестве двадцати одного человека к изгороди церкви во имя святого благоверного великого князя Александра Невского, там и расстреляли всех. Их расстреляли не за то, что они взяли в руки оружие и кого-то ограбили, не за то, что они были большевиками, а за то, что поддержали новую советскую власть и мечтали жить достойно. Там их и похоронили в огромной братской могиле.

Что скажешь, время было такое. Дикое время, дикие нравы!

Позже уже новая власть поставила пирамидальный памятник со звездочкой на острие.

Но не давала покоя новой советской власти эта самая церковь: то закроют, то вновь разрешат вести службы, а к 1968 году терпение кончилось у местного партийного актива, и здание церкви передали под хозяйственные нужды. Кресты сорвали, купол сбили, даже подорвать пытались, но качнулась колокольня, да выстояла.

Что скажешь на это? Дикое время было, дикие нравы.

В конце восьмидесятых приняли решение восстановить церковь, а вокруг неё обустроить Покровский Александр-Невский женский монастырь. Оформили землеотвод, поставили изгородь новую кирпичную, так и попала братская могила на территорию монастыря. Сначала бурьяном заросла, потом обсадили могилку с облупившимся памятником кустарником и деревьями – обиходили, называется, чтобы глаза не мозолила, – да вот незадача, пропала куда-

то звёздочка с памятника. Исчезла, сверглась наземь, как когда-то невинные люди полегли в эту землю, как когда-то золочёный купол с крестом утонул в жирном сибирском чернозёме, так и звёздочка теперь покоится где-то ржаво и безымянно.

Памятник густо обсажен кустарником и деревьями, чтобы не видели прихожане.

Что делать, опять вздыхаем мы, время такое. Дикое время настало, дикие нравы.

Не берёт нас мир, а история упрямо ничему не учит. И что, надежды на выздоровление нет? Да, расстрелянных не вернёшь, но крест-то вернули, осталось звёздочку вернуть, коммунистам прийти да цветы возложить, монахи-ням молитву об упокоении прочитать, а мирянам с миром свои гордые головы склонить. Вот когда только и заглянет в наше окошко, как солнышко, надежда, что грядёт новое время, в котором будут различимы очертания счастливой жизни.

Кто из нас смеет судить прошлое? Никто и никогда, но учитывать уроки истории с благодарностью и почтением к своим предкам мы обязаны. Наступило новое столетие, в котором мы имеем только одно право – явить пример глубокого познания, отчаянной защиты и особого почитания прошлого, хотя бы для того, чтобы нашим детям не пришла в голову прихоть устраивать судилище над нами и нашим трагическим, неимоверно тяжёлым временем. Кресты должны стоять на удобном им месте – на куполах церквей, звёздочки – рубиново сиять на памятниках, а люди должны жить до преклонных лет достойно, в мире и согласии! Вот когда и после чего появится желание поздравить нас всех с Днём народного единства!

БУМЕРАНГ

Почему так много людей относится к священнослужителям негативно или, скажем мягче, недоверчиво? Этот вопрос возник у меня очень давно, но то ли суета, то ли ещё какая беда не позволяла мне заняться поиском ответа. Однако ещё в школе, увлечённый литературным творчеством, я собрал некоторую подборку, которая смешила, но и смущала меня, потому что к религии в нашей семье относились уважительно. Подборку пословиц и поговорок о попах я хранил втайне от родителей. Вот он, «глас народа – глас Божий»:

Поп смирен духом, да велик брюхом.
Мужик плачет – а поп пляшет.
Поп что клоп – людскую кровь пьёт.
Попу да вору всё впору.
Поп и Богу норовит за чужой счёт угодить.
Попы да черти одной шерсти.
Ряса просит мяса.
Поп втихомолочку нашёл себе богомолочку.
Весы – не попова душа, не обманут.
У всякого попишки свои тёмные делишки.

Очевидно, что негатив тянется ещё из веков далёких, видимо, с тех самых пор, когда в норме были гонения на несчастных язычников, разорение капищ и сожжение особо несогласных и не желающих креститься. Но как оно было на самом деле, теперь один Бог только ведает.

В 1830 году Александр Сергеевич Пушкин, не боясь анафемы, создаёт «Сказку о попе и работнике его Балде». В сказке поп очевидно отрицательный персонаж: он жаден, хитёр и злобив, в то же время имеет некие коммерческие отношения с нечистой силой, которая платит ему оброк.

За что? За то ли, чтобы свободно жить на территории поповского прихода? Но такое предприятие для священнослужителя есть должностное преступление.

Следом за великим поэтом не менее великий прозаик Николай Васильевич Гоголь в сказочном произведении «Вий» собирает всю нечистую силу в церкви. Одним словом, творчество наших классиков не повышало уважительного градуса к священству.

Тремя десятками лет позже появляется поэма Николая Алексеевича Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». В произведении Некрасова этот вопрос «неуважения» к духовенству вообще звучит из уст самого священника, который спрашивает мужиков:

– Теперь посмотрим, братья,
Каков попу почёт?
Задача щекотливая,
Не прогневить бы вас?..
Скажите, православные,
Кого вы называете
Породой жеребьячьей?
Чур! отвечать на спрос! –
Крестьяне позамялись.
Молчат – и поп молчит...
– С кем встречи вы боитесь,
Идя путём-дорогою?
Чур! отвечать на спрос! –
Кряхтят, переминаются,
Молчат!
– О ком слагаете
Вы сказки балагурные
И песни непристойные,
И всякую хулу?..
Мать-попадью степенную,
Попову дочь безвинную,
Семинариста всякого –
Как чествуете вы?

Кому вдогон, как мерину,
Кричите: го-го-го?..

Крестьяне молчат, потому что все претензии батюшки справедливы. Нам теперь удивительно, но сто лет назад была расхожая примета: «Поп на дороге – недобрая встреча». Из приведённых аргументов очевидно, что «почёта и уважения» в прошлые века народ к духовенству не испытывал. Однако надо признать, что пушкинские, гоголевские и некрасовские строки были написаны в самое благополучное для православной церкви время, в девятнадцатом веке, когда подавляющая часть населения – это крепостные, то есть бесправные и подконтрольные, крещёные православные люди, которые ходят в храмы, постятся и причащаются. Так в чём же дело? Откуда эта неприязнь? В чём природа этого негативного явления? Ведь как говорят: «Даже прыщ на носу – и тот даром не вскочит, но сначала почешется».

Перечисленные сюжеты могут вызывать улыбку и некоторое непонимание – как могло случиться, что главные идеологи царя-батюшки, служители, отвечающие за духовное состояние общества, не пользовались должным уважением ни в народе, ни у классиков русской литературы. Мы не говорим об отдельных священниках, позже причисленных к лику святых, эти единицы и оставались единицами в общей многотысячной массе духовенства. Накануне революции 1917 года в России было 81 399 священнослужителей – целая армия, по численности сопоставимая только с партноменклатурой советского времени.

Общепринято, что писатели есть совесть народа, его голос, его душа и прочие обязательства. Ещё в юности мне на глаза попала «Исповедь» Льва Николаевича Толстого, произведение крайне искреннее и честное, именно из-за этой «Исповеди» Лев Николаевич был отлучён от церкви и похоронен за пределами кладбища, в тихом, любимом им лесу, на краю оврага. Мысль его проста: он исключал пользу

религии, отягчённой ненужными обрядами, для мыслящего человека. Попытка мыслить самостоятельно стала причиной агрессивной нетерпимости церковноблудитителей, и гениальный писатель был проклят. Вольность и воля не приемлются религиозными и политическими структурами, претендующими властвовать над духом человека.

Однако все эти и прочие противоречия не могут быть причинами кровавого разорения церквей после Октябрьской революции 1917 года. Как говорится, не хватает мотивации. В чём же дело? Вопрос несоответствия деяний оставался для меня открытым. Ладно, думал я, пусть попы и ленивы, и обманщики, и бабники и прочая, собственно, мы такие же, не нам их судить за жирные щи на их столе, но за мирские дела убивать, простите, даже для революционеров это слишком. По данным РПЦ (Русской Православной Церкви) за первые десять лет советской власти погибло 858 священников; архив СССР уточняет, что в 1918 году погибло 827 священников, а в 1919-м – 19 человек, в последующие годы от 20 до 35 человек в год. Анализируя архивы прошлых лет, убеждаемся, что в 1918 году часть священников погибла от рук населения, часть – от анархистов и бандитов, часть – от революционеров-большевиков, а часть – от белогвардейцев из-за симпатии некоторых священников к советской власти.

Решающий и бесспорный ответ на свой вопрос повсеместного преследования священников я нашёл в царских законах, принятых в 1845 году, в так называемом «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» в разделе втором: «О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих оную постановлений».

Вот некоторые из статей этого закона.

Статья 182. Богохульство в церкви – ссылка и каторжные работы до 20 лет, телесные наказания, клеймение; в ином публичном месте – ссылка и каторга до 8 лет, телесные наказания, клеймение.

Статья 183. Непубличное богохульство – ссылка в Сибирь и телесные наказания.

Статья 186. Богохульство, поношение, порицание, критика христианства без умысла – заключение в смирительном доме до 2 лет, заключение в тюрьме до 2 лет.

Статья 187. Печатная и письменная критика христианства – ссылка в Сибирь, телесные наказания.

Статья 190. Отвлечение от веры: ненасильственное – ссылка до 10 лет, телесные наказания, клеймение; насильственное – ссылка до 15 лет, телесные наказания, клеймение.

Статья 191. Отступление от веры – лишение прав на время отступления от веры.

Статья 192. Если один из родителей не христианской веры воспитывает детей не в православной вере – расторжение брака, ссылка в Сибирь.

Статья 195. Совращение из православия в иное вероисповедание – ссылка, телесные наказания, исправительные работы до 2 лет. При насильственном принуждении – ссылка в Сибирь, телесные наказания.

Статья 196. Вероотступничество – запрет на контакты с детьми до возвращения в веру.

Статья 198. Уклонение от крещения и воспитания детей в православной вере – заключение до 2 лет.

Статья 220. Непривод детей в церковь – духовное и гражданское внушение.

Статья 206. Раскольничество – ссылка.

Статья 207. Сектанство – ссылка.

Статья 210. Насильственное распространение ереси и раскола – каторжные работы до 15 лет, телесные наказания, клеймение.

Статья 223. Оскорбление святынь – каторжные работы до 15 лет или пожизненные, телесные наказания, клеймение.

Статья 227. Оскорбление священнослужителя – заключение в смирительном доме до года или тюремное заключение до 6 месяцев.

Полный текст Уложения 1845 года есть в свободном доступе.

Тысячи осуждённых по поповскому навету вернулись после 1905 года домой, накануне этой амнистии Николай II подписал «Манифест об усовершенствовании государственного порядка», в котором обещал свободу вероисповедания. Могли ли эти тысячи вдруг освобождённых людей простить священству каторгу, клеймение, истязания? Нет. Как и те, кто в эти годы отбывал наказание в тюрьмах и смиренных домах. И после рухнувшего в 1917 году страха ненависть и месть хлынули к церквям. И удивительно в этом кровопролитии только одно – что наш народ терпелив и ярость оказалась не повсеместной. Священнослужители, радеющие за Христа и любовь, остались с народом, вот отчего в 1937 году при переписи населения верующими назвалось 56,7 % человек в возрасте от 16 лет и старше. Много это или мало, я не знаю. Но большая половина населения не побоялась сказать о своём отношении к религии. И не важно, кому эта статистика понравилась, а кому нет, люди были простыми и искренними и страха не ведали, а кто ведал – тот промолчал. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что реально верующих было значительно больше. Не всякий человек решился указать своё вероисповедание, ведь власть не благоволила церкви.

Так в чём же дело? С одной стороны, поп-кровопивец на государственных штыках мзду собирает, с другой, невзирая на все страхи, люди с необъяснимым упорством указывают в именных бюллетенях при переписи населения в 1937 году своё вероисповедание. Но противоречия нет. Как нет противоречия и в решении Иосифа Виссарионовича Сталина в 1943 году открыть более 22 000 церквей. Он, бывший семинарист, хорошо понимал, что церковь – это то самое место, где ослабший человек, уже не способный вынести всего, что ему жизнь уготовила, измученный непосильным трудом, осиротевший от одиночества и безысходности, мог обратиться к Богу как к последней инстанции – прийти в церковь и выплакаться батюшке, просить сил вырастить шестерых детей-сирот и помолиться за спа-

сение души погибшего мужа-героя. Вот где спрятана настоящая вера – она в таинственной, потусторонней могучей силе, на которую только и можно надеяться и всё вытерпеть, и жить дальше. Какое великое и вечное чувство – вера в Бога, как важен покров церкви и как велика ответственность священника, ламы, ксёндза, муллы перед Богом и людьми в своём искреннем и бескорыстном служении!

Перед истым служкой, дарящим любовь и утешение, Сам Бог на коленях стоит и благословения просит! И только в таких полах небо примиряется с землёй. А прочих – в неучёт, их нет у Бога, они оброк Сатане собирают.

Тот, кто желает увидеть живого Бога, пусть ищет его не в пустом небосводе собственного разума, но в человеческой любви.

Ф. Достоевский

ИСТОЧНИК

Люблю тяжёлую и просторную «Волгу», и чтобы рядом сидела жена, и чтобы дурманило бензином и качало, как на финской волне. Ира всегда внимательно следит за дорогой, назидательно указывает на возможные опасности, изредка забывает об обязанностях ментора, опускает солнцезащитный козырёк, в котором есть маленькое зеркальце, и, чуть разомкнув губы, поправляет причёску. Люблю летнее утро, в котором не содержится ещё признаков зноя и душной людской суеты. Люблю чувствовать в себе бодрость и силу и обольщать жену сосредоточенным спокойствием.

Шесть часов утра. Дороги свободны от подслеповатых пешеходов и прозорливых гаишников. Можно покачать закосневшую педаль газа и познакомить неуклюжую машину с её собственными возможностями.

– Куда разогнался? Я хочу ехать без напряжения, имею я право отдохнуть или нет?

Я ждал этого вопроса, и потому сбросил скорость. Ира действительно имела полное право на отдых, на покой, на что угодно, но, при всём нашем всесемейном старании в сторону обеспечения этого непрехотливого женского права, создать условия для его действительного присутствия нам никак не удавалось: облегчить ей жизнь, уберечь от потрясений, переживаний и всяких непредвиденностей. На её голову, и обязательно при отсутствии моих мужественных плеч, падали всевозможные беды и несчастья: роды нашей

собаки, её собственные роды и даже роды наших соседей сверху, которые в суматохе забыли закрыть кран с горячей водичкой; даже роды жены нашего электрика – и те пришлось кстати и ровно на мою командировку, и моя семья провела при свечах три незабываемых вечера. Такова метафизика моего дома – всё дурное в нём случается без моего согласия и охранного глаза, но только чьими-то упрямыми усилиями.

В тот день мы путешествовали в сторону Ложка, так называется местечко за Искитимом. В этом отдалённом и неприютном местечке когда-то располагался лагерь для политзаключённых. А теперь о нём знают благодаря целетельному источнику, пробившемуся ровно в том месте, где расстреляли священника.

Указатель с надписью «Ложок» я нашёл довольно скоро, однако задумался, точно рыцарь, разглядывая паутинку из просёлочных дорог, прихотливо разбегавшихся в разные стороны. Я решился попылить по самой накатанной и натруженной колее. И не прогадал.

Мы прорвались через берёзовые колки по тряской скалистой дороге, и вот перед нами широкий простор: огромный зелёно-цветочный луг, за ним, прицепившись тонким ручейком, будто ниточкой за воздушный шар, большое бело-зеркальное озеро, а прямо перед глазами домик-часовенка с деревянным крестом на крыше.

– А где же родник? – спрашивает жена.

– Теперь уже найдём, – бодро отвечаю я, останавливаю машину недалеко от часовенки, выхожу размять затёкшие ноги.

Пока я выходил из машины, Ира, прикрыв голову пепельным шарфиком, уже встала против простенькой бумажной иконки Иисуса Христа и перекрестилась.

Я подошёл тихо, чтобы не мешать молитве жены, широко перекрестился, поклонился в пояс иконе и произнёс про себя: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного».

Так пока получается: не могу просить у Господа ничего, кроме отпущения грехов. Стыдно, осознавая их, просить большего.

Мы стали спускаться вниз к глубине лога; высокая, не успевшая выгореть трава и цветы оросили потемневшие штанины до колен, я сорвал несколько ромашек, уложил плотным букетиком и повернулся к жене.

– Неужели ты вспомнил, что у тебя есть жена? – растрогалась довольная вниманием Ира. – А я уже начала подзревать, что ты про меня вообще забыл.

Она протянула руку за букетиком. Подражая небезызвестным рыцарям-паломникам, я опустил на колено и, склонив упрямую голову, преподнёс своей даме букетик, норовя украдкой приобнять её стройные ноги.

– Ну, началось, ты не можешь не кривляться!

– О Господи, – воздев руки, взмолился я, – накажи эту женщину участью жить со мною до конца третьего тысячелетия!

– Боже, – засмеялась Ира, – упаси меня от этого наказания, – но вдруг сделалась серьёзной. – Хватит болтать, не отдыхать приехали, а к святому источнику.

Мы нашли родник, устроенный какими-то умельцами так, чтобы удобно было набрать катящуюся по желобку святую воду в пластиковую канистру. Около родника стол и две лавки по бокам, но мы пошли вниз по ручью – были слышаны о купальне, где можно окунуться в святые воды источника.

Мы шли медленно, выбирая дорогу, радовались, что одни, что утро свежее, говорили о Боге и расстрелянном священнике.

– А где он похоронен? Давай найдём его могилу и положим цветы. – Ира с надеждой посмотрела на меня.

– Не думаю, что найдём могилу, в те годы людей зарывали и крестов не ставили. Но, может, часовенка и стоит на могиле священника?

– Да, наверное, мы цветы у часовенки поставим, я банку с собой взяла, чтобы воду черпать, в неё цветы и поставим.

После этих слов Ира затихла, а после задумчиво произнесла:

– Отчего люди были такими жестокими, друг дружку уничтожали, какое варварство – на священника руку подняли! Что же это у них, мозги у всех съехали, что ли, будто нелюди. Какая пустота в душах была, темень непроходимая.

А меня удивило не это, хотя всё, что сказала Ирина, верно; меня удивило другое: за убийство священника – не наказание жестокому народу, а святой источник на исцеление. Господь всё ещё надеется, Господь всё ещё помогает очиститься душам нашим и спастись. Иногда меня приводит в ужас многотерпение Господа: какая же тяжесть греха обрушится на человечество в день Страшного суда. Не столкновение планет будет, как пугают нас прорицатели, а столкновение с планетой человеческого греха, в созидании которой мы все приняли участие.

– Знаешь, – продолжала Ира, – мне иногда представляется наш Бог в виде солнца, он дарит нам любовь-свет, а мы, люди, – это зеркальца-души. Если душа чистая, то она отражает Божественную любовь, и маленький лучик летит обратно на солнце, и это радует Бога, а наша планета похожа на шарик с миллионами светящихся огоньков. Но если человек грешит, то его зеркальце-душа начинает отворачиваться от Бога, и свет его души улетает в пустоту, а у самых отъявленных грешников, которые отвернулись от Бога, – в них отражается только тьма. Когда человек умирает, его чистая душа улетает к Богу, а душа грешника достаётся дьяволу.

Я представил себе Бога в виде солнца и земной шар, светящийся калейдоскопом чистых душ, и мне стало хорошо и уютно.

Купальня была оборудована неожиданно добротной, тропинка была вымощена плитами. И даже сами вязкие берега укрыты опрятными камушками.

– Нужно помолиться и трижды окунуться в воду, – назидательно сказала жена.

Мы трижды окунулись в ледяные воды святого источника, клацая зубами, с трудом произнесли «Отче наш» и выскочили на берег.

Тела наши стали розовыми и лёгкими. Я натянул рубаху и штаны, обуваться не стал. Чтобы согреться, мы побежали наверх по тропинке, остановились на косогоре, отдышались. Потом мы медленно побрели к часовенке.

– Как хорошо, что мы сюда приехали, – радовалась жена и срывала цветы.

Я шёл рядом, помогал ей в нехитром деле, тоже выискивал крупные ромашки, укладывал в букет и чувствовал себя удивительно молодым и счастливым.

– Нам нужно приехать сюда с детьми, но не как теперь, а на весь день, помолиться, искупаться в источнике.

– Хорошо, будем считать, что нынешняя поездка – это разведка боем.

– Этот источник, – вслух продолжила свои размышления Ира, – многих исцелил, и никто ещё ни разу от купания в нём не простыл...

Мне нравилось, что она осталась наивной девчонкой, светлой и чистой. Я обхватил жену, сильно прижал к себе и поцеловал.

– Мне больно, ты груб, у тебя только животные инстинкты...

Я не дал ей договорить:

– Я люблю тебя, я люблю детей, я люблю Бога, даровавшего мне мою жизнь, мою жену и моих детей. Я не знаю, за что я счастлив, но я счастлив, и пойдём, поставим этот букет, наш с тобой букет, к часовенке, помянем священника и поблагодарим Бога за моё незаслуженное счастье.

Ира посмотрела мне в глаза и сказала:

– Хорошо, но мы забыли налить воду. – И она протянула мне литровую стеклянную банку.

Я помчался обратно к ручью, вихрем летел обратно на косогор, желая удивить жену скоростью в исполнении поручения, но замер удивлённый: Ира стояла около часовенки и плакала, горько плакала.

– Ира, что случилось? – я огляделся кругом, пытаюсь увидеть обидчиков.

– Посмотри, что они наделали. – Ирина обвела меня вокруг часовни и показала на иконку Божьей Матери, простреленную мелкокалиберными пулями.

Ира поставила цветы у часовенки-домика, перекрестилась, поцеловала осквернённую икону и пошла к машине.

Я смотрел на лик расстрелянной Богородицы, на рваные дырочки, расставленные по образу со снайперской тщательностью.

«Что ж ты, парень, натворил? – думал я. – На что ты себя обрёк? В кого стрелял? В жену, мать, дитя, Россию, Бога? Стрелял в них, а попал в себя...»

На следующий год, когда мы приехали в Ложок, с удивлением узнали, что чуть выше источника пробился ещё один родник, и тоже с водою необычной – святою.

Тайна

Наш нынешний максимализм разрушителен: то храмы строим ударными темпами, то по иконам стреляем. Но ни то ни другое не есть русский человек. Настало время, давно настало время учиться быть русским человеком – братолюбивым и честным, жертвенным и требовательным, созидающим и умным, верующим и думающим, искренним и смелым!

НЕМЦЫ ПОВОЛЖЬЯ. ПОПЫТКА ОБЪЕКТИВНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Последние годы в СМИ усиленно обсуждается тема о насильственном переселении поволжских немцев, начавшемся осенью 1941 года. В действительности проблему взаимоотношения национальностей надо рассматривать шире и увидеть, как нашу многонациональную лодку пытаются раскачать наши общие враги. По немцам мнения столь противоположны, что мы решили посмотреть на эту тему поближе и сделать не только попытку объективного осмысления, но и поделиться информационной квинтэссенцией.

1. Как выяснилось, немцы, переселившиеся на плодородные земли Поволжья при Екатерине II, с 1760 года не ассимилировались, а продолжали жить относительно изолированно от Русского мира. Многие немцы на момент начала войны не знали русского языка.

2. Очевидно, что тема поволжских немцев изучалась, обсуждалась и продумывалась на самом высоком государственном уровне, и решение о переселении немцев – это не прихоть одного или нескольких человек. И об этом свидетельствует очень серьезный документ. Указ правительства о переселении немцев лучше привести полностью.

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

УКАЗ

от 28 августа 1941 года

**О переселении немцев, проживающих
в районах Поволжья**

По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в райо-

нах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья.

О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья никто из немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям не сообщал, – следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов советского народа и советской власти.

В случае, если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами, в Республике немцев Поволжья или в прилегающих районах и случится кровопролитие, Советское правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья.

Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьёзных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить всё немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы с тем, чтобы переселяемые были наделены землёй и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах.

Для расселения выделены изобилующие пахотной землёй районы Новосибирской и Омской областей, Алтайского края, Казахстана и другие соседние местности.

В связи с этим Государственному Комитету Обороне предписано срочно произвести переселение всех немцев Поволжья и наделить переселяемых немцев Поволжья землёй и угодьями в новых районах.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

М. КАЛИНИН

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. ГОРКИН

Москва, Кремль

28 августа 1941 г.

Приведённый документ особых комментариев не требует, потому что достаточно подробно объясняет причины и условия переселения.

3. Важно знать значение слов, широко употребляемых относительно поволжских немцев.

а) В документе говорится о переселении. Переселение – это изменение места жительства людей (добровольное или принудительное) или животных.

б) Часто употребляется слово «депортация». Депортация (лат. *deportatio* «изгнание, высылка»), или выдворение, – это принудительная высылка лица или целой категории лиц в другое государство или другую местность, обычно под конвоем.

в) В последние годы относительно немцев употребляют слово «репрессия». Репрессия – это карательная мера, наказание, обычно применяемое государством.

Ознакомившись со значением этих слов, приходим к выводу, что поволжские немцы не были репрессированы, потому что это была не карательная операция, – они были переселены или депортированы.

Будьте бдительны, в словах может скрываться много неправды.

4. Организацию переселения осуществляли отряды НКВД. В эшелоны, в которых только что отвезли солдат на фронт, грузились немецкие семьи с небольшим количеством вещей и запасом пищи. Трое суток в дороге, с короткими остановками на перегонах. На крупных станциях по вагонам разносили в вёдрах суп или кашу. Слабые умирали, беременные рожали тут же в вагонах. От железнодорожной станции кому-то предстояло ехать ещё на пароходах вверх и вниз по течению Оби. От пристани и станций по деревням немцев разводили спецпредставители от деревень, они доводили переселенцев до места. Расселяли в свободные дома, на квартиры к малосемейным, а кому-то пришлось копать землянки. Кстати, специалисты эвакуированных заводов жили пер-

вый год в землянках. Тёплую одежду собирали у населения, как правило, давно ношенную. Мужчин-немцев, тех, кто принимал участие в организации заговора, осудили и расстреляли. Работающие немцы наравне с местным населением получали по 600 граммов хлеба в день, иждивенцы – 400 граммов в день. В то же время необходимо заметить, что некоторые эшелоны останавливались, немцы выгружались, и их отправляли на уборку урожая. По воспоминаниям очевидцев, так было в Колывани. В сентябре привезли немцев, те отработали на уборке урожая (мужчины были на войне), а после председатель колхоза в Малом Оёше выдал дополнительно каждой семье мешочки с крупами. Вот почему в некоторых воспоминаниях немцев иногда встречаются слова о том, что до места назначения добирались больше месяца.

Трудармия – не было такого понятия, был трудовой набор, призыв на эвакуированные заводы. Более 90 % призывников составляли русские девушки, несовершеннолетние юноши и мужчины непризывного возраста (те, кому за 50). Немцы, как и прибалты, из-за утери доверия не призывались в действующую Красную армию, а призывались к станкам. Оплата и условия жизни, как и у кадровых рабочих.

5. В воспоминаниях тружеников тыла, детей войны и поволжских немцев часто упоминается такой факт, что весной ходили по полям и собирали прошлогоднюю мёрзлую картошку, потом из неё делали драники или «тошнотки». Да, картошки на полях в зиму осталось много, потому что при посадке рассчитывали, что её будут убирать вместе с мужчинами.

6. Но труднее всего переживались не материальные проблемы, а моральный климат. Но если трудолюбивые немцы скоро завоевали авторитет и доверие среди населения, а это было непросто – соседи получали похоронки на мужей и сыновей, – то у детей, особенно у мальчиков, жизнь складывалась сложнее.

7. Но мы задались ещё одним вопросом: а как там, в «цивилизованном» мире государств – участников войны, происходило ли нечто подобное у них?

И вот несколько фактов.

США. У американцев антияпонские настроения сложились задолго до 1941 года. Поэтому после объявления Японией войны 7 декабря 1941 года японцы, а вкупе с ними и немцы, и итальянцы, были объявлены в Соединённых Штатах «враждебными иностранцами» по этническому принципу (имеющееся гражданство не учитывалось). Президент Франклин Рузвельт 19 февраля 1942 года подписал Чрезвычайный указ № 9066, который разрешал перемещать вышеуказанных граждан в «зоны выселения». Большинство так называемых спецлагерей построили на землях индейских резерваций. Очевидно, что американцы не изобретали ничего нового, а шли давно и надёжно протоптанной тропой искоренения индейцев континента. В итоге насильственному переселению в спецлагеря подверглось более 120 тысяч человек. Их имущество было изъято. Интернированных разместили в бараках простой конструкции, покрытых толем, без канализации и кухонь. Лагеря окружили, по всем законам военного времени, колючей проволокой и вышками с вооружённой охраной. Выход за пределы лагеря был запрещён.

В 1944 году Верховный суд США подтвердил конституционность интернирования, аргументировав это тем, что ограничение гражданских прав расовой группы допустимо, если того требует общественная необходимость.

Великобритания. К началу войны в Туманном Альбионе находилось около 80 тысяч немцев и австрийцев. Подавляющее большинство их было арестовано и перемещено в концентрационные лагеря. Чуть позже то же самое произошло с 19 тысячами итальянцев, проживавших в Британии. Большинство лагерей находилось на острове Мэн.

Германия. О жёстких мерах, принятых немецким правительством сразу же после прихода к власти нацистов в 1933 году, в первую очередь по отношению к инакомыслящим немцам, а потом евреям и прочим, и прочим, рассказывать нет смысла, эта информация достаточно подробно отражена в различных документальных источниках.

8. Наш текст не имеет цели оправдать какую-либо власть. Наша цель – донести объективную информацию о необходимости жёстких мер по отношению к поволжским немцам в соответствии с военной ситуацией. Но я не знаю, как бы поступили мы с вами, дорогой читатель, окажись мы перед угрозой полного истребления нашего народа. Нельзя судить о событиях в отрыве от реалий конкретного времени. Но вместе с тем мы, конечно, знаем, какие лишения во время войны переносили все советские люди, как они выживали – работали, голодали, мёрзли – страшно даже представить. Тем более – переселенцы, оказавшиеся в чужом краю без жилья и одежды. А выжили они благодаря помощи окружающих людей.

Скажу более того: переселение поволжских немцев спасло их от гибели. Легко представить, что могло случиться, если бы в Поволжье появились отряды немецких партизан, то есть – в глубоком тылу Красной армии, когда фашисты стояли уже под Москвой. А такая опасность, по донесениям спецслужб, имела основания. Тогда никто бы уже не церемонился, а прошлись бы ковровой бомбёжкой по всем немецким сёлам, и никто бы уже не выжил в ту лютую зиму 1941–1942 годов, ни мужчины, ни женщины, ни дети.

9. И в заключение. В молодости я ухаживал за Ирмой Пауль, но она уже была влюблена в одноклассника – Александра Карпова, за которого потом вышла замуж и живёт с ним всю жизнь. Я наконец-то встретил свою Ирину, женился на ней и счастлив до сих пор.

10. С Владимиром Эйснером, известным кинорежиссёром-документалистом, лауреатом Государственной премии, мы создали десяток научно-популярных учебных фильмов

по истории родного края, – он потомок поволжских немцев насильственно перемещённых на Алтай.

На многие книги по истории Сибири средства выделяет бизнесмен Корней Корнеевич Гиберт – он потомок поволжских немцев, которых насильственно переселили в Казахстан; а издала одну из книг – «Народная летопись Новосибирской области» (в июне 2020-го) Александра Лихтенвальд – очаровательная руководитель отдела продаж типографии «Деал», потомок поволжских немцев, которых когда-то насильственно переселили в Новосибирскую область. Они мои друзья и, надеюсь, таковыми будут всегда, и никакие враги, ни дальние, ни ближние, не способны нас поссорить.

«ВЕРНИТЕ МНЕ МОЮ ПОБЕДУ!»

Мой отец, чтобы попасть на фронт, исправил год рождения в комсомольском билете, видимо, заметно подтёр цифру, а потому его прежде отправили учиться на связиста и только потом воевать с японцами. Два года в любую погоду, под свист пуль и вой снарядов бегал отец со своим другом дядей Пашей Смирновым с тяжёлой катушкой для кабеля полевого телефона между частями – налаживал связь. И рассказывал иногда о тех днях:

– Ждали связистов все, молились на нас, и никого так беспощадно не материли, как нас, – смеялся отец. – Мы же – связь, любой ценой – дайте связь! Мы – нервы армии! В кино правильно показывают: кто обеспечивает взаимодействие войск? – Правильно – мы. Без нас все как котята слепые.

В минуты доброго настроения, которое непременно случалось в День Победы, после законных фронтовых стаграммов, после обязательного дружеского разговора по телефону с дядей Пашей, который жил и работал в Москве, отец вдруг вспоминал боевые будни:

– Вот представь, сынок, бежишь с катушкой – десять кило, между прочим, эта катушка, – тянешь связь и не знаешь, где тут растяжка. Или провод где-то перебило, бежишь искать порыв, а не знаешь – то ли снарядом его перебило, то ли специально перерезали, и тебя ждёт засада или ты уже на мушке снайпера. А японские снайпера прежде в пах стреляли, а потом, из милости, в голову. А кого-то так и оставляли умирать и истекать кровью. Трупы связистов по проводам находили. Хотя какие трупы, если на мину налетел бедолага – кишки по берёзам висят, а ты скрутил порыв и дальше бежишь связь восстанавливать, потому что

мы – боги войны, мы – связь, без нас никак нельзя. Поганая работа.

Но и живы мы, помню, остались благодаря случаю. Бежим с Пашкой, я впереди, он на расстоянии – метров двадцать сзади, ну, это если один на растяжку напоролся, второй мог порыв найти и связь восстановить. Так вот, бежим, а и не знаем, что наших уже плотным миномётным огнём накрыло, половину угробили, и всё это совершили свои же, по ошибке. Вот такой дури у нас тоже много было, не умели мы воевать, пока с Западного фронта несколько эшелонов с опытными бойцами и офицерами не прибыло. А как те приехали – весёлые, все в орденах, – так мы японцу сразу хвоста накрутили.

После войны отец окончил школу милиции и его боевой путь продолжился, но теперь он боролся с бандитами. Об этом времени он тоже рассказывал мало, но охотнее:

– Здесь, в тылу, за время войны всякий уголовный элемент голову поднял, безнаказанность почувствовал, ведь мужики на фронте, а эти по лесам прятались, в землянках, дезертиру что терять? Трудно было после войны милиционеру работать: огнестрельного оружия, почитай, у каждого фронтовика – рюмку выпил и давай палить куда ни попадя. Прибежишь на вызов, машин-то не было, свяжешь стрелка, а самому его, дурака, жаль, ведь по этапу пойдёт. До кадушки дотащишь, мордой в воду, притопишь слегка, глотнёт воды, очухается немного, на колени валится, прости, мол, солдата! Прощал я, сынок, таких дураков. Пригрозишь хорошенько, жене настраиваешь, что если опять – прям ко мне, я ему на суде и эту пальбу вспомню. Поклянётся, побожится солдатик, и отпускал я фронтовиков, жалел. Лет десять мы у них оружие отбирали, правительство амнистии объявляло тем, кто сам сдаст; потом уже полегче всем жить стало.

Жил мой отец до восьмидесяти двух лет, болел сильно, астма его мучила, но с того дня, когда вместо красного полотнища над страной подняли триколор, отец на парад

в День Победы ходить перестал, и не от того, что душила его эта астма.

– Моя страна – Советский Союз, я ему присягал, и под чужим флагом бойцу Красной армии ходить негоже.

С тех пор будто замкнулся в себе, обиделся. Наденет свой серенький пиджачок с орденами и медалями, выйдет, около дома прогуляется. Молодёжь к нему с гвоздикой, фотографироваться, а он и счастлив. А дома уже бутылочка беленькой и законные сто граммов фронтовых, а потом скупая мужицкая слеза.

– Верните мне мою Родину! Почему вы вора́м страну мою отдали?! – спрашивал меня и кричал: – Труссы! Предатели! Верните мне мою Победу!

Катились крупные слёзы по глубоким морщинам, он изредка их смахивал потемневшей костлявой рукой и скверно ругался.

Он умер в 2009 году, и хорошо, что не дожил нескольких месяцев до того дня, когда его родную милицию переименовали в полицию.

УЛИЦА ЛИНЕЙНАЯ – УЛИЦА МОЕГО ДЕТСТВА

И всё-таки зря переименовали улицу Линейную. Нет, я ничего не имею против нашего знаменитого земляка, легендарного командира стрелкового батальона (его батальон первым форсировал Дунай), погибшего, когда до конца войны было рукой подать. Вечная память. Но всякое имя улицы, номер школы, название города или села имеет историю, которая всегда и навсегда связана в людской памяти с его историческим именем. Петербург – Петроград – Ленинград – Петербург или Акмолинск – Целиноград – Астана – Нурсултан – в названиях одного города ощущение порванной истории, но с каждым из них связаны славные и трагические годы.

Сколько попыток было переименовать нашу Болотную, каких только предложений не поступало, а в романе нашей землячки Натальи Карнеевой Болотное она назвала Ясногорском. Как красиво! И ведь как точно подметила: наш город на возвышенности, много простора, воздуха и света. И пусть он, этот Ясногорск, останется в романе, а нам здесь и сейчас название – Болотное – роднее, ближе. А когда Михаил Кубышкин написал: «Всяк кулик своё болото хвалит, хвалим мы Болотное своё», разговоры сразу все стихли и уже не поднимались, потому что все поняли, что не благозвучие, а конкретные дела и боевые и трудовые подвиги земляков наполняют всякий город, село или государство той славой и тем достоинством, которые вызывают уважение и почитание. У меня сосед был, Игнат Трусов, когда он надевал все свои боевые награды – солнце меркло, соседи отступали и в пояс кланялись, потому что в те годы люди понимали цену тем орденам и медалям, что сверкали на груди старого солдата.

В одном городке новомодный глава администрации решил упорядочить номера школ, и с тех пор не стало порядка, потому что у всех школ теперь два номера – прошлый и новый. Но в одной школе, в которой директор оказался человеком, что называется, с характером и отстоял позицию педколлектива, номер школы для маленького городка остался необычно большим – 176.

Исторически так сложилось, что железнодорожное ведомство в России считало себя самостоятельным «государством в государстве». Эта высокомерная обособленность проявилась и в Болотном. Вот вам первый пример. На всех улицах, как повсеместно заведено, слева чётные, справа нечётные, а на улице Линейной иначе – все дома железнодорожников пронумерованы по порядку и посчитаны в один ряд. Естественно, что поселковым властям пришлось эту порядковую систему распространить и на противоположную сторону улицы.

А вот второе недоразумение. Наш город назван по имени реки Болотной, она и сейчас значится на дорожном знаке около моста в сторону Карасёва «река Болотная» – так и на древних картах, так изыскатели и топографы придумали назвать её. Но питерский чиновник, не знавший, как обозначить на карте будущее село на «спрямлённом» Московском тракте, узрев недалёкую речку Болотную, недолго сомневаясь, написал: «Село Болотное». Прошли годы, статус изменился, из села Болотное превратилось в город, но название осталось – Болотное. Так железнодорожники, нет чтобы сохранить единство в названии с городом, назвали станцию по-своему: Болотная. Навроде вы там безграмотные, щи лаптем хлебаете, а мы кость белая, благородная. С прежними железнодорожниками такая беда случалась.

В доме № 1 на улице Линейной помещался Дом культуры дистанции пути (теперь в этом здании Краеведческий музей), а в нём библиотека. Хотя напротив, за дорогой и спортивной площадкой, находился клуб КОР – Клуб

Октябрьской революции, который тоже был в ведении железнодорожников, однако моя нога впервые ступила в Дом культуры дистанции пути, я оторопело и с благоговением входил в зал, где показывали весёлое кино про дерущихся музыкантов и страшное – про войну, а в самом дальнем и тихом пределе Дома культуры возвышались до самого потолка стеллажи с книгами – библиотека. В библиотеку я не ходил, потому что читал в ту детскую пору ещё по слогам и неуверенно, а вот на концерты бегал с удовольствием, и не только на концерты, но и когда начиналась репетиция, и хор железнодорожников через открытые окна громкогласно прошивал нашу улицу слаженным ором, мы с пацанами бежали в Дом культуры и рассаживались перед высокой сценой.

На сцене плечо к плечу стояли крепкие женщины в длинных и совершенно одинаковых платьях, а за ними несколько мужиков, и одного из них я знал точно, он жил на нашей улице и работал начальником всей нашей станции Болотной – Мысик Пётр Филиппович.

Жители улицы Линеинной

Дом 1

Клуб дистанции пути станции Болотной. Нынче Краеведческий музей.

Дом 2

Кв. 1. Работники ОРСа (отдел рабочего снабжения).

Кв. 8. Трусов Игнат, жена Стеша, сын Володя Бокач – председатель ДОСААФ района, дочь Таня Бокач и сын Саша Трусов – машинист электровоза, секретарь комсомольской организации подменного пункта станции Болотной.

Дом 3

Кв. 1 – ?

Кв. 2. Ильиных, дочь Ирина. Он начальник отдела кадров станции Болотной.

Кв. 3. Аржанов Михаил и Катя, дочь и сын Анатолий.

Кв. 4. Чуховской Александр Фёдорович, Анастасия Ивановна, дочь Наташа, сын Николай, дочь Неля. Он работал следователем в ж/д милиции, она – дежурным по вокзалу.

Дом 4

Кв. 1. Гойманас Людмила с мужем. Она директор железнодорожного детсада № 15.

Кв. 2. Савельев Семён Кириллович – озеленитель ж/д (писатель, журналист), Савельева Светлана – учительница, дочь Светлана.

Кв. 3. Александрова Мария Митрофановна – доктор ж/д больницы, сын Юрий Павлович – тренер спортшколы, заслуженный тренер России.

Кв. 4. Спичаков – начальник ж/д милиции, владелец редкой машины «Москвич-408». Его жена Анна Яковлевна – учительница школы № 21.

Дом 5

Кв. 1 – ?

Кв. 2. Долгих – руководитель на ж/д, жена, и был у них сын Сергей.

Кв. 3. Китаец – зубопротезник, очень богатый, было следствие из-за золота для зубов.

Дом 6

Кв. 1. Мысик Пётр Филиппович – начальник станции Болотной, будущий первый зам. начальника ЗСЖД, председатель совета ветеранов ЗСЖД.

Кв. 2 – ?

Кв. 3. Шахов Евгений, мать – директор ж/д столовой № 7, отец – работник партпрофструктуры на ж/д станции.

В доме № 13 жили Дорогой Г. П. – начальник дистанции пути, его сын Сергей – авторитет болотнинской шпаны, сестра и мать.

ДВАЖДЫ ДВА

Когда я собрался на исторический факультет пединститута, мой классный руководитель сказал, чтобы я не дурил, а шёл поступать на физмат, и как убедительный аргумент добавил: «Сегодня красные, завтра белые, а дважды два – всегда четыре».

Когда выросли его две русские девочки, то уехали жить за границу, и теперь у него трое немецких внуков. А у меня – четверо детей и восемь русских внуков. Он как видел наперёд: пришли белые; но у нас в семье всё по-прежнему: дважды два – Родина.

Вместо послесловия

СЛЕД МОИХ ДЕЛ

В логу около дома я придумал обустроить Сад: копаю в лесу сосёнки, погибающие в гуще великанов Кудряшовского бора, и высаживаю в лог на лысые от солнцепёка косогоры. Знаю, что всё сотрётся и уйдёт в небытие, как забылась жизнь и дела тех, кто покоится чуть далее восточного склона на старом кладбище. Всё стерлось, даже сами плиты с витиеватой вязью эпитафий еле читаются, всё кануло и исчезло навсегда, всё, кроме тревожной любви к будущему, которой нас напитали ушедшие поколения и прошлые заботы и труды многих и многих людей.

Все сотрётся, а Сад останется! Я знаю, что когда-то, и совсем скоро, здесь, в Саду, будут стоять разлапистые высоченные сосны, они будут гудеть вековечно и трубно на ветру или янтарно блестеть весенней смолой, а кто-то полюбуется на них и посидит под ними, задумчиво помечтает, прислушиваясь к тишине позднего вечера или к шуму дождевой капли, в которой, я знаю это точно, будут угадываться хрупкие удары моего сердца. А может, ватага мальчишек пробежит, а возможно, ребёнок какой с мамкой здесь прогуляются в уютной тени Сада... И все дела наши, большие и малые, обязательно прорастут во всю мощь сохранённой и заложенной в них любви к будущему. И под их сенью прорастут новые пытливые и неравнодушные умы.

Я успею посадить ещё несколько сотен сосен, и дай Бог успеть увидеть следы своих дел. Ведь так хочется верить, что каждый твой след нетленно красив.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора. Возвращение</i>	6
<i>О. Елгина. Человек будущего</i>	10
<i>Г. Голошевская. «Олимпийский чемпион»</i>	16

Рассказы из детства

Я встретил себя	24
Первый снег	30
Первое апреля	40
Два пятнышка	45
Кулачные бои	48
Лягушка	51
Памятник	60
Пимики	67
Чемодан	77
Гость Чёрного дома	80
Баламут	88
Клоун	94
Солнечный мальчик	102

Как молоды мы были...

Дезодорант	108
Прогульщик	112
Почётная миссия	117
Через повешение	120
Баннй день Ильича	124
Стадион	126
Свидание	131
Медвежатник	134
Звездочёт	138
Ностальгия	144

Рассказы деда Арефы

Хребтина	150
Родина	155
Замес	157
Гондатыевская – Комитетская	159
Амнистия	161

Улица Водопроводная	165
Водокачка	169
Базар	171
Лоханка	173
Тайна Московской Угловой	175
П. А. Столыпин	178
Чётный Парк	182

Имена существительные

Колбасник Журавлёв (о П. Журавлеве)	186
Барский удел (об А. Чехове)	189
Письмо с фронта (об А. Ромашове)	193
Совещание (о Г. Меркулове)	196
Пародист (об А. Федюке)	202
Бомж на сцене (о Н. Бурмаке)	206
Стихия (об О. Титовой)	211
Тётя Стеша	215
Гостренер (о Ю. Сандалове)	219
Покров день (о В. Калугине)	221
Зелёный чай (о Н. Тельпухове)	231
Вечерний звон (о М. Кубышкине)	235
Открытые страны (о Н. Карнеевой)	239
Владимир Карпов и «Болотнинская быль» (о В. Карпове)	262

История. Люди. Судьбы

Истоки	266
Реформа и люди	270
Масло	273
Сорванная резьба	275
В преддверии перемен	281
Запас прочности	285
На пороге третьего тысячелетия	287
Имели честь. Сохранили достоинство	294
«Новосибирск? Уничтожить!»	300
Не надо врать (<i>размышления о настоящем</i>)	303
Звёздочка	311
Бумеранг	313
Источник	320
Немцы Поволжья. Попытка объективного осмысления	326
«Верните мне мою Победу!»	333
Улица Линейная – улица моего детства	336
Дважды два	340
<i>Вместо послесловия. След моих дел</i>	341

Николай Александрович Александров

Я ВСТРЕТИЛ СЕБЯ

Редактор *Александров Н.*
Обложка *Васильева Е.*
Корректор *Михайлова Е.*
Верстка *Вялкова О.*

Подписано в печать 13.01.2021 г. Формат 60x84/16.
Тираж экз. Заказ №
Издательский Дом «Историческое наследие Сибири»
тел. 8 (383) 292-00-42, моб. 8-913-917-29-28
630091, г. Новосибирск, ул. Мичурина, 19, оф. 11
e-mail: id-ins@ngs.ru, www.sibnasledie.ru

Отпечатано в типографии «Деал»
630033, г. Новосибирск, ул. Брюллова, 6а.
Тел./факс: (383) 334-02-70, e-mail: zakaz@dealprint.ru